

МОРВЕЙН ВЕТЕР

16+

ВЛАДЫКА

СУМЕРЕЧНОЙ БАШНИ

ХРОНИКИ

БЛАДРЕЙХА

Annotation

Что будет, если приёмш-полукровка полюбит эльфийскую принцессу? Ничего хорошего. Станет изгнанником в лучшем случае. А принцессу выдадут замуж - конечно же, не за него. А в худшем? В худшем из полукровки получится тот ещё тёмный властелин. А принцесса? Ей повезёт ещё меньше.

- - [Морвейн Ветер Владыка сумеречной башни](#)
-

Морвейн Ветер Владыка сумеречной башни

Глава 1. Подарок к солнцевороту

– Там, где Стеклянная река впадает в Море Звёзд, а над Дивным Лесом вонзаются в небо хрустальные башни Альтаира, там, в горной долине, куда нет дороги Злу, остался наш дом... Ингрид! Что я сказал?

Ингрид моргнула глазами синими, как океан за окном, и соблазнительно покраснела.

– Вы сказали... – девочка отвлекающим движением нарисовала восьмёрку на странице, – что хрустальные башни... Были построены...

За спиной послышалось хихиканье Белла, и учитель в ярости захлопнул книгу.

– Всё, – бросил он. – Больше не могу.

Сделав глубокий вдох, наставник заставил себя успокоиться.

– Дочитаешь сама и расскажешь мне наизусть. Начиная от основания Альтаира и до самого исхода.

Учитель направился к двери, и Ингрид проводила его обиженным взглядом.

– И что его так разозлило... – пробормотала она и пожала тонкими плечиками.

Ингрид едва достигла возраста, когда эльфийки начинают интересоваться эльфами больше, чем сказками о драконах, но для этих лет не только выглядела достаточно взрослой, но и отлично осознавала свои преимущества перед другими. Во-первых, она была пусть младшей и не наследной, но всё же принцессой Дома Синего Дракона. Быть Младшей ей нравилось, потому что Белл, старший, в отличие от неё должен был помимо магии и истории изучать политическую обстановку в мире, стратегические трактаты прошлого и другие бесполезные вещи. Быть дочерью главы дома ей нравилось тоже – потому что это значило, что никто кроме Белла не смел цепляться к ней, и даже учитель в спорах с ученицей всегда оставался не у дел.

Впрочем, последнему обстоятельству была и ещё одна причина – Ингрид обладала редчайшими среди сумрачных эльфов белоснежными пушистыми ресницами и длинными чуть вьющимися волосами того же цвета. В отличие от других, она не заплетала их в косу, а только скалывала у затылка драгоценными брошками, которые в изобилии дарили ей и отец, и другие, куда менее близкие эльфы. Ингрид подарки принимала не стесняясь, но ответных обещаний никогда не давала – она отлично знала, что судьбу свою решает не сама.

– Ты – дурочка, Ингрид, – Белл подошёл и отвесил ей подзатыльник.

Ингрид насупилась и промолчала. Белл был старше её на десять лет и выше на полголовы. И хотя для бессмертного эльфа десять лет – не срок, когда речь заходила об умении намять бока обидчику, десять лет тренировок вполне себе решали дело.

– Будешь так себя вести – никогда не станешь настоящей Хранительницей.

– Хранительница, – фыркнула Ингрид и принялась убирать книги в шкаф. – Хранительница должна уметь колдовать! Вот так! – она изобразила руками в воздухе хитрый знак, и ваза, стоявшая на самой верхней полке, со звоном разлетелась на множество осколков.

– Дура, – Ингрид тут же получила ещё один подзатыльник. – Хранительница Знаний – это не только магия, это ещё и мозги! А у тебя их явно не хватает.

Ингрид насупилась, но снова промолчала.

– Ладно, – сказала она, наконец, примирительно, – Белл, ты научишь меня седлать виверну сегодня?

– Нет! – отрезал старший. – Сегодня ты будешь зубрить историю Сумеречного Народа.

– А вот и не буду! – заявила Ингрид, и Белл только теперь заметил, что взгляд сестры устремлён за окно.

Белл подошёл и встал рядом.

– Возвращаются, – констатировал он. – Но это не значит, что ты сегодня отдыхаешь!

Ингрид фыркнула.

– Зубри сам! – шмыгнув мимо брата, она выскочила в коридор и рванула вниз по винтовым лестницам, пронизавшим насквозь башню Синего Дракона. Преодолев несколько пролётов, она поняла, что Белл

несётся следом, но остановилась только на первом этаже, когда увидела в дверях мощную фигуру отца. У Тауфина, сына дракона, волосы были тёмными, с проблесками червонного золота, и сам он мощью грудной клетки и широтой плеч скорее походил на лесного великана, чем на эльфа, пусть даже и с примесью древней крови.

– Отец! – Ингрид бросилась было на шею вошедшему, не обращая внимания на остановившуюся по сторонам свиту, но замерла, обнаружив, что отец держит в руках огромный свёрток. – Подарки?

Ингрид расплылась в улыбке.

– В каком-то смысле, – ответил Тауфин, бережно опуская свёрток на пол.

– Мой меч! – воскликнул Белл. Старший остановился рядом с Ингрид и незаметно ущипнул её за руку, так что та взвыла от боли.

– Мо-оя... Моя лютня, ты её привёз?

Тауфин прокашлялся.

– Белл... Найди управляющего. Прикажи освободить спальню на верхнем этаже. И пусть подготовят купальню.

– Конечно, отец, – Белл вежливо поклонился. – Но...

– Нет, Белл, меча не будет.

Лицо наследника вытянулось, он собирался спросить что-то ещё, но в этот миг свёрток зашевелился.

Брат и сестра замерли, уставившись на скрученный трубочкой ковёр, в котором Тауфин доставил свою ношу, а в следующую секунду из гобелена показалась лохматая чёрная голова. Острые ушки едва заметно выбивались из грязных прядок волос. Большие чёрные глаза были изумлённо распахнуты и, казалось, занимали поллица.

– Какой миленький, – Ингрид хихикнула и присела на корточки рядом со свёртком. – Ты кто?

Мальчишка молчал и явно был напуган до смерти.

– Как тебя зовут? – Ингрид протянула перед собой руку, чтобы погладить непонятное существо.

– Инг! – Белл торопливо ударил её по руке. – Ты видишь, у него глаза мутные? Он, может быть, болен, и заразно. – Белл поднял глаза на главу дома. – Что это значит, отец? Это заложник?

– Уймись ты, – не обращая внимания на брата, Ингрид принялась раскручивать ковёр, пытаясь освободить странное существо. Темноволосый мальчишка при этом старательно пытался отвоевать

себе хотя бы кусочек ковра, защищавшего его от посторонних взглядов. – Папа, он правда болен! Посмотри, у него кровь!

– Инг, отойди! – на сей раз в два голоса потребовали отец и брат.

– Не пойду я никуда! – Ингрид попыталась высвободиться из тащивших её прочь рук. – Ему больно, а я умею лечить! Папа, ну я же правда умею! Пусть Белл меня отпустит!

Тауфин вздохнул.

– Ладно, Белл, пусти её. Пока настоящего Хранителя приведут, Раймон измучается весь. Иди лучше, сделай, как я сказал.

Белл бросил последний мрачный взгляд на чудо-юдо, которое принёс отец и назвал именем Раймон. От мальчишки пахло странно... Да нет, от него пахло просто отвратно, то ли болотом, то ли гноем, но кроме естественных запахов существа, которое долго шаталось по какой-то грязи, от этого Раймона пахло... человеком? Белл никогда не чуял этого запаха здесь, у себя дома. Только в пограничных городах, куда иногда возил его отец.

– Хорошо, – сказал Белл сухо и стал подниматься наверх.

А Ингрид вновь упала на колени около чудного мальчишки и, не обращая внимания на сопротивление, принялась сдирать с того покрывало.

– Убери руку, – она легко оттолкнула запястье ослабевшего парнишки, освобождая себе доступ к неприятной ране под рёбрами. – Кто это тебя так, Ра-ай-мон, – она будто бы пробовала слово на вкус.

– Да так... один, – Раймон насупился.

Это выглядело так забавно, что Ингрид не удержалась и прыснула смехом. Мальчишка тут же насупился ещё сильнее и обиженно засопел.

– Ты похож на мокрого пса, – сообщила Ингрид, пока пальцы её порхали над изувеченным местом. – Так – больно? – спросила она, и мальчишка тут же заорал во весь голос. – Пап, нужно... – Ингрид подняла голову и обнаружила, что отца уже нет рядом.

Юная Хранительница снова опустила растерянный взгляд на Раймона.

– Нужно промыть, – сказала она, и веселье из её голоса испарилось. – Плохая рана.

– Знаю, – Раймон оставался всё так же серьёзен.

– Идти можешь?

Раймон фыркнул и попытался встать, но тут же едва не рухнул обратно на пол. Тонкие руки Ингрид подхватили его под поясицу, но удержать не смогли, и Раймону пришлось привалиться к стене. Он тяжело дышал.

– Какой ты большой... – задумчиво произнесла Ингрид. Раймон и в правду был на полголовы выше любого эльфа, которого она знала, уступая в росте разве что Тауфину. Он вообще мало походил на эльфа – разве что ушами и огромными глазищами. – Пойдём, – Ингрид осторожно подставила Раймону плечо, и так, опираясь на плечо будущей Хранительницы одной рукой и на стену другой, полуэльф стал подниматься вверх.

Когда винтовая лестница, которую Ингрид ещё утром преодолела в несколько прыжков, осталась, наконец, позади, оба привалились к стенам по разные стороны коридора и попытались отдышаться.

– Ты – Ингрид? – спросил Раймон, внимательно разглядывая эльфийку.

Ингрид кивнула.

– Я – дочь Тауфина. А этого, противного, зовут Белл. Он мой брат. На лице Раймона промелькнула усмешка, и он тут же снова стал серьёзным.

– Спасибо... что возишься со мной.

Ингрид расплылась в улыбке.

– Мне нравится. И потом... Разве ты бы так не сделал?

– Не знаю, – Раймон пожал плечами. – Я ведь ещё не знаю тебя.

Ингрид не обратила внимания на слова странного мальчишки.

– Пошли, – она снова подставила плечо. – Осталось чуть-чуть.

Миновав несколько дверей, они подошли к спальне Ингрид. Она пнула ногой дверь и, рывком затащив Раймона внутрь, бросила на кровать.

Перевела дух, стёрла пот со лба, закрыла дверь и опустилась на секунду рядом с Раймоном. Затем встала и отправилась в купальню. Вернулась Ингрид с металлическим тазиком для обливаний и мягким полотенцем в руках.

– Ты ещё не разделся?

Раймон покраснел и покачал головой.

– Всё нужно делать за тебя.

Ингрид принялась стаскивать с парнишки грязную рубашку. Закончив, она брезгливо отшвырнула её на пол и занялась, наконец, раной.

– Так кто тебя так? – спросила она.

– Это... так... А-ай! – Раймон обиженно посмотрел на Ингрид.

– А не надо врать, – заявила Ингрид и принялась обрабатывать порез уже аккуратнее.

– На улице напали.

– На улице? – Ингрид высоко подняла брови. Она впервые слышала о том, чтобы на кого-то нападали просто так.

– Ну... да. А господин Тауфин отогнал этого ублюдка и забрал меня с собой.

– Ублюдка... – повторила Ингрид и покраснела. Раймон говорил странно и о странном. Но от того было ещё интереснее выяснить, что же случилось. – А чего этот... ублюдок... хотел от тебя?

– Да чёрт его знает. Может денег, а может... – Раймон запнулся, не решившись произнести то, что хотел, и покраснел. Ингрид была какой-то... нечеловеческой. Ну, да, она, собственно, и не была человеком. Но даже то, что слышал Раймон об эльфах, никак не подходило к Ингрид. – Тебе правда так интересно, а?

– Ну, да, иначе зачем бы я спрашивала? Значит, отец нашёл тебя на улице в Дорлифене и привёз нам вместо лютни?

Раймон отвернулся и снова насупился.

– Я никому не хотел мешать. Уйду, если нужно.

– Но лютня то от этого уже не появится, – Ингрид усмехнулась и сверкнула глазами из-под белоснежных ресниц. – Так что тебе придётся её заменить.

– Как это?

– Будешь моим подарком на Солнцеворот.

Раймон снова покраснел.

– Если надо, – пробормотал он. – Что там с раной?

– Всё в порядке. Смотри.

Раймон изогнул шею, разглядывая недавнюю рану.

– И правда, – он поднял на Ингрид удивлённый взгляд.

– А теперь давай, – Ингрид поднялась и замахала рукой, сморщив маленький носик. – Вставай, раздевайся, мойся. Я позову Марлин, после тебя всю постель менять.

– Прости, – Раймон снова смутился. Встав, он поплёлся туда, откуда Ингрид принесла воду. – Подожди, – он замер на пороге. – Что значит: «Раздевайся»? Мне одеваться не во что.

Глава 2. Член семьи

Следующим вечером Тауфин собрал у себя всю семью: двоих своих детей, сестру Айниру с её тремя почти взрослыми сыновьями – и Раймона.

Дом Синего дракона был невелик. История рода уходила корнями ко временам исхода, и владыка Тауфин гордо и честно мог говорить о том, что его тело несёт в себе кровь драконов. Однако войны сначала с людьми, а затем с Империей Крови, покорившей их земли, раз за разом накатывали на земли Синего Дракона, лежавшие на самой границе королевства. Мужчины умирали, не успев оставить потомство, и место их во главе пограничных отрядов занимали женщины. Так погибли шурина Тауфина и его старший сын, а затем и его супруга. Вампиры отлично знали, что стоит лишить отряд благородного предводителя, как магия драконов оставит войско Сумеречного Народа, и остатки воинов разбегутся.

В подчинении Тауфина всё ещё оставалось две тысячи простых бойцов, в ком не было ни капли драконьей крови, но вот ядро семьи становилось всё меньше.

– Дети мои, – произнёс Тауфин чинно, обводя покровительственным взглядом стоявших перед ним сыновей и племянников. – Я хочу познакомить вас со своим новым сыном.

Сыновья Айниры зашептались и стали переглядываться.

Белл нахмурился и опустил руку туда, где мог бы уже быть настоящий меч, а сейчас вместо него висела бестолковая деревяшка.

Ингрид широко улыбнулась и, склонив голову, из-под густых ресниц бросила короткий взгляд на Раймона.

Раймон покраснел. Он покраснел ещё тогда, когда Тауфин заговорил о новом сыне, потому что не мог поверить, что речь идёт о нём.

Встреча с благородным эльфом была чудом. Одни демоны знают, что привело Тауфина в трущобы, но едва Раймон увидел вдалеке его прямую спину и шёлк голубого плаща, трепещущий на ветру, как уже не мог отвести взгляд. Конечно, все в округе знали, что гуляющая Варна приبلудила от эльфа. Острые уши было не скрыть никаким

капюшоном, да и вырослел мальчик куда медленнее, чем сверстники – за что не раз получал обидные клички.

Но сам Раймон эльфов не видел никогда. До этого дня. Он пробирался ночами под окна трактира, чтобы послушать песни заезжих бардов о бессмертных народах, и гадал, каким же был его отец? Гордым Лунным или свободолюбивым Лесным эльфом? Или, может быть, просвещённым эльфом Солнца? И хотя сумеречное королевство лежало к Дорлифену ближе всех других эльфийских королевств, Раймон никогда и не надеялся, что в нём течёт кровь самого могущественного эльфийского народа, много веков назад породнившегося с драконами.

Раймон не знал, к какому народу принадлежит таинственный незнакомец. Его попросту покорили его волосы с прожилками золота и широкие плечи, закованные в сталь. И когда Мартышка Джон решил поживиться редкой добычей и всадить в спину благородному гостю свой кривой клинок, Раймон сам не заметил, как бросился ему наперерез. С первого раза клинок выбить не удалось, завязалась короткая схватка, и нож вошёл полуэльфу под ребро. Раймон уже решил, что ему конец, когда руки Тауфина оторвали от него Мартышку и швырнули о стену.

А его, грязного полукровку, подняли на руки.

– Зачем полез? – спросил Тауфин, и на лице незнакомого мужчины отразилась искренняя забота – такая, какую Раймон видел разве что в глазах матери, давно уже почившей от старости. Ответа Тауфин не дождался, продолжив расспросы: – Ты что это: полуэльф?

Раймон зажмурился, почувствовав, что сейчас сказка закончится. Он не раз слышал, что эльфы не любят полукровок куда больше, чем люди. Для нищих и бандитов из трущоб он был просто жалким уродцем – непохожим на других, слишком слабым, чтобы работать в доках наравне с честными труженниками, и слишком медленно взрослеющим, чтобы оказаться полезным учеником в воровской гильдии.

Для эльфов же, как говорили все, включая знающих всё на свете бардов, одно существование полукровок было оскорблением.

Раймон искренне ожидал, что его ударят, но вместо этого большие и неожиданно мягкие руки эльфа приподняли его и понесли куда-то. Вскоре Раймон потерял сознание и очнулся уже в каком-то странном

жестком кульке, притороченном к седлу виверны – и на высоте птичьего полёта. Последнее открытие заставило мальчишку задрожать от ужаса – и дрожать уже до тех пор, пока виверна не опустилась на вымощенную мрамором посадочную площадку.

Если бы не странное белоснежное создание, по имени Ингрид, Раймон дрожал бы и до сих пор. А скорее – валялся бы снова без сознания.

Но Раймон стоял в удивительно красивом, отделаном разноцветными осколками кварца, зале, в окружении ослепительно красивых бессмертных существ, а Ингрид держала его за руку – и теперь, после слов Тауфина, прекрасного эльфа, принёсшего его сюда, оказавшегося то ли королём, то ли ещё какой-то большой шишкой, эльфийка сильнее сжала пальцы, будто почувствовав, как дрожат пальцы названного брата.

Раймон торопливо выдернул руку. Он не хотел, чтобы Ингрид знала, как ему страшно. Не хотел, чтобы Ингрид догадалась, как неуютно ему здесь и насколько не место ему, грязному полукровке, среди этих прекрасных созданий.

Раймон давно привык, что все вокруг считают его чем-то вроде дворняги, которая легко сносит пинки и побои. Но именно Ингрид не должна была так считать. Раймон сам не знал, почему.

– Его зовут Раймон, – произнёс Тауфин, приближаясь к двум своим родным детям и третьему, приёмному.

– Имя как у дворняги, – фыркнул кто-то из юношей, стоявших в стороне, и двое других тут же захихикали.

Тауфин сделал вид, что не слышит, а Раймон не заметил, каким пристальным взглядом наградила говорившего Ингрид – так что кузен поперхнулся собственным смехом, и толкнул локтем брата, заставляя замолчать и его.

– В нём нет драконей крови, – произнёс холодно тот, кого звали Белл. – В нём и эльфийской-то крови – кот наплакал. Он будет позором для дома, отец.

– С чего ты взял, – оборвал его Тауфин – что в его жилах нет крови наших предков? Только с того, что в нём течёт кровь людей? И даже если ты прав, Белл. Я – глава дома. Моё решение – закон. Удивлен, что ты об этом забыл.

– Да, отец, – Белл опустил голову, пряча недовольный взгляд за выбившимися из косы прядями чёрных волос.

– Раймон будет ходить на занятия вместе с тобой и Ингрид.

– Но... – Белл запнулся.

– Ты что-то хотел спросить, сын?

– Нет... – выдохнул Белл. – Ничего.

– Он хотел сказать, – произнесла Ингрид с улыбкой вместо него, – что Раймон наверняка отстал в учёбе.

Услышав это слово, «отстал», Раймон дёрнулся и бросил короткий взгляд на Ингрид, но та продолжала как ни в чём ни бывало:

– ... и было бы хорошо, чтобы кто-нибудь из нас помог ему наверстать пропущенное.

Тауфин задумчиво кивнул.

– Да, ты права, конечно. Но это уже не тема для обсуждения на семейном собрании. Если хочешь, позанимайся с ним. Всё, все свободны.

Тауфин вернулся на своё кресло в торце зала. Айнира осталась стоять рядом с ним, и старшие принялись негромко что-то обсуждать.

Сыновья Айниры потянулись к выходу, продолжая перешёптываться. Проходя мимо нового члена семьи, каждый из троих будто бы невзначай постарался задеть его плечом. Ингрид проводила уходящих холодным взглядом, но в спор вступать не стала – настоящая угроза осталась стоять рядом, и угрозу эту звали «Белл».

– Стало быть, ты теперь сама решила стать учительницей? – спросил он, подходя к Ингрид.

– Нужно – и стану, – Ингрид вскинула подбородок.

– Смотри, помыться не забудь после занятий.

Фыркнув, он вышел следом за остальными, а Ингрид облегчённо вздохнула, довольная тем, что ссора закончилась так легко, и повернулась к Раймону. Тот стоял мрачный, как туча.

– Эй, – Ингрид помахала ладонью перед его глазами. – О чём задумался?

Раймон медленно перевёл взгляд на Ингрид.

– Всё ещё хочешь возиться со мной?

– Ну, я же тут, – она протянула руку и попыталась поймать ладонь полуэльфа.

– Смотри, как бы и тебе не досталось.

Ингрид фыркнула.

– Ко мне никто не посмеет подойти. И к тебе тоже – пока ты со мной.

– Что-то не очень хочется... – Раймон запнулся. «Становиться твоим хвостиком», – хотел он сказать, но понял, что это было бы неправдой. Ему очень даже хотелось остаться рядом с белокурой, чьи волосы походили на тополиный пух, девушкой. Просто прятаться за спиной у такого хрупкого создания было совсем уж подло. Даже для него.

– Пошли, – воспользовавшись тем, что Раймон на время выпал из реальности, Ингрид всё-таки схватила его за руку и потащила прочь.

В тот же вечер, когда они сидели в библиотеке на верхних этажах башни и разбирали заданный Ингрид урок, обнаружилась первая проблема: Раймон не умел читать.

– Тебе сколько лет? – спросила Ингрид с деланной строгостью, уставившись на него.

Раймон пожал плечами и отвернулся.

– Раймон, – позвала Ингрид настойчиво и, не встретив ответной реакции, встала и подошла к Раймону вплотную. Двумя пальцами, унизанными острыми перламутровыми коготками, подняла к себе лицо полуэльфа. – Сколько пальцев? – она выставила перед собой раскрытую ладонь.

Раймон секунду смотрел на неё, а затем, вскочив с места, оттолкнул протянутую к нему руку и рванулся к двери.

Ингрид проследила за ним задумчивым взглядом и щелчком пальцев заставила дверь захлопнуться перед самым носом полуэльфа. Тот сжал кулаки и обернулся, ожидая продолжения нападок.

– Ты и считать не умеешь, – произнесла Ингрид, приближаясь к нему.

– Ну, давай, скажи, что я вообще ничего не умею!

Ингрид замерла на месте, изучая яростный огонь во взгляде ученика. Она никогда ещё не встречалась с таким открытым проявлением чувств, тем более с таким открытым проявлением злости. Обычно саму её упрекали в несдержанности и легкомыслии, но

шалости Ингрид казались игрой искр на поверхности метала по сравнению с лесным пожаром эмоций Раймона.

– Я не думала этого говорить, – соврала Ингрид. – Все ведь когда-то не умели читать. И считать. Ну... позанимаемся немножко. Всё равно наставник проговаривает всю эту лабуду, – Ингрид постучала ногтем по корешку книги на ближайшей полке, – вслух.

Раймон всё ещё стоял напротив, плотно сжав зубы.

– Не говори брату, – сказал он мрачно.

Ингрид представила реакцию Белла, который и её саму без конца называл дурёхой за непоседливость, и кивнула.

– Ну, по крайней мере, больше я не буду самой большой идиоткой в семье.

Прежде чем Раймон успел разозлиться, Ингрид ослепительно улыбнулась, и полуэльф понял, что ответить ему нечего.

Шло время, но обычно легко остывавшей Ингрид не надоедало возиться со своим «подарком». Рядом с Раймоном она чувствовала себя настоящей Хранительницей – заботливой и мудрой, и ей безмерно нравилось это чувство.

Раймон же готов был учиться чему угодно, если обучала его забавная эльфийка с пушистыми ресницами и белыми, как облака, волосами.

Ингрид не надоедал Раймон, но учёба всё же надоела достаточно быстро. И понял это полуэльф, когда однажды после ужина Ингрид взяла его за руку и потащила вниз по лестницам.

– Куда мы идём? – спросил Раймон, когда обнаружил, что они уже стоят на первом этаже многоэтажной башни из полупрозрачного сероголубого камня. Там, где он увидел Ингрид впервые.

– Ты умеешь ездить верхом?

– Ну... – Раймон задумался. Признаться в том, что он и этого не умеет, не хотелось. Ингрид и так явно считала его идиотом. – На лошади.

– Как думаешь, на виверне то же самое?

– Наверное, – выдавил Раймон, хотя по телу пробежала волна дрожи от мысли о том, что он снова окажется в небе.

– Тогда научишь меня её седлать.

Раймон не ответил, да Ингрид и не ждала ответа. Волоча за собой Раймона, она уже неслась далеко впереди.

Дрожащими пальцами Раймон застёгивал подпруги и уздечки, стараясь не показать, что видел, как это делается, только издалека.

Раймон не умел читать и писать. Он не знал ни истории, ни древних языков. Всё, что он мог хотя бы попытаться сделать, чтобы не потерять интерес своей новой знакомой – это показать, что умеет работать руками. И он старался изо всех сил.

Наконец, два гордых животных оказались запряжены.

Ингрид дёрнула за поводья своей виверны, и та нехотя опустила шею, предлагая ей забраться в седло.

– Ингрид... – позвал Раймон, и эльфийка обернулась. У Раймона тут же перехватило дыхание от взгляда этих огромных синих глаз. Он хотел сказать, что вся идея с вивернами – глупость, но тут же понял, что не может вымолвить ни слова, и смущённо замолчал.

– Давай, – Ингрид запрыгнула в своё седло, и Раймону ничего не оставалось, кроме как сделать то же самое.

Дети успели подняться всего на несколько метров, когда из башни выскочила группа эльфов, размахивающих руками и вопящих на несколько голосов.

Раймон с облегчением вздохнул, поняв, что полёт отменяется.

Ингрид же прищурилась и легко ударила виверну по бокам пятками, как сделала бы это с лошадью. Обиженная рептилия взвыла и пошла вверх, но не плавно, по спирали, а задрав голову к небу.

Несколько секунд Ингрид балансировала в седле, с трудом удерживаясь на спине ящера и не желая уступать своей гордости. Всё это время виверна продолжала набирать высоту. А затем плохо закреплённый ремень отскочил, и эльфийка стала падать вниз вместе с седлом.

Раймон выругался. Попытался, используя поводья, повернуть виверну так, чтобы та оказалась под другой всадницей, но рептилия явно не понимала, чего от неё хотят.

Когда же Раймон увидел, что Ингрид уже летит вниз, все мысли выветрились напрочь. Он выпрыгнул из седла, далеко протягивая перед собой руки и пытаясь поймать падающую эльфийку.

Раймон рухнул на камень, сильно ударившись затылком, но сознания не потерял. Следом на него приземлилась Ингрид – и тут же

закопошилась, крепче придавливая тело полуэльфа к земле и пытаюсь подняться раньше, чем до обоих доберутся слуги.

– Госпожа Ингрид! – девочку вздёрнули на ноги всё же раньше, чем она успела подняться сама, и принялись отряхивать со всех сторон.

– Это он её чуть не убил! – Раймон увидел, что кто-то из эльфов ткнул в него пальцем, но лица не узнал – он всё ещё плохо знал большинство домочадцев.

Один за другим взоры слуг обращались к нему.

– Я знала, что этот полукровка принесёт нам несчастье! – услышал он голос Марлин, горничной Ингрид и Белла, где-то совсем рядом.

Раймон сжал зубы. Всё это он слышал уже много раз и ничуть не удивился. Удивительно было только то, что Ингрид стояла рядом и молчала. Лицо её было бледным, губы сжаты в плотную полоску.

– А ну к владыке его! – кто-то дёрнул Раймона за плечо, резко поднимая на ноги. Мальчик пошатнулся – перед глазамиплыли цветные круги, а затылок всё ещё ныл. Впрочем, ему удалось не упасть, а спустя мгновение его уже тянули куда—то вверх по лестницам.

– Господин Белл?

Раймон сжал кулаки, когда оказавшись в приёмных покоях владыки, увидел сидящего на отцовском кресле молодого наследника.

– Что случилось? – Белл чуть наклонился, разглядывая провинившегося.

– Господин Белл, мы привели «этого» к владыке. Он чуть было не убил госпожу Ингрид.

– Мою сестру?

Глаза Раймона и Белла встретились. Почему-то Раймону казалось, что реакция любого любящего брата на подобные слова должна быть другой. Он бы поверил, если бы Белл вскочил, ударил его, закричал. Но Белл лишь прищурился и внимательным взглядом уставился на него.

Марлин, державшая мальчика за плечо, принялась рассказывать о произошедшем.

– Зверёныш совсем одурел от вседозволенности, – холодно произнёс Белл. – Заприте его в клетке, с другими такими же.

Белл отвернулся, а Раймон перевёл недоумевающий взгляд на стоявшую за его правым плечом Марлин. Казалось, горничная хотела что-то сказать, но передумала.

– Пошли, – она развернула Раймона к выходу и повела обратно вниз.

Глава 3. Зверье

С самого утра у Ингрид всё валилось из рук. Взгляд то и дело устремлялся за окно, к подножию башни, где стояли клетки для пленных.

Отец уехал по делам на две недели. И это означало, что на две недели управление Домом переходило в руки Белла. Одна мысль о том, что целых две недели ей придётся терпеть главенство брата, сводила Ингрид с ума. Может быть, поэтому, когда Белл в очередной раз поддразнил её обещанием научить управлять виверной, а потом посмеялся и отправил заниматься со «своей зверушкой», как выражался брат, Ингрид не выдержала.

Что может быть сложного в управлении виверной? Она отлично держалась в седле наземных животных. Отец даже подарил ей редкого прирученного ящера на двадцатилетие – одного из тех, которыми пользовались в своих подгорных туннелях друу.

Потом уже Ингрид подумала о том, что, возможно, не стоило втягивать в свою личную месть брату Раймона. А тогда ей просто нужна была поддержка – и кто мог стать лучшей поддержкой, чем обязанный всем полуэльф?

В том, что Раймон последует за ней куда угодно, Ингрид не сомневалась. Этот задумчивый, будто застывший взгляд она ловила на себе уже не раз и прекрасно знала, что он означает.

Кто же мог знать, что Раймон пойдёт в своей преданности до конца? Впрочем – и думая об этом Ингрид с особой яростью впивалась в кончик карандаша, который грызла всё утро – всё она отлично знала. На то, по большому счёту, и надеялась, что отвечать перед братом самой не придётся.

А теперь Раймон сидел внизу вместе с пленными, а Ингрид противно грызло изнутри чувство вины.

Дождавшись, пока наставник закончит свою лекцию, Ингрид демонстративно прошла мимо брата, даже не глядя на него, и принялась спускаться вниз. Она шла медленно, не зная толком, что

собирается сказать. Уже на первом этаже её осенила внезапная мысль, и Ингрид свернула в боковой коридор.

Раймон не сразу понял, что значит, «клетки для зверья». Смысл сказанного стал ему ясен, только когда Марлин передала его на руки двум суровым эльфам, с ног до головы закованным в сталь, и те, проведя мальчика в самый центр залитого солнечным светом двора, открыли решётчатый люк в земле и спихнули его внутрь.

Раймон едва успел выставить перед собой руки, и, падая, всего лишь больно ударился о землю локтями. Люк тут же закрылся, а мальчишка понял, что в том месте, где он оказался, он не один.

Раймон торопливо перевернулся на спину и огляделся по сторонам. Глаза не сразу привыкли к темноте, и когда он, наконец, смог разглядеть фигуры, надвигавшиеся на него из мрака, те уже сомкнули круг.

– Человек, – выдохнул один.

– Или эльф, – добавил второй.

– Тебе не всё равно? – добавил третий. – Главное, что еда...

Раймон попытался отползти назад и понял, что уткнулся лопатками во что-то мягкое.

Рывком повернув голову, он обнаружил, что это сапоги ещё одного из хищных существ, окруживших его.

– Эльф вкуснее, – ответил уже знакомый голос.

– Тоже мне гурман, – фыркнул кто-то из толпы.

Кто-то поднял Раймона за плечи, заставляя встать на ноги, и тут же кольцо противников сомкнулось.

– На всех не хватит, – сказал кто-то.

– А мы его подготовим, – ответил ещё один голос.

Чьи-то руки слегка обняли Раймона за плечи и заползли под рубашку.

– Ты как предпочитаешь, еда, сладко или больно? – руки сползли вниз и сжали его задницу.

В этот миг Раймон запаниковал. О том, что можно делать с мужской задницей, он только слышал, но рассказы ему абсолютно не нравились.

– А ну спать, – рыкнул новый, женский голос, когда руки уже принялись стягивать с него штаны.

Секунда – и чудовище, лапавшее его сзади, оказалось отброшено в сторону.

Раймон едва успел заметить, как точно так же прочь полетело второе.

А затем новая рука коснулась его. Он увидел, как задымились тонкие пальцы с обломанными ногтями, державшие его за освещённое солнцем плечо.

«Вампиры», – только теперь мысль оформилась до конца, и Раймону стало по-настоящему страшно. Полуэльф отлично знал, как готовят вампиры своих жертв, чтобы насытить их кровь силой и получить от неё максимум жизненной энергии.

Тонкие пальцы рванули его в сторону, в темноту. Раймон быстро заморгал, стараясь привыкнуть к новому освещению, и через несколько секунд различил контуры лица с острым чуть раздвоенным подбородком. Волосы державшей его вампирши свисали по обе стороны от лица грязной паклей, так что Раймон не мог угадать их цвет. Как разглядел Раймон ещё через некоторое время – щёки запали, а губы истончились. И только глаза на ссохшемся лице казались молодыми. Они были бледно-зелёными и даже сейчас едва заметно светились изнутри.

– Кто ты?

Раймон обнаружил, что голосу, говорившему с ним, просто невозможно не ответить. Вампирша выглядела потрёпанной, как старый башмак, побывавший в пасти сторожевого пса. Изодранная в клочья сорочка почти не скрывала бледной груди, а мятый зелёный камзол покрывали бурые пятна. Вопреки внешности говорившей и месту, где они встретились, этот голос оставался мягким, чуть бархатистым и абсолютно спокойным. Теперь Раймон с трудом мог поверить, что именно это существо только что раскидало своих собратьев.

– Р-раймон... – выдохнул юноша, заставляя себя не дрожать от страха.

– Я спросила: «Кто ты?» – повторила вопрос вампирша, и теперь в её голосе чувствовалось лёгкое раздражение. – Тебя бросили нам как подачку, или ты шпион?

– Что?.. Нет... я не знаю... Мы... Я... Я просто немного провинился. И Белл... Сын главы дома, господин Белл, он приказал бросить меня к... – мальчик запнулся, не решившись повторить последние слова Белла.

– Понятно, – вампирша убрала руку и бросила косой взгляд на своих сокамерников.

– Всё-таки еда, Свеа! – сообщил один из них, сидевший прямо на грязном полу.

– Если и так... Ты же не хочешь отравиться?

По рядам вампиров прошёл нестройный гул.

– Он не может тебе врать, – добавил другой.

– Я бы не была так уверена, – отрезала та, кого звали Свеа, и снова повернулась к Раймону. Некоторое время она просто молча вглядывалась в глаза полуэльфа. – И всё же: кто ты? – спросила она. – Для воина ты слишком мал.

Раймон пожал плечами. Поджал губы. Врать он и правда не мог. Но и что ответить – не знал.

– Тауфин сказал, что я его приёмный сын.

– И он швырнул приёмного сына на съедение пленным?

– Не он... Белл...

– Да... Сын главы дома. Твой брат, – Свеа усмехнулась и сложила руки на груди. – Так к кому же он велел тебя бросить? Как он нас назвал, Раймон?

Мальчик сглотнул.

– ... к другому зверью, – выдавил он, чувствуя, что рот открывается сам собой.

– Похожи? – Свеа улыбнулась.

Раймон покосился на вампиров, скрывшихся в темноте.

– Они просто голодны, – сообщил Свеа спокойно. – Нас не кормят почти неделю. Не каждый может это вынести. Неделю назад нам швырнули вниз поросёнка, но мы не едим свинину. Для нас это куда хуже, чем для тебя, к примеру, крысятину.

– Вы едите людей, – сказал Раймон, стараясь сделать так, чтобы голос не дрожал.

– Такова наша потребность, – кивнула Свеа. – Но я бы не сказала, что мы вас едим. Люди приходят к нам сами, сами берут нашу силу и

отдают взамен кровь. Так же делают и эльфы. А нам просто нужно жить.

Слова вампириши звучали не очень убедительно, но на её стороне была сила – и всё же она ей не пользовалась.

– Вы...

Мальчик замолк.

– Договаривай, – Свеа усмехнулась. – Хочу знать, как ты это назовёшь.

– Вы съедите меня? Убьёте?

– Не съедим и не убьём. Но, думаю, ты должен понимать, что раз уж попал сюда – для нас это отличная возможность.

Раймон сглотнул.

– А вы... вы... будете меня готовить?

Свеа окинула Раймона оценивающим взглядом и криво усмехнулась.

– Вообще я бы не против. Но боюсь, толку от этого будет мало. Ты перепугаешься вдрызг, а силы я тебе всё равно не передам – лишней у меня нету.

– Вы боитесь, что я буду звать охрану, – Раймон заметно осмелел, обнаружив хоть один способ давления на собеседницу.

Свеа помолчала.

– Я просто не хочу принуждать, – сказала она спокойно. Взгляд её зелёных глаз встретился со взглядом чёрных глаз Раймона. Раймон понял, что Свеа так же, как и он, не знает, придёт ли охрана на его зов. Но никто из них не хотел проверять.

Ответить Раймон не успел. Сквозь решётку вниз упал маленький камушек, и послышался негромкий нежный голос:

– Раймон! Пс!

Раймон вздрогнул, узнав говорившую.

– Ингрид? – он торопливо встал под решётку. – Ингрид, ты выпустишь меня?

Ингрид замешкалась.

– Я не могу, – сказала она тихо. – Не могу, Белл узнает... Раймон, отец вернётся через две недели. Он его накажет, обещаю.

– Через две недели, – медленно повторил Раймон, и взгляд его невольно наткнулся на стоящую в углу Свеа. По спине пробежал озноб.

– Раймон! – снова услышал он голос Ингрид. – Прости, что не заступилась. Мне... стыдно.

Раймон не ответил. Ему казалось, что он тонет в гипнотизирующем взгляде бледно-зелёных глаз.

– Раймон! – новый камешек упал вниз и больно стукнул Раймона по плечу, выводя из транса. – Раймон, готовь руки, я принесла тебе булочек. Ничего другого не нашла.

Раймон послушно протянул руки перед собой и увидел, как сквозь бреши в решётке в его ладони по верёвочке спускается змейка из золотистых полукруглых хлебцев. Когда последняя оказалась у Раймона в руках, Ингрид обрезала верёвочку.

Раймон поднял глаза, вглядываясь во взъерошенную голову с глазами в пол-лица. Оттого, что Ингрид нависла над решёткой вниз головой, коса растрепалась, и пушистые локоны окружили контур головы солнечным ореолом.

– Я приду завтра, Раймон, – сказала она виновато, и Раймон понял, что не может злиться. – Каждый день буду приходить, хорошо?

– Хорошо, – Раймон кивнул.

– Тс... Идут... – голова Ингрид бесшумно исчезла, а Раймон торопливо принялся прятать булки запазуху. Закончив, он обнаружил, что Свеа стоит в шаге от него.

Раймон сглотнул.

– А если я откажусь? – спросил он.

Свеа кивнула на сидевших на полу и сверкавших голодными глазами сокамерников.

– Я тебя не убью, – сказала Свеа спокойно и ласково отбросила прядку волос, закрывавшую ухо Раймона. – Расслабься, это может быть приятно.

Ингрид выполнила обещание. Каждый день она приносила булочки, конфеты и сладкий напиток из лесных ягод. Каждую ночь Раймон убирал в сторону волосы и позволял Свеа надрезать зубами кожу на своей шее.

А через две недели вернулся Тауфин. Когда решётка открылась, и в проёме показалась встревоженная голова Ингрид, Раймон уже не мог встать – голова кружилась, и кровь не успевала восстанавливаться.

Свеа приподняла лежащего на земле юношу, осторожно помогая ему встать. На секунду она заключила Раймона в кольцо своих рук.

– Ты был вкусным, – сказала она тихо, и Раймон вздрогнул. – Спасибо.

Из груди Раймона вырвался истерический смешок.

– Если ты будешь в Империи – обратись в семью Ламии и спроси Свеа. Я помню тех, кто мне помог.

Она подтолкнула Раймона к пятну света, и тут же сверху протянулись две пары рук. Раймона вытащили на поверхность, солнце ударило ему в глаза. Тонкие руки Ингрид оплели его шею, а на плече оказалась пушистая голова. Раймон едва не падал с ног, а теперь на него навалилась тяжесть ещё одного тела, но он лишь крепче сжал зубы. «Если уж терпел две недели – глупо будет показать слабость теперь», – подумал он и чуть заметно обнял тёплое тело Ингрид в ответ.

– Мой Раймон, – выдохнула Ингрид. А Раймон стоял, заново привыкая к яркому солнцу и голубому небу.

– А что будет с Беллом? – спросил Раймон, когда охранники, наконец, ушли, и полуэльф, стараясь не заваливаться на бок и придерживая одной рукой льнувшую к нему Ингрид, двинулся в сторону башни.

– Он наказан. Отец запрещает ему идти на Бал Весенних Листьев.

– Ясно, – Раймон стиснул зубы

Знал ли Белл, что внизу его будут ждать вампиры? В этом Раймон не сомневался. А мог ли он предположить, что извечные враги и захватчики не сожрут его с потрохами? Ответ на этот вопрос у Раймона тоже был.

Добравшись до своей спальни, расположенной по приказу Ингрид рядом с её собственной, Раймон не выдержал и упал на кровать. Он проспал почти сутки, не заметив, когда ушла Ингрид, и проснулся от того, что эльфийка трясла его за плечо – пора было отправляться на занятия.

Тем же днём Раймон услышал разговор прислуги о том, что «звери» выбрались и яма пуста.

Ингрид как и прежде не отходила от Раймона ни на шаг. Те две недели, когда она оказалась лишена своего вечного спутника, показались ей вечностью, но свою идею с вивернами она так и не

оставила – и вскоре Тауфину пришлось подобрать детям ещё одного учителя. Белл презрительно прогуливал занятия по верховым полётам, в то время как Ингрид и Раймон предпочитали их всем другим наукам. Когда они научились управлять животными достаточно, чтобы не бояться упасть, то стали целыми днями пропадать в небе, обгоняя друг друга и спускаясь вниз только чтобы посмотреть на мелькающие вдалеке реки, башни и леса.

Шли годы, и в доме бессмертного владыки Тауфина ничего не менялось. Мальчики выросли – но куда медленнее, чем их сверстники-люди. Ингрид выросла вместе с ними.

Только теперь Раймон по-настоящему понял течение своей жизни, до сих пор казавшееся ему слишком медленным по сравнению с жизнью людской. Он постепенно забывал трущобы и подвалы Дорлифена, полностью погружаясь в мир полупрозрачных башен сумеречных эльфов. Их история становилась его историей, и только неизменные стычки с кузенами напоминали о том, что он – не один из них. К нему никогда не решались подходить в присутствии Ингрид, но стоило юной Хранительнице отойти хоть на шаг, как братья находили повод для ссоры. Но случалось подобное настолько редко, что Раймон мог спокойно не обращать на это внимания.

Он, наконец, почувствовал себя сыном могущественного и заботливого отца. Тауфин никогда не обходил его подарками или вниманием. Раймон занял место старшего, погибшего на границе сына Владыки, хотя сам и не знал о его существовании.

Глава 4. Долина цветов

С каждым годом взгляд Раймона становился всё задумчивее. Иногда ему казалось, что Ингрид отвечает ему такими же долгими задумчивыми взглядами – а потом полуэльф смеялся сам над собой, глядя в зеркало, с силой сдавливал слишком широкий подбородок, которому никогда не сравниться с точёными чертами истинных эльфов.

В глубине души Раймон знал, что даже будь он первым красавцем в окрестностях башни Синего Дракона, Ингрид никогда не стала бы принадлежать ему – между ними лежала пропасть. Хоть дом Синего Дракона и ослаб, первым принимая на себя удары Империи, он всё ещё оставался одним из древнейших среди сумеречных эльфов.

Обыкновенные чистокровные эльфы не смели и взгляда поднять на то чудо, которое все свои дни проводило с ним, полукровкой.

Раймону оставалось лишь наслаждаться тем, что у него уже есть.

Время в доме сумеречных эльфов текло медленно и плавно – не в пример тому, как бежало оно в городе людей. Черета дней сливалась в один тягучий поток, накрывавший Раймона с головой и лишь изредка выбрасывавший на берег.

А Ингрид всё чаще пропускала занятия и всё дальше улетала от дома на отцовской виверне, неизбежно заставляя следовать за собой и Раймона.

– Посмотри, – сказала она как-то, когда они приземлились на вершине поросшего травой холма.

Ингрид ткнула пальцем вниз, в долину, покрытую ковром сиреневых и оранжевых цветов.

Раймон тоже спешил и замер ненадолго, любуясь стройной фигурой, одетой лучами закатного солнца. Ингрид казалась древним божеством в своей белоснежной мантии Хранительницы, с волосами, растрепавшимися под порывами небесного ветра.

Полуэльф и сам не заметил, как оказался в шаге от своей названной сестры. А очнувшись от дурмана, увидел, что его руки лежат на тонких плечах, и Ингрид послушно льнёт к его груди.

Секунду Раймон просто вдыхал запахи прижатого к нему тела – дорогих благовоний и дикой травы.

Он собирался отстраниться, но не успел – Ингрид перехватила его руку, прижимая крепче.

– Эти цветы растут здесь с тех пор, как сумеречные эльфы пришли в эти места. Долгие годы мы скитались по горам и пустошам. Многие из нас умирали, как умирают теперь на войне наши близкие. Когда мы пришли в Долину Цветов, солнце обожгло обветренную кожу наших предков, и они упали на колени. Опускались сумерки, и тёплый ветер колебал обрывки их одежд. Это то место... где всё началось. Прошли века, и мы так редко приходим сюда. Мы забыли, кто мы. Кровь драконов для нас – лишь способ утвердить свою власть. Но когда кто-то из нас устаёт жить – он приходит сюда и засыпает среди цветов. Всё кончается там же, где началось. Таков закон времени.

Ингрид замолкла. Она была не похожа сама на себя, но Раймон чувствовал, что слова рвутся откуда-то из самых глубин её души. Что творилось в голове у сестры? Этого Раймон никогда не мог понять. Он облизнул губы, размышляя над ответом, но Ингрид внезапно резко рассмеялась и откинулась назад, на грудь полуэльфа.

– Так говорит наставник. Представляешь, какие глупости мне приходится слушать всю жизнь?

Раймон не ответил. Он на секунду сжал плечи Ингрид ещё крепче, стараясь насытиться случайно дарованным теплом.

– Идём, – Раймон сам удивился тому, как сухо звучит его голос. Он резко отстранился от сестры и шагнул к виверне. – Не вернёмся до темноты – отец будет недоволен.

– Вернёмся? – Ингрид обернулась и с деланным удивлением подняла брови. – Но я не собираюсь домой. Отец отправился с ревизией на границу. Раньше завтрашнего вечера он не возвратится, а отчитываться перед Беллом я не стану.

Раймон глубоко вздохнул. Вот оно что. Полуэльф не раз уже замечал, что Ингрид бес вселяется, если Белл остаётся в доме за главного. Она точно пыталась доказать что-то брату, вот только что можно доказать, творя глупость за глупостью – Раймон не понимал.

– Ингрид, – он обернулся и устало посмотрел на сестру, не убирая ладони с шеи виверны. – Белл скажет отцу, и нам опять достанется. Зачем злить их лишний раз? Мы можем прилететь сюда в любое другое время.

– В любое другое? – Ингрид шагнула к Раймону и опустила пальцы ему на грудь, заставляя волны дрожи разбежаться в разные стороны. – Эта ночь не хуже любой другой, Раймон, – она ловко скользнула пальцами под рубашку полуэльфа, заставляя пуговицы расстёгиваться одну за другой. – И он не посмеет меня наказать.

Раймон сглотнул. Он и сам знал, что Ингрид не накажут. Наказывали всегда его – даже если наказывал Тауфин. Но так трудно было заставить себя думать о чём-то, кроме этих тонких пальчиков, скользивших по груди.

– Ингрид... – выдохнул он и замолк.

– Скоро мне исполнится девяносто, – продолжила Ингрид, не замечая ни слов, ни тяжёлого дыхания Раймона. – Отец начнет

подбирать мне супруга, потому что я не наследница, а дому нужны сильные союзники.

Её ладонь скользнула обратно вверх, другая присоединилась к ней, и рубашка Раймона мягкой волной осела на землю.

– Я даже не знаю, кто это будет, – продолжала Ингрид спокойно, но когда она подняла глаза на брата, Раймон увидел, что в зрачках эльфийки плещется страх. – Сумеречный или лунный... Много старше меня или совсем дитя. Я буду отдаваться ему, потому что я младшая дочь. И потому что я красива, как луна – все знают об этом. Из меня не выйдет воина. Да и Хранительница я не такая сильная, чтобы войти в совет. Моё тело – вот и всё, чем я могу послужить семье.

Не выдержав, Раймон с силой стиснул плечи Ингрид и впился губами в её губы, заставляя замолчать. Ингрид ответила охотно, раскрываясь навстречу и лаская Раймона мягким податливым языком.

– Проклятье, – выдохнул Раймон, отрываясь от сладких губ и только потом вспоминая, что ругаться при Ингрид нельзя. – Что ты делаешь со мной?

– Что ТЫ делаешь со мной? – Ингрид мотнула головой, становясь похожей на духа морозного ветра – всклокоченного и растревоженного. – Я всегда знала, что буду принадлежать тому, на кого укажет отец. Но вот ты здесь... И я хочу принадлежать только тебе. Только тебе – полукровке и названному брату. И мне плевать, что он скажет.

– Тебе всегда было плевать, – выдохнул Раймон, не замечая, как крепче сжимаются его пальцы на тонких плечах.

– Не болтай, – Ингрид плотнее прижалась к телу полуэльфа. С годами кость эльфийки не стала грубее, плечи же Раймона, напротив, всё более походили на человеческие, и ощущение странной дикой силы, исходившее от него, будило непривычную жажду в груди Ингрид.

– Ты хочешь того, чего у тебя нет, – Раймон почувствовал болезненный укол у самого сердца, когда произносил эти слова. Он знал, что прав, но отказать доверчиво трущимся о него бёдрам не мог. Дрожащие руки полуэльфа оказались на воротах платья Ингрид и принялись торопливо его расстегивать, путаясь в крючках. Сбросив ткань на землю, он вздёрнул Ингрид вверх будто пушинку – так, чтобы тонкие косточки на нежной шее оказались у самых его губ, и принялся

покрывать торопливыми поцелуями. Утолив первую жажду, отпустил расслабленно повисшую на его плечах Ингрид. Секунду смотрел на обнажённое, стройное будто стебель тростника тело. Что-то было странное в этом. Будто он имел дело с духом или фарфоровой куклой, но желание пересилило, и он помог Ингрид улечься на траву, а затем принялся покрывать поцелуями белоснежную грудь. Добравшись до маленькой впадинки пупка, он замер, медленно трезвея. Ингрид была совсем близко, а там дальше между её бёдер таилось то, чего Раймон не пробовал никогда – и чего не пробовала Ингрид. Ему, полукровке, было всё равно. Но что сказал бы Тауфин, узнав, как отплатил за гостеприимство его приёмный сын?

– Раймон? – Ингрид приподняла голову, заметив, что Раймон не двигается.

Будто неживой, Раймон опустил пальцы на грудь Ингрид. Снова прильнул губами к нежному телу, старательно выискивая те точки, которые заставят Ингрид застонать, и вскоре преуспел. Пальцы полуэльфа скользили по белоснежной коже, постепенно спуская вниз, пока не проникли между её ног. Движения полуэльфа ускорились. Ингрид уже стонала в голос, когда ритм достиг предела, и она изогнулась терзаемая оргазмом.

Секунду Ингрид лежала неподвижно, пытаясь отдышаться.

– Я не этого просила, – сказала она, резко впиваясь пальцами в затылок Раймона и заставляя приподнять голову.

– Не надо, Инг.

Ингрид тут же оттолкнула полуэльфа в сторону и принялась одеваться.

Раймон тоже подобрал рубашку и принялся застёгивать пуговицы. Теперь он видел, что дрожат пальцы Ингрид. Эльфийка была напугана. Или попросту зла. Злую Ингрид Раймон видел редко, но ничуть об этом не жалел.

Ингрид молча подошла к виверне и вскочила в седло. Не дожидаясь, когда Раймон последует за ней, она рванула в небо, наслаждаясь ледяным ветром, бьющим в лицо. Первый раз она предложила себя – и была отвергнута так открыто. Гордыня терзала сердце эльфийки ледяными когтями. Она могла выбрать любого. Любого из самых красивых сыновей дома Синего Дракона. Но она

хотела полукровку – жалкую и случайную находку отца, которую пригрела рядом с собой. Вот только полукровка. Не хотел. Её.

Раймон нагнал Ингрид уже на посадочной площадке. Протянул руку, чтобы остановить, но Ингрид обернулась молниеносно, будто готовилась к удару, и голубые глаза обожгли полуэльфа таким холодом, какого не встретишь самой суровой зимой.

Ингрид отвернулась и молча пошла прочь. Раймон выждал немного и направился следом.

В башне царил странный переполох. Слуги и стража носились в разные стороны, но Раймон не сразу заметил неладное – лишь когда Марлин перегородила дорогу Ингрид и что-то закудаhtала.

Раймон разобрал только два слова, от которых озноб прошиб его с ног до головы: Тауфин мёртв.

Глава 5. Выбор

Вереница домочадцев тянулась к хрустальному алтарю, на котором возлежало неподвижное тело Владыки дома Синего Дракона, Тауфина.

Во всех помещениях царил полумрак. Окна и зеркала были занавешены, цветной камень стен, казалось, потускнел.

Ингрид едва могла заставить себя оставаться в комнате – как старший Хранитель Дома она обязана была провести церемонию над телом погибшего и всю следующую ночь бдеть, охраняя бранный сосуд его тела от гостей из Преисподней.

Ингрид обшарила взглядом очередь, выстроившуюся, чтобы проститься с покойным. Раймон почему-то стоял в самой середине, хотя как сын владыки должен был подойти к нему одним из первых. Ингрид попыталась поймать взгляд своего вечного спутника, но не смогла. Раймон смотрел в одну точку и, казалось, отсутствовал. Ингрид отвернулась и тоже стала смотреть перед собой. Ей не было грустно от того, что она потеряла отца. Странно, но это событие она приняла как данность. В тринадцатую ночь лета бессмертный Владыка дома Синего Дракона принял удар тёмного клинка и отправился к Предкам. Так же, как до этого отправились к Предкам мать, дядя и брат. Ингрид не слишком интересовали подробности. Она знала: граница – это опасно.

Куда больше Ингрид терзали мысли о том, что ждёт её впереди. Такая спокойная и размеренная жизнь внезапно раскололась на две

части, и Ингрид могла лишь просить Духов, чтобы новая часть не была хуже прежней.

Раймон тоже не питал излишних надежд. Однако времени подумать о том, что будет дальше, у него ещё не было. Всю ночь он не спал, пытаясь смириться с мыслью о том, что Тауфина больше нет, но по-прежнему не верил. Уже остановившись у мёртвого тела, он долго смотрел в спокойное, озарённое внутренним светом лицо. Казалось, Тауфин вот-вот поднимется и объявит всё происходящее фарсом.

Раймон видел смерть. Это всегда были чужие, грязные люди, убитые в подворотнях за гроши. Только однажды это была мать – но она была стара, долго страдала, и смерть стала для неё избавлением от вечных мук голода и холода.

Тауфин был другим. Он был вечным, как стены башни, в которой он царствовал. Он был крепким и сильным. И он стал Раймону отцом. Настоящим отцом, на чью силу и справедливость Раймон всегда мог положиться. Да, Тауфин наказывал его, и куда чаще, чем избалованного младшего сына. Но Раймон никогда не чувствовал обиды на отца – почему-то полуэльф всегда твёрдо знал, что именно его долг остановить Ингрид, если та заиграется. И Тауфин будто соглашался, что эта ответственность лежит на его плечах. Он доверял Раймону, и поэтому спрашивал с него больше, но несправедливости в его решениях не было никогда.

Тауфин стал для Раймона светом. Ярким и тихим солнцем, неспешно плывшим над его жизнью. Теплом, согретым его в трущобах. Порой Раймону казалось: всё, что происходит с ним – просто сон. Ещё чуть-чуть – и он очнётся у стены припортового кабака, а глаза как прежде будут мутиться от голода. Он просыпался – и ничего не менялось. Башня, Тауфин и Ингрид – все они были на своих местах.

Теперь что-то рухнуло в привычной картине мира. Тауфина не было, и разум не хотел смириться. Поймав на себе раздражённый взгляд одного из кузенов, Раймон сделал над собой усилие и коснулся губами холодного лба Владыки.

– Прощай, отец, – прошептал он и, возвращаясь в тиски обязательного ритуала, пошёл прочь, к выходу.

Остаток дня Раймон сидел на стене, окружавшей башню, и смотрел вдаль, туда, где бессмертного Тауфина настигла смерть.

А на следующее утро Белл собрал домочадцев в зале, где когда-то Раймона принимали в семью. Он сидел в кресле, принадлежавшем отцу, и Раймон поминутно сжимал кулаки, стараясь сдерживать непрошеную ярость. Ингрид стояла рядом – и в то же время так далеко. За всё утро она ни разу не заговорила с Раймоном. Под глазами Хранителя залегли глубокие тени – бессонная ночь давала о себе знать. В первую секунду, когда сестра показалась в дверях, Раймон ощутил почти непреодолимое желание обнять её и погладить по растрепавшимся волосам – но вокруг были люди, да и Ингрид вела себя так сдержанно, будто видела Раймона в первый раз.

Белл начал длинную и наполненную пафосом речь о враге, который подобрался к сумеречному народу слишком близко. О последних его стражах – воинах дома Синего Дракона. Слова его могли бы быть смешны, если бы их не наполняла сила древней крови, заставлявшая натянутую струну в груди каждого вибрировать при звуках голоса Владыки. Но даже магия Древних не могла победить злость, накрепко утвердившуюся в сердце Раймона. При каждом упоминании «хищных тварей», пришедших украсть покой сумеречного народа, Раймон вспоминал вымотанное и исхудавшее лицо Свеа. Да, они были врагами. Но они не убивали братьев. Напротив, пленные держались вместе, и даже когда голод настиг их, оставались заодно.

– Все вы можете идти. Я прошу остаться леди Айниру, мою сестру Ингрид и полуэльфа Раймона.

Раймон вздрогнул. Титулы, присвоенные каждому из них, уже говорили о многом. Вот только зачем он нужен был в этом кругу, если был для них всего лишь «полуэльфом»?

Выбора, впрочем, не было. Раймон остался стоять неподвижно, дожидаясь, пока эльфы младших ветвей покинут зал.

Леди Айнира так же молча стояла справа от трона, на том месте, которое занимала уже много лет – а может быть, и веков.

Белл встал, точно ему неуютно было сидеть под её пристальным взглядом, и, сложив руки на груди, уставился в пол.

– Все мы понимаем, – сказал он, – что после смерти отца Дом не останется прежним.

Ответом ему стала тишина. Видимо, это в самом деле понимали все.

– Полагаю, – он сверкнул глазами в направлении Айниры, – найдутся те, кто считает свои права на титул Владыки более законными, чем мои.

– Я чту завещание Тауфина, – сказала Айнира спокойно. – В тот день, когда мои дети перестанут считать тебя своим господином, мы покинем этот дом. Но рушить то, что построил мой брат, я не собираюсь.

– Я рад, – сухо ответил Белл и перевёл взгляд на Раймона, а затем на Ингрид. – Я тоже чту завещание отца. Ты знаешь, Ингрид, что его волей было заключить брак между тобой и кем-то из дома Саламандры.

Ингрид заметно побледнела.

– У тебя будет выбор, сестра. Так хотел отец, и я тоже считаю это справедливым. Дом Саламандры велик, и вскоре тебе предстоит познакомиться с детьми из старшей ветви.

Сердце Раймона неприятно кольнуло, когда он увидел, что Ингрид вздохнула с облегчением.

– Но помни, – повысил голос Белл. – Я – глава дома. Моя воля так же неоспорима, как была воля отца. Если ты забудешь об этом, мне придётся принять то решение, которое будет выгоднее для семьи.

Ингрид стиснула зубы и быстро кивнула.

Белл повернулся к Раймону.

– Ты, – сказал он. На губах его промелькнула лёгкая улыбка, а взгляд стал колючим. – Мой отец назвал тебя сыном, – при каждом слове Белл делал один небольшой шаг в направлении Раймона, и тот с трудом подавил желание отступить назад, когда Белл оказался в нескольких дюймах от него. – Но я никогда не называл тебя братом. Думаю, очевидно, что настолько дикое и грязное существо, как ты, не может претендовать на основание собственной ветви в доме Синего Дракона, а значит, и братом владыки ты быть не можешь.

Раймон до боли впился ногтями в ладони, удерживаясь от желания ударить по самодовольной эльфийской роже.

– Белл, завещание отца, – прозвучал из-за спины наполненный металлом женский голос.

– Я помню, – Белл сверкнул глазами в сторону говорившей и снова повернулся к Раймону, – о завещании отца. Отец хотел, чтобы ты, Раймон, всегда имел кров и ужин в доме Синего Дракона. Но он

ничего не говорил о том, что я должен назвать тебя братом. Тебе не место не только на верхних этажах башни, но и среди воинов – в тебе ни капли крови Древних, да и просто эльфийской крови, возможно, всего лишь капля. Ты груб и грязен. Отец считал возможным рисковать репутацией среди других домов, демонстрируя тебя всем, но я – нет. Если хочешь остаться здесь, тебе приготовят комнату на этаже для слуг. И если ты хочешь иметь свой ужин – тебе придётся отработывать его, а не развлекаться целыми днями с моей сестрой.

– Белл... – выдохнула Ингрид. Взгляд Владыки плетью скользнул по лицу младшей, и та замолкла.

Белл снова посмотрел на Раймона.

– Ты понял?

Продолжая сжимать кулаки Раймон медленно кивнул.

– Тебя устроит Марлин.

Белл отступил назад.

– Надеюсь, все поняли свои задачи, – сказал он, не глядя ни на кого. – У меня ещё много дел. Но я искренне надеюсь, что все вы скоро привыкнете с новым положением вещей.

Не говоря больше ни слова, Белл вышел.

Некоторое время Айнира стояла неподвижно, затем тоже шагнула к выходу. На полпути, проходя мимо Раймона, она остановилась и провела пальцами по щеке юноши. В глазах её светилась жалость, которой Раймон вынести не мог.

– Ты мог бы стать воином, – сказала она негромко.

– В другой жизни, – Раймон отстранился и отвёл взгляд.

Айнира вздохнула и пошла прочь.

Ингрид вышла молча.

До конца недели Раймон не видел ни Белла, ни Ингрид, ни даже Марлин – никого из тех, кого он привык считать своей семьёй. Заботу о нём поручили хромому эльфу, раненому в одной из стычек с вампирами много лет назад, неспособному больше быть воином и получившему должность управляющего – «в откуп за сломанную жизнь», как говорил он сам. Управляющего звали Дарин, и был он полон желчи, какой Раймон раньше не встречал в доме Синего Дракона. Он ненавидел Белла, то и дело называл Айниру «медузой»,

не способной отстоять своё, и хотя о временах молодости Тауфина вспоминал с теплотой, частенько обзывал его «кретином», не видящим дальше собственного носа.

Несмотря на постоянное ворчание, Дарин следил за порядком среди слуг, не допускал свар и интриг. Раймону он выделил узкую кровать с изъеденным молью одеялом в общей комнате. Когда-то о таком ложе полуэльф мог только мечтать, но после роскошной спальни на этаже наследников она казалась гнилым топчаном.

Стиснув зубы, Раймон привыкал к новым условиям и строил планы того, как сможет встретиться с Ингрид. Раймон хотел бежать, но один этого сделать не мог.

Поначалу полуэльфу поручили работу на кухне, но очень скоро повара прогнали его прочь – пальцы полуэльфа были слишком толстыми, чтобы работать с украшенными кремом пирожными, которые так любила Ингрид. Он не умел варить даже простейшую похлебку, мясо у него подгорало, а тарелки выскальзывали из рук.

Почесав затылок, Дарин определил Раймона на новое место – в стойла для виверн. Теперь в обязанности полуэльфа входило чистить рептилий и сбрую, убирать за ними и кормить их сырым мясом дважды в день. Здесь Раймону было чуть более уютно – он всё же любил давно знакомых летунов и прекрасно понимал их без слов.

Главный недостаток новой должности обнаружился через несколько дней, когда сыновья леди Айниры собрались на охоту.

Их было трое, и они явно пребывали в бодром расположении духа, когда увидели Раймона, жёсткой щёткой отчищавшего от грязи упругую бархатистую шкуру виверны.

Смех тут же смолк. Раймон, ещё не успевший обернуться, не заметил весёлого перемигивания.

Тамлин, старший из братьев, чуть вышел вперёд и прокашлялся.

Раймон тут же подскочил на ноги и с подозрением оглядел гостей.

– Полукровка... кто допустил тебя к благородным животным?

Раймон промолчал. Отвечать на преднамеренные подколы он не видел смысла.

– После него виверны будут вонять трущобами, придётся чистить самим, – заметил средний, Ланг.

– Да он всё ещё считает себя одним из нас, смотрите, – третий, Твен, потянулся к волосам Раймона, по обычаю аристократии

заплетённым в свободную косу. Когда Раймон впервые попал в дом Синего Дракона, его волосы походили на щетину ежа – едва скрывавшие кончики ушей, они были криво подстрижены и торчали в разные стороны. Общество Ингрид и старания Марлин сделали своё дело – сейчас чёрная, слегка распушившаяся коса доходила Раймону до бёдер. Сам он не слишком любил с ней возиться, но Ингрид нравилось расчёсывать и перебирать его волосы перед сном, так что отказаться от местного обычая Раймон просто не мог.

Раймон извернулся, отбрасывая в сторону руку Твена, но тут же, оступившись о подставленную ногу Тамлина, едва не рухнул на землю. Перепрыгнув подножку, он всем телом обрушился вперёд, прямо в подставленные руки Твена. Светлое лезвие сверкнуло в воздухе, и Раймон увидел чёрную косу, падающую в навоз.

Раймон стиснул кулаки, но это не помогло. Ярость, сдерживаемая все прошедшие дни, хлынула наружу. Он будто со стороны увидел, как впечатывается его кулак в самодовольную рожу Твена. Как пролетает у него над головой чей-то бирюзовый рукав, и как подошва его собственного сапога с хрустом врезается в колено, закутанное в мантию того же цвета.

Раймон дрался грязно. Все навыки, которым обучили его фехтовальщики дома Дракона, выветрились из головы в один миг – да и вряд ли они помогли бы в такой драке. Он бил ниже пояса, как учили его улицы Дорлифена, выкручивал руки, с наслаждением вслушиваясь в глухие стоны боли, а сам не чувствовал ударов противника.

Раймон пришёл в себя только когда понял, что его вывернутые за спину руки держат двое воинов. Тамлин стоял у дальней стены, потирая ушибленную челюсть. Твен лежал на земле, а рядом с ним сидел порядком удивлённый Ланг.

– Куда его? – спросил один из воинов.

Раймон рванулся, но хватка стража была крепка, а сам полуэльф уже выдохся. Ярость сменилась усталостью и отчаянием. Их было больше. Но даже если он был сильнее, они просто звали на помощь других. Он зло ухмыльнулся, подумав о том, что так было всегда.

– К Беллу! – приказал Тамлин, стараясь не выдать дрожи в голосе.

Сопrotивление не имело смысла. Раймона потащили вверх по лестницам. Боль постепенно просыпалась в местах ушибов, которые, как оказалось, покрывали всё его тело.

Всё было почти так же, как много раз, только теперь его не поставили перед тронем, а швырнули на пол, заставляя упасть на колени.

– Что опять? – Белл лишь на секунду отвлёкся от бумаг, которые читал, чтобы бросить на него короткий взгляд.

– Драка. С господами Тамлином, Твенем и Лангом.

Белл удивлённо приподнял бровь.

– Он совсем взбесился? – Белл уставился на Раймона тяжёлым взглядом. – Слугу, ударившего господина, в любом доме накажут смертью или изгнанием. Моё милосердие безгранично, помни об этом. – Белл поднял глаза на воинов. – Высыпать ему пятьдесят плетей.

Каждый удар разбегался волнами боли по истерзанному телу.

– Сорок пять, – отсчитывал монотонный голос Дарина, и плеть снова врезалась в изорванную спину.

– Сорок шесть, – Раймон стискивал зубы, чтобы не закричать. Наказание проходило во дворе, над ямой для пленников, и каждый, кто желал, мог увидеть распостёртое на камнях тело юноши.

– Сорок семь, – Раймон уже не мог понять, наваждение это, или в самом деле там, среди праздных зевак – бледное, как снег, лицо Ингрид.

– Сорок восемь, – глухой рык вырывается из горла, и Раймон закрывает глаза, чтобы не видеть этого миража.

– Сорок девять, – кровавые круги плывут перед глазами, и весь мир тонет в боли. Такого наказания он ни получал ещё никогда.

– Пятьдесят.

Свистящий выдох, когда плеть последний раз опускается на измученную спину. Нет сил двигаться и тем более встать.

Сквозь опущенные веки Раймон видел, как медленно разбредаются зеваки. Умереть бы здесь, на холодном камне, влажном от крови....

Ледяные пальцы коснулись обнажённого плеча, и Раймон вздрогнул, резко распахнув глаза.

– Инг...

Ингрид поджала губы. Казалось, её мучили какие-то сомнения.

– Я сейчас вылечу.

Пачкая в крови белоснежные рукава, она принялась водить пальцами над ранами, оставленными плетью.

Раймон замер. Столько раз он представлял себе, как снова увидит Ингрид... Там, в мечтах, он был спасителем, вырывающим нежное тело из рук нежеланного жениха и увозившим прочь в своём седле... Реальность разрывала мечты в клочья так же легко, как кнут живую кожу.

– Инг... – Раймон поймал тонкие пальцы и поднёс к губам. Все слова, подготовленные заранее, выветрились из головы. – Уйдём отсюда, – сказал он просто.

Ингрид замерла.

Отпустив ладонь любимой, Раймон сел и заглянул Ингрид в глаза.

– Уйдём, ведь тебе тоже нечего ждать. Ты не хочешь той судьбы, которую приготовили для тебя отец и брат.

– Не хочу? – на лице Ингрид проскочила тень любопытства, но голос оставался ледяным. – Полагаю, ты считаешь, что я хочу скитаться по чужим городам без денег и еды? Самой стать пищей для вампиров и других чудовищ? Или тебе есть, что мне предложить, Раймон?

Раймон стиснул зубы. Ингрид была права, и они оба это знали. Там, по другую сторону зачарованных стен, Ингрид не было места.

Девушка вырвала руку из ослабших пальцев Раймона и пошла прочь, а полуэльф долго ещё сидел, пытаясь осмыслить всё то, что произошло с ним за последнее время. Может, это и было неблагодарностью по отношению к семье. Может, он и нарушал волю Тауфина... Но оставаться здесь, когда любая попытка дать отпор обидчикам приравнивалась к смерти, он не мог. Не мог он и уйти, оставив Ингрид одну.

Глава 6. Сватовство

Нежелание Ингрид бежать было серьёзной помехой планам Раймона. Нельзя сказать, чтобы и сам он не задумывался о том, что будет делать за стенами башни. Здесь у него, по крайней мере, были еда и кров – слово своё Белл держал честно. То и дело скрипя зубами, Раймон думал о том, как ловко Белл подкупил всех своих врагов. Дети Айниры жили на правах принцев, и мать никогда не решилась бы рискнуть их статусом. Ингрид получала сомнительную возможность выбирать себе жениха – правда, среди тех, кто устраивал брата. Любой

же её неверный шаг грозил ей совсем уж нежеланным браком – и ещё один противник Белла не решался теперь бунтовать. Ему, Раймону, Белл предложил то, что, как он считал, должно было подкупить нищего из Дорлифена. Но как бы ни было стыдно за это Раймону, такая плата была для него слишком мала. Теперь, когда он знал, что эльфы не слишком-то отличаются от людей, когда понимал себя и свою сущность, их презрение уже не казалось ему естественным.

Что он сделал, чтобы всегда быть грязью под ногами своих кузенов? Ничего. Его мать не была святой, но даже это – её грехи, а не его.

Лёжа на своей узкой кровати в общей спальне, Раймон сжимал кулаки, но не от бессилия – он с трудом сдерживал ярость.

Белл ясно дал понять, чем закончится новая дерзость со стороны приёмыша. Что ж... Оставались обходные пути, но ими ходить Раймон не любил. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что ещё одна стычка закончится новой дракой – и либо изгнанием, либо смертью.

Первого и второго Раймон боялся одинаково – потому что знал, что Ингрид не последует за ним. Значит, нужно было переубедить Ингрид раньше, чем случится новое недоразумение.

Как, если его и близко не подпускали к верхним этажам?.. По крайней мере, как гостя. Другое дело, если бы его направил туда Дарин... как слугу.

Раймон усмехнулся собственной мысли и перевернулся на другой бок. Пожалуй, встреча с Ингрид стоила того, чтобы немного попресмыкаться.

Жизнь Ингрид изменилась после смерти отца не столь заметно – и всё же Ингрид не радовали эти перемены.

Белл перестал посещать занятия с наставниками, потому что был полностью занят хозяйственными заботами. Дела, связанные с деньгами и армией, он не доверял никому, а дел было много – за месяц граница придвинулась ближе к башне, чем за прошедшие десять лет. Теперь Ингрид понимала, что стычка, в которой погиб отец, была не случайной. Империя наступала широким фронтом, и без поддержки других домов сдержать её было невозможно – тем более, что дом Синего Дракона лишился своего главнокомандующего, а сын его был

слишком склонен к поспешным решениям и не всегда знал цену человеческим жизням.

Ингрид сильно подозревала, что если бы воины не были твёрдо приучены доверять своему владыке и выполнять любую его волю, они восстали бы против Белла. Однако время сейчас было не то, чтобы протестовать, и это понимали все.

Общества Белла Ингрид лишилась и не могла сказать, что не рада этому.

Сложнее дело обстояло с Раймоном. С одной стороны, Ингрид ощутило скучала по товарищу. Иногда сталкиваясь с чем-то новым, она невольно думала: жаль, что нельзя поделиться этим с Раймоном. Но тут же губы её сжимались, вытравливая ненужную мысль из головы. Раймон отказался разделить с ней самое ценное, что могла предложить ему Ингрид. Раймон посмел отвергнуть её, хоть и был неизмеримо ниже многих других, желавших разделить с Ингрид ночь.

И теперь, когда Ингрид так пригодилась бы поддержка названного брата, из-за своей гордыни Раймон оказался далеко. В чём проявлялась эта самая гордыня, Ингрид не смогла бы сказать, но неизменно винила в разлуке именно Раймона.

Белл, в свою очередь, нашёл возможность скрасить одиночество Ингрид. Раз, а то и два в неделю к молодой Хранительнице приезжали гости из дома Саламандры. У Владыки дома было четверо сыновей и две дочери. Ещё трое мальчиков и одна девочка принадлежали к младшей, но также приближённой ветви.

Из семерых юношей двое оказались глупы как пробка – неплохое качество для супруга, по мнению Ингрид, но очень уж утомительное. Ещё двое были изуродованы войной, и именно ими Белл собирался страшить младшую сестру в случае неповиновения.

Оставалось ещё трое. Бальдер, Ахти и Туйонен. Ахти приезжал свататься на прошлой неделе. У него были рыжие вьющиеся волосы, на затылке заплетённые в тонкую косу, а у висков окружавшие лицо солнечным нимбом. Ахти целовал своей возможной невесте руки, но Ингрид видела, что любви в его глазах нет. Он улыбался, но одним уголком рта, а серёжка в правом ухе жениха поблёскивала так же хитро, как и его глаза. И Ингрид решила попросить отсрочки с ответом.

Туйонен принадлежал к младшей ветви. По своим кузенам Ингрид знала, что положение таких детей в доме куда хуже. Кому-то другому оно наверняка подошло бы – но не ей. Она отложила встречу с Туйоненом напоследок, но особых надежд не питала.

Ингрид сидела перед зеркалом, расчёсывая пушистые волосы мягкой щёткой, и ждала, когда слуги принесут весть о приезде Бальдера.

То, что Бальдер ей подходит, Ингрид увидела, едва тот показался в дверях. У Бальдера были густые, заплетённые в искусные косы соломенные волосы, обильно украшенные золотыми прожилками. Он был статен и не слишком высок. Но всё это не имело значения, потому что Ингрид уже увидела его глаза – и глаза эти загорелись при взгляде на Ингрид.

– Прошу вас, проходите, – Ингрид отложила в сторону книгу, которую и не думала читать.

Подойдя к Ингрид вплотную, Бальдер поклонился. Та лишь слегка кивнула, продолжая сидеть на диване.

Ингрид улыбнулась своим мыслям.

Бальдер ответил улыбкой, решив, что улыбка Ингрид предназначалась ему.

– Что вы читаете? – спросил он.

Ингрид бросила косой взгляд на книгу, стараясь разглядеть название, но отвечать ей не пришлось: взяв томик в руки, Бальдер ответил за неё:

– «Ветры в небе Альтаира». Очень романтическая вещь.

– Да, я тоже так думаю, – ответила Ингрид, улыбаясь. Книгу она взяла в библиотеке по ошибке, когда наставник послал её искать «Легенду о Крыле Альтаира», а вернуть так и не дошли руки.

– Вы любите истории о любви?

Ингрид скромно опустила взгляд, не желая врать.

– Я сразу понял это, едва увидел вас, – Бальдер опустился на корточки перед Хранительницей и попытался поймать её руки.

Прикосновение Ингрид было неприятно. Она вовсе не собиралась идти на сближение так быстро. Пальцы пришлось отобрать, но Бальдер намёка не понял и поймал их снова.

– И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака.
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственней, синей одна другой*,

– продекламировал Бальдер, задумчиво рассматривая лицо Ингрид и пытаясь что-то отыскать в её глазах.

– Это из «Ветров», – догадалась Ингрид, и Бальдер кивнул.

– Вы тоже запомнили эти строки?

– Конечно! Это прекрасно! – Ингрид как никогда была рада тому, что кровь её текла медленно, и щёки никогда не краснели.

– А вы хотели бы побывать в тех горах?

Ответить Ингрид не успела. Раздался негромкий стук, дверь открылась, и на пороге показалась фигура Раймона.

Секунду недавние брат и сестра смотрели друг на друга. Затем взгляд Раймона упал на кисти Ингрид, которые сжимал в своих пальцах Бальдер.

Ингрид напряглась как натянутая струна. Мгновение ей владело непреодолимое желание вырвать руки, а затем оно сменилось ледяной яростью.

– Что ты хотел? – спросила она холодно, не отводя пристального взгляда от Раймона. – И как сюда попал?

– Марлин, – Раймон прокашлялся, – Марлин прислала меня спросить, не нужно ли вам что-нибудь, госпожа.

Секунду Ингрид молчала, разрываясь между желанием прогнать не вовремя появившегося Раймона прочь или оставить его здесь. Последнее казалось невероятно соблазнительным, хоть Ингрид и сама не знала, зачем ей это.

– Нам нужны фрукты и вино. Вы будете вино, Бальдер? – спросила она уже совсем другим тоном.

Бальдер несмело улыбнулся.

– Всё, чего захотите вы, – он кивнул.

– Ты слышал, – бросила Ингрид, не оборачиваясь и пытаясь сосредоточиться на лице Бальдера. Это получалось с трудом. Даже когда дверь закрылась, в глазах Ингрид всё ещё стоял заледеневший в мгновение ока взгляд Раймона.

План казался отличным – даже тогда, когда Раймон едва не на коленях убеждал Марлин в том, что не разобьёт ни одной тарелки и не столкнётся ни с кем из обитателей верхних этажей.

План казался отличным, когда она сдалась, и когда Раймон едва не бегом нёсся к покоям своей названной сестры.

Только когда Раймон, от волнения не дождавшийся ответа и вломившийся после короткого стука, увидел на коленях перед Ингрид незнакомого юношу благородных кровей, Раймон понял, что план – дерьмо.

Когда он увидел, как нежно незнакомец сжимает белые запястья, Раймон понял, что план – дерьмо вдвойне.

Но хуже всего был взгляд Ингрид. Никогда ещё Раймон не видел у неё такого взгляда. Ингрид смотрела на него, как на муху, зудевшую над ухом, как на надоедливую собаку, лизавшего сапог.

– Марлин прислала меня спросить, не нужно ли вам что-нибудь, – Раймон не узнавал собственный голос, звучавший будто бы из глубокого колодца, а ответа Ингрид и вовсе дождалась с трудом.

Только оказавшись в коридоре и переведя дыхание, он задумался о том, что, собственно, произошло.

Ингрид была в обществе чужака – но ведь он, Раймон, знал, что Ингрид собираются с кем-то познакомиться. Чужак казался вежливым и обходительным, но руки Ингрид в его пальцах едва не дрожали, и напряжение она могла скрывать от кого угодно, только не от Раймона.

И при этом Ингрид, которая никогда прежде не пила вина, просила его, Раймона, не уходить насовсем, просила его вернуться. Она искала поддержки? Мысль успокаивала и тревожила одновременно. Успокаивала потому, что означала, что Ингрид всё ещё надеется на него. Тревожила, потому что если этот сладкий блондинчик представлял угрозу, то не стоило оставлять Ингрид наедине с ним и на минуту.

Торопливо добравшись до кухни, Раймон сложил на поднос фрукты, о которых просил брат, поставил бутылку вина и, стараясь не попадаться на глаза поварам, засунул за пазуху большой нож для мяса.

Назад вернуться так же быстро не получилось – приходилось следить за подносом. К тому же, Раймон едва не наткнулся на кузенов, весело переговаривавшихся и двигавшихся к лестнице. Проблемы ему сейчас были ни к чему, и Раймон торопливо укрылся за одной из боковых дверей – это оказалась спальня леди Айниры. Хозяйки здесь не было, и Раймон спокойно переждал несколько минут, однако сердце его гулко стучало, а разум рисовал картины, которые он никак не желал видеть.

Наконец, Раймон получил возможность выйти и продолжить путь. Он на секунду остановился у гостиной, где Ингрид принимала жениха, и, не дожидаясь ответа на стук, вошёл.

Бальдер уже сидел на диване рядом с Ингрид, но всё так же сжимал её пальцы. Он что-то рассказывал мягким, на вкус Раймона – слишком уж мягким – голосом. Ингрид выглядела спокойной и довольной. На появление Раймона она никак не отреагировала, как если бы в комнату зашёл обыкновенный слуга.

Поставив поднос на стол, Раймон заколебался, не зная, следует ли ему уйти. Смотреть на то, как мило общаются эльфы, было неприятно. И всё же тревога его не оставляла.

Стараясь потянуть время, Раймон разлил по бокалам вино и отошёл назад, ожидая дальнейших распоряжений.

Ингрид и Бальдер продолжали общаться так, будто Раймон был предметом обстановки.

Разговор шёл о песчаном берегу к западу от башни Саламандры. Бальдер предлагал Ингрид отправиться туда в конце недели, и Раймон скрипел зубами, понимая, что ему предстоит остаться здесь.

Несколько раз взгляд Ингрид скользил по лицу «слуги». Он неизменно останавливался, но Раймон никак не мог прочесть того, о чём думает Ингрид.

А потом в один миг что-то изменилось. В коридоре послышались крики, за окном гроыхнуло.

Со звоном посыпались стёкла из стрельчатого окна, и в помещение рванулась огромная тень.

Не успев понять, что происходит, Раймон рванулся к Ингрид, укрывая ту от летевшего в неё удара – и только потом разглядел расписанный незнакомыми рунами адамантитовый клинок. Лезвие вошло ему в плечо, но Раймон тут же получил возможность перехватить его и, откатываясь в бок, рвануть на себя, выбивая из рук нападавшего.

Краем глаза он видел, как отступает к стене Бальдер. Как отползает назад Ингрид и тянется к посоху, стоящему в углу.

Вырвать клинок не удалось – меч покинул мягкое живое тело, чтобы ударить снова по широкой дуге. Больше инстинктивно, чем рассчитывая на что-то, Раймон выхватил из-за пазухи нож и принял на него удар – железное лезвие разлетелось, но затормозило удар, и противнику потребовалось ещё несколько мгновений, чтобы замахнуться по новой.

Этих секунд у нападавшего не было. Пучок розоватых лучей ударил из-за спины Раймона. Нападавший яростно закричал и попытался отступить назад. Раймон видел, как стремительно загорается плоть противника.

Бальдер, видимо, решившись, наконец, схватил с полки тяжёлый серебряный подсвечник и швырнул его в испускающую дух жертву.

Тело вампира рассыпалось в прах. Несколько секунд стояла мёртвая тишина – каждый по-своему пытался осмыслить произошедшее. А в следующий миг распахнулась дверь, и в комнату ворвался отряд охраны с оголёнными мечами.

– Госпожа Ингрид!

– Господин Бальдер!

– Всё в порядке? – переживало множество голосов.

Раймон зажал рану рукой и попытался встать.

– Что произошло? – спросила Ингрид, пытаясь перекрыть всеобщий гомон.

Расталкивая мужчин, вперёд выбралась Марлин.

– Вампиры. Два десятка. Как будто мало им было господина Тауфина! Охрана уже почти добила их. С вами всё в порядке, Госпожа Ингрид?

Ингрид, уже полностью взявшая себя в руки, подошла к Бальдеру и взяла его под руку.

– Всё в порядке, господа, – сказала она и мягко улыбнулась, как подобало Хранительнице. – На нас напали, но господин Бальдер показал себя настоящим воином. Его серебряное оружие принесло смерть проклятой нежити. Прошу вас, уйдём отсюда туда, где мы сможем спокойно переждать атаку.

Гомон стал затихать. Воины один за другим покидали гостиную.

Раймон сидел на полу, прислонившись к сиденью дивана спиной, и ждал, когда Ингрид подойдёт к нему и что-то скажет. Может, не скажет, ведь рядом этот благородный придурок, и Ингрид нужно отстаивать его честь. Может, хотя бы посмотрит с благодарностью – Раймон понял бы самый короткий взгляд.

Ингрид вышла молча. Всё так же поддерживая под руку насмерть перепуганного жениха.

*М. Лермонтов. Тебе, Кавказ, суровый царь земли

Глава 7. Семья

Плечо Раймон перевязывал сам – никто, кроме Ингрид, никогда не лечил его, а обращаться к Хранительнице Раймон не имел ни малейшего желания.

Мысль об уходе терзала полуэльфа всё сильнее. И всё же уйти не прощаясь он не мог. От одной мысли, что он никогда больше не увидит растрёпанную косу с серебристыми прожилками и детскую улыбку на нежных губах, становилось тоскливо. Раймон не мог понять, что ему делать снаружи, если Ингрид останется здесь.

Впрочем, чем больше он представлял грядущий разговор с Ингрид, тем яснее понимал, что это дурацкая идея. Ингрид никогда ничего не обещала – по крайней мере, ему. Она всегда чётко обозначала, кто она, и кто Раймон. «Мой подарок» говорила она, и в этом звучало «моя вещь». И если раньше её слова казались обычной игрой, то теперь только слепой не понял бы их смысл.

Раймон никак не мог заставить себя забыть свои первые встречи с Ингрид. Казалось, Ингрид с тех пор совсем не изменилась. Разве что стала выше на пару дюймов. Она так же улыбалась, так же говорила и так же трепала его по щеке.

Раймон невольно вспомнил, как Ингрид учила его читать. Она не смеялась, хотя могла бы. Как выяснили они с Ингрид потом, они были ровесниками, но если Ингрид уже неплохо знала основные науки, то

Раймону предстояло, по крайней мере, освоить алфавит и арифметику. Вряд ли кто-то из наставников стал бы возиться с приёмышем – только Ингрид интересовала его судьба. Она защищала Раймона от братьев в меру своих сил. Порой Раймону было страшнее наблюдать, как Ингрид пытается загородить его своим хрупким телом, чем ввязаться в драку самому.

Всё это никак не вязалось со странным и чужим взглядом, который встретил Раймона несколько часов назад. И ещё больше не вязалось с ложью – Раймон понял бы и не удивился, если бы Ингрид присвоила себе их общую победу. В конце концов, именно её магия спасла Раймона. Но Бальдер не сделал ничего – ровным счётом ничего – чтобы заслужить похвалу.

И какой бы дикой не казалась мысль о вечной разлуке, Раймон не мог заставить себя снова обратиться к Ингрид.

Полуэльф не спал всю ночь, а к утру его дилемма разрешилась – по этажу пошли слухи, что к стенам башни приближается войско вампиров. В первую секунду слова об этом пробежали по телу Раймона горячей волной. Драка была тем, что требовалось ему в этот миг больше всего. Хотелось избить кого-то до полусмерти, а может, и самому испытать такую боль, которая заставила бы забыть обо всём.

Следом пришло запоздалое сожаление – теперь его уход уже не зависел от Ингрид. Бросить родню перед битвой и всю жизнь казнить своим предательством он не мог.

Мысль о забвении понравилась Раймону особенно, и когда он снова услышал перешёптывания, горячая волна оформилась в осознанную идею. Он мог держать клинок. Его учили драться. И своим мечом он мог выплатить последний долг тем, кто стал его семьёй.

Вот только меча у Раймона больше не было – почти все его вещи отобрали, когда он отправлялся на этаж для прислуги.

Впрочем, Раймон почти не сомневался, что Беллу сейчас будет нужна любая помощь.

Поднявшись, Раймон вышел в коридор. Со всех сторон слышался топот ног. Слуги носились по башне, создавая безумную карусель из пляшущих в воздухе цветных тканей.

Раймон добрался до лестницы и стал подниматься вверх. Как он и рассчитывал, охраны у дверей на этажи не было – сейчас всех куда

больше волновала предстоящая оборона башни, чем оборона собственных спален.

Раймон остановился у дверей в зал собраний и замер, не в силах заставить себя повернуть ручку. Только раз визит в это место принёс ему благие вести – в самый первый день, когда его принимали в семью. С тех пор его приводили на самую верхушку башни только чтобы наказать. Да ещё, пожалуй, в тот раз, когда Белл объявил о новых порядках.

Зал стал для него дурной приметой, и входить туда не хотелось почти физически – но решение было принято.

Раймон опустил пальцы на массивную рукоятку и медленно повернул. Петли скрипнули, и лучи расцветного солнца, искажённые цветными витражами, упали ему на лицо.

Послышались тихие голоса.

Нет. Всего один голос.

Раймон замер, вслушиваясь. Говорил Белл. Говорил совсем не так, как мог бы говорить перед войском – в его голосе не было пафоса, только колкий лёд и отрывистые интонации человека, который всегда спешит.

– Все уже знают? – спросил он.

– Слухи расползаются быстро, – колокольчиком прозвенел спокойный голос леди Айниры.

– Проклятье, – почти выплюнул Белл.

Наступила тишина.

– Надо было торопиться. Где Ингрид? Она успела дать согласие на брак?

– Бальдер остался ей доволен. Но официальной помолвки не было.

– Всё равно... нужно послать гонцов в дом Саламандры. Пусть Ингрид попросит своего жениха о помощи.

– Нужно, – согласилась Айнира. – Ещё лучше, если она отправится сама. Я не думаю, что ей откажут. Но на это нужно время. А Ингрид могут убить по дороге.

– Само собой. Этого мы допустить не можем. Но и лишних воинов сейчас нет.

– Белл... – Раймон проклял себя за глупость, но сил молчать не было, и он шагнул навстречу повернувшимся к нему лицам.

Айнира выглядела удивлённо.

Белл смотрел с привычным презрением.

– Белл, – повторил Раймон увереннее. – Дозволь мне проводить Ингрид. Ты знаешь, дерусь я отлично. А для ссор сейчас нет времени.

– Ссор? – Белл приподнял брови. – Было бы странно, если бы я ссорился с прислугой, когда у моих стен войско врага.

Раймон сжал кулаки, заставляя себя сохранять терпение.

– Белл, я не хочу, чтобы с Ингрид что-то случилось. Ты сам сказал, воинов мало, будет глупо...

– Не тебе судить о моих решениях, – отрезал Белл.

– Белл! – одёрнул его похолодевший голос леди Айниры, но Белл не обратил на неё внимания.

– Хорошо, – сказал Раймон, опуская голову. Спорить сейчас было глупо, что бы ни мнил о себе Белл, – по крайней мере, дай мне меч, чтобы я мог сражаться за свой дом. Не потому, что признаёшь меня... потому, что я должен отплатить за кров и еду. Не ради меня, а ради жизни нашей семьи.

– У тебя нет семьи.

– Белл! – повторила Айнира легче, и Белл резко обернулся к ней.

– Леди Айнира, сообщите о моём решении Ингрид. Помогите ей собрать самое необходимое и отправляйтесь вместе с ней. Уверен, вдвоём вы сможете укрыться сумраком и добраться до цели. Времени на споры нет, леди Айнира, – добавил он настойчивее, заметив, что Айнира собирается возразить.

Айнира покачала головой. Бросила последний, полный сожаления, взгляд на Раймона и, подобрав юбки, торопливо отправилась прочь.

– Почему? – спросил Раймон, чувствуя, что почти не владеет голосом. – Почему, Белл?

– Потому что так будет лучше для Дома.

– Я не об Ингрид, Белл. Не хочешь доверять мне её – позволь идти в бой вместе со всеми. Это моя семья. Не тебе решать, так это или нет. Я не могу прозябать в погребе вместе с горничными и калеками, когда дом моего отца тонет в крови!

– Он не твой отец, – Белл рванулся вперёд и вцепился пальцами в воротник Раймона. – Запомни раз и навсегда, полукровка. Ты не его

сын – и никогда им не был. У Тауфина было два сына. Один погиб как герой. Один остались жить. Тебя. Не было. Среди них.

Раймон не нашёл, что ответить. Глаза Белла сверкали почти осязаемым безумием.

Полуэльф с трудом отцепил пальцы брата и сжал, жалея, что не может сломать тонкие косточки одним движением. Ярость клокотала у самого горла, заполняла грудь тугим чёрным комом.

– Значит, вы – не моя семья? – спросил он тихо.

Несмотря на боль, Белл холодно улыбнулся и покачал головой.

– И я не должен защищать вас до последней капли крови, как учил меня наставник?

На секунду в глазах Белла промелькнуло недоумение, а в следующий миг Раймон выпустил его руку.

– Ты сказал, – бросил он, развернулся на каблуках и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Ингрид встретила его двумя этажами ниже. Раймон не сразу узнал непривычно взволнованное лицо.

– Раймон? – Ингрид попыталась опустить руки на грудь полуэльфа, но тонкие запястья внезапно оказались отброшены прочь. – Раймон, Айнира сказала, вы с братом ругались.

– С братом, – повторил Раймон медленно. – Нет, с братом я не ругался.

– Хорошо, – Ингрид с облегчением выдохнула. – Я улетаю в дом Саламандры за помощью. Ты пойдёшь со мной.

Раймон медленно поднял брови. Всё, что он видел, происходило будто бы не с ним. Будто кто-то другой занял его тело, а он парил наверху в тёмном облаке злости и наблюдал за происходящим со стороны.

– Некому чистить твою виверну в пути?

Ингрид нахмурилась.

– Мне не нравится то, что ты говоришь. И я не собираюсь тратить время на уговоры.

– Этого не потребуется.

– Хорошо. Тогда жди меня внизу, у стойла, – Ингрид повернулась к двери, собираясь вернуться в спальню.

– Я ухожу, Ингрид.

Пальцы Ингрид замерли на костяной рукоятке, и она медленно обернулась.

– Уходишь? Куда?

– Не куда, а откуда. В трущобах было честнее, чем здесь.

– Ты не посмеешь, – Ингрид чуть приподняла бровь и холодно улыбнулась.

– Посмею, Ингрид.

– Ты не бросишь дом на краю гибели!

Раймон ничего не ответил. Притянув Ингрид к себе, он сделал то, что хотел сделать уже давно – впился жадным поцелуем в губы сестры, сминая, поглощая, проникая так глубоко, как хотел этого сам. Ингрид сопротивлялась лишь в первые секунды, а затем быстро сдалась и впустила настырный язык, позволяя подчинить себя, но не подчиняясь до конца.

Раймон отпустил её и оттолкнул в сторону. Говорить не хотелось. Он спокойно пошёл вниз, не обращая внимания на суету и крики прислуги. У него не было оружия, а за стенами башни ждал враг, но в эти минуты Раймону было всё равно – жить или умереть.

Ингрид стояла перед зеркалом, разглядывая платье из белого шёлка, подпоясанное серебряной цепочкой. Руки её были разведены широко в стороны, а двое слуг с булавками колдовали над одеждами, предназначенными для свадебного торжества.

Хранительница не обращала на них внимания. Она внимательно изучала своё лицо. На лбу между бровями залегла неприятная морщинка, и это ей не нравилось – отец приобрёл свои первые морщины, когда ему было далеко за четыреста, а у Ингрид противная складочка вылезла уже теперь, когда ей едва перевалило за сто.

Бальдер часто подшучивал, что во всём виноват дурной нрав невесты – впрочем, получив в ответ ледяной взгляд, замолкал и пытался замолить вину поцелуями.

Ингрид вовсе не считала себя капризной. Просто Бальдер часто не мог принять решения сам, и постоянная ответственность частенько угнетала Хранительницу – но она смирилась и старалась радоваться тому, что будущий супруг готов исполнить любое её желание.

Прошло почти тридцать лет с тех пор, как была отбита атака на башню Синего Дракона. Тогда согласие на брак пришлось давать поспешно, и так же поспешно провели ритуал помолвки – а затем сразу же отправились на битву. Зато уж свадьбу Ингрид хотела провести по своему вкусу. С самой границы привезли её любимые цветы. Все девушки дома Саламандры плели венки, чтобы раздать их гостям. Все, кого знала Ингрид, были приглашены, и Бальдер ни разу ей не возразил. Будущий супруг мог бы стать пределом мечтаний, но почему-то день ото дня вино казалось Ингрид горьким, а в сердце поселилась тоска. Она скучала по чему-то, что давно утратила. По свободе, по синему небу, по ветру и верному спутнику, который всегда мог подхватить её и заслонить собой.

От этих воспоминаний становилось ещё горше, но забыть то смутное чувство Ингрид не могла, и это заставляло её хмурить брови и срывать злость на слугах.

Вот и сейчас, устав от однообразной позы, она прикрикнула на нерадивых портных, затянувших примерку, и выставила всех вон.

Ингрид подошла к окну. Шёл дождь. Сплошной стеной с неба лила вода. Странная погода для середины лета, и Ингрид очень надеялась, что к утру дождь закончится, не решившись испортить ей свадьбу.

Хранительница приникла лбом к стеклу, вглядываясь в непривычный рисунок деревьев за окнами чужой башни. Здесь, в обители Саламандры, было больше скал, и сами здания вращались в каменистые кряжи, разукрашивая их причудливым узором.

Сейчас серые глыбы были скрыты водой. Ни звезд, ни луны не было видно за густой пеленой туч, и только редкие всполохи молний освещали горный пейзаж.

Раймон всегда любил такие ночи. Он редко давал понять, что что-то нравится ему лично, всегда выбирая то, что предпочитала Ингрид. Но вот эти дождливые летние ночи, которые случались в их краях совсем нечасто, струи воды повсюду и буйство ветра в кронах деревьев... Он не мог удержаться и выходил во двор, чтобы долго стоять, распахнув объятия навстречу бушующему небу. Ингрид не ходила с ним, но ей казалось, что в такие минуты Раймон улыбался. Улыбки его были так же редки, как эти безумные ночи.

– Раймон, – прошептала Ингрид и закусила губу. Как никогда ясно она ощутила свою тоску.

Очередной зигзаг осветил темноту ночи и исчез.

Ингрид прищурилась. Глаза наверняка лгали ей, но на секунду Хранительнице показалось, что там, под окнами, до боли знакомая фигура стоит, распахнув объятия небу.

Ингрид опустила ладонь на стекло, сиюсь дотянуться до темноты и ощутить мираж пальцами.

Ещё один всполох вырвал свистящий вздох из её груди. Фигурка стояла всё там же, а рядом с ней – массивная тень виверны под чёрным седлом.

– Раймон, – выдохнула Ингрид громче и, не желая испытывать судьбу, бросилась к выходу, за двери, по коридорам и лестницам, вниз, за ворота...

Хранительница замерла, разглядывая такое знакомое и незнакомое существо.

Казалось, Раймон стал выше. Шире стали его плечи, укутанные чёрным плащом. Вместо привычной простой рубашки Ингрид с трудом разглядела во мраке имперский камзол и закусила губу, чтобы не закричать.

– Раймон... – Ингрид протянула руку, мечтая и не решаясь прикоснуться к призраку своего прошлого.

Раймон молчал. Под глазами его тоже залегли морщины, а взгляд стал тяжёлым, будто одетым в доспех.

Но он пришёл к ней – в этом не могло быть сомнений. Что ещё делать Раймону на земле Саламандры? И Ингрид бросилась на шею к названному брату, покрывая поцелуями его лицо.

Раймон не двигался. Он оттаивал медленно, но, в конце концов, его руки сомкнулись на спине Ингрид и прижали её к груди.

– Ингрид, – произнёс он, когда поцелуи иссякли, и эльфийка отстранилась. – Тебе идёт... это платье.

Ингрид стиснула кулаки, не зная, куда спрятать белоснежные складки свадебного наряда.

– Завтра... – выдавила она и тут же разозлилась, услышав в собственном голосе вину.

– Знаю, – Раймон кивнул.

– Где ты был? Где ты был раньше?

Раймон усмехнулся без всякой радости.

– Помнишь, ты сказала, что мне нечего тебе предложить?

Ингрид отвела взгляд. Она помнила. Она вела себя как трусиха – и знала это сама.

– Я искал... что предложить, – Раймон замолчал на секунду. – Надеюсь, особняка в Гленаргосте будет достаточно, чтобы ты в меня поверила?

Ингрид молчала, и Раймон продолжил.

– Ты будешь представлена ко двору Императора. Никогда не будешь знать ни нужды, ни чужой власти. Я не буду ограничивать тебя ни в чем, и ты будешь моей единственной.

– Я должна ответить сегодня?

– Завтра будет поздно.

Ингрид молчала.

Глава 8. Дорлифен

Свеа сидела в плюшевом кресле, вытянув ноги к огню. Грязь на ботфортах медленно подсыхала и кусками обваливалась на паркет. Уже больше часа она мечтала стянуть с себя ненавистные, насквозь промокшие сапоги и растянуться на кровати, не думая ни о политике, ни о своих сомнительных знакомых.

Уже почти час Данаг, непонятно отчего решивший, что его касаются дела на западном фронте, доказывал ей, что она неправильно ведёт войну. Безусловно, полководец, который уже две сотни лет не мог выкурить дроу из их нор, знал, о чём говорил.

– Данаг, – повторила Свеа упрямо и невольно вздохнула, потому что мысль эту под разным соусом преподносила собеседнику уже не первый раз, – я даже спорить не хочу о том, каковы наши шансы пробить защиту сумрачных. Это сложный вопрос, в котором нужно учитывать очень много вероятностей. Я лично считаю, что мы позарились на слишком большой кусок. Но это не имеет никакого отношения к тому, что я обязана продолжать войну. Обязана, Данаг, какой бы глупой она ни была. Я понимаю, чего ты хочешь. Чтобы мы перебросили войска в Сумрачные горы.

– Нет, не понимаешь, – попытался отрезать Данаг, но мягкий голос Свеа продолжал литься в пространство, как ни в чём ни бывало.

– Ты говоришь об этом не с тем вампиром, вот что я пытаюсь тебе объяснить. Не я решаю, будет ли продолжаться война. Моё дело –

вести её как можно лучше.

– Войну на юге удалось остановить.

– Даже не говоря о том, что Рамангу едва не посадили на кол за своеволие, он отчитывался перед императором – я буду отвечать перед своим сиром. Хочешь что-то изменить, говори с ней.

Свеа тряхнула мокрыми волосами и уставилась на Данага в упор.

Наместник восточной провинции был сиятелен и ухожен – как всегда. Хрустальный бокал в его тонких пальцах искрился рубиновым вином, длинные чёрные волосы были безупречно гладкими, так что ни одна прядь не пушилась и не выбивалась в сторону. Камзол из синего бархата лежал идеальными складками, обтекая волной брызги белоснежного жабо.

Свеа вздохнула.

Сама себя она чувствовала промокшей кошкой. Это чувство посещало её слишком часто в последние недели. Три месяца прошло с тех пор, как был взят Дорлифен, и за эти три месяца она провела в полуразрушенном дворце бывшего губернатора не больше пяти ночей. Почти всё время приходилось проводить на передовой, а теперь ещё и редкие вечера, когда выдавалась возможность вернуться в Дорлифен, оккупировал Данаг. Наместник то ли хотел от неё чего-то, то ли попросту не знал, чем себя занять в отсутствие войны. Первое время его общество даже казалось Свеа приятным – Данаг не был слишком уж прожженным интриганом, и рядом с ним можно было говорить вслух многое из того, что Свеа опасалась произнести в семье. Однако вскоре – поняв, видимо, что Свеа сочувствует его идеям, Данаг начал вести откровенную пропаганду ненасилия, причём такую, за которую кто-то менее могущественный вполне мог бы быть сожжён на солнце.

Свеа неловко ёрзала в кресле, выслушивая очередную тираду о том, что Император занимает свой пост не по праву, вопрошала затянутое тучами небо, за что ей это всё, и всячески старалась сменить тему. Она постепенно начинала понимать, что привело Данага в Дорлифен – очевидно, он повздорил в Гленаргосте с кем-то из приближённых к трону и теперь отсиживался на самой окраине Империи. К счастью, в одиночестве. А впрочем, именно это одиночество, видимо, и стало для Свеа роковым – кроме неё Данагу в городе было попросту не с кем общаться.

Свеа нарочно кривила душой, пытаясь разозлить собеседника, когда намекала на его корыстные мотивы. Хотелось остаться в одиночестве и желательно немедленно.

Впрочем, Свеа быстро поняла, что мечтам её сбыться не суждено. Едва она закончила в очередной раз повторять прописные истины, как в гостиную постучали, и на пороге появился её адъютант, Алмонд. Алмонду было немногим больше двадцати, и Свеа почти не сомневалась, что мальчик приставлен к ней Ламией неспроста. Потому, едва встретившись со взглядом фиалковых глаз, она смолкла, ожидая объяснений.

– Простите, командор. В прихожей какой-то юноша. Он насквозь промок и явно давно уже не выбирался из болота. Он утверждает, что вы примите его.

Свеа свела к переносице тонкие брови.

– Должно быть, кто-то из разведчиков.

Вампирша поджала губы. Никаких отчётов она принимать уже не планировала, тем более они могли закончиться очередной поездкой на границу. И всё же откладывать такие дела не годилось.

– Наместник, – Свеа повернулась к Данагу.

– Я понял, – Данаг кивнул. – Не имею ни малейшего желания при этом присутствовать. Просто помните, о чём я вам говорил...

– Не любую войну нужно выигрывать, – произнесла Свеа в один голос с Данагом.

Данаг усмехнулся.

– Я рад, что вы меня всё-таки слушали.

Когда он вышел, у Свеа было одно желание – швырнуть дорогой кубок о стену, но она взяла себя в руки, решив, что ни кубок, ни стена такого обращения не заслужили.

– Пригласи, – приказала она, последним глотком допивая вино и с тоской глядя на свои грязные сапоги.

Потребовалась пара минут, чтобы незванный гость оказался в комнате. Выглядел он, в самом деле, неважно – Впрочем, слово «отвратно» подошло бы больше. Криво обрезанные перепутанные волосы до плеч, вымазанное грязью лицо, некогда дорогая, а теперь изорванная в клочья рубашка. Плаща на парне не было, а сапоги выглядели не менее печально, чем собственные ботфорты Свеа. Теперь

командор сильно сомневалась, что это разведчик – разве что бродил он по дорогам слишком долго и попал в неприятности.

– Алмонд, – окликнула Свеа адъютанта, поднимаясь с кресла, – как это понимать?

– Простите, командор, вы сами сказали...

– Твои вести срочные?

Незнакомец явно растерялся, не зная, что ответить.

– Дайте же ему сухую форму и что-то горячее, – продолжила Свеа, не дожидаясь реакции и обращаясь уже к адъютанту. – На улице ночь, и если только войско эльфов не стоит у моих ворот, все мы сможем подождать до утра.

Алмонд поклонился, демонстрируя готовность исполнить приказ, и потянул было пришельца прочь.

– Постой-ка, – произнесла Свеа, удивлённо хмурясь. Она шагнула вплотную к незнакомцу. – Ты не разведчик. Ты вообще не носферату. Что ты здесь делаешь?

– Раймон, – выдохнул гость, но Свеа нахмурилась лишь сильнее. – Раймон моё имя, – повторил пришелец торопливо. – Помните, тогда, у башни Синего Дракона, вы обещали, что примете меня...

Секунду Свеа пыталась справиться с недоумением, а затем повторила:

– Раймон...

Раймон ощутил, что ноги его подкашиваются, когда увидел спокойную светлую улыбку на лице почти незнакомой вампирши. Полуэльф не ел и не спал три дня и держался лишь на уверенности в том, что нужно добраться до города. Затем услышал имя Свеа и вспомнил короткое знакомство и опрометчиво данное обещание. Он не слишком-то рассчитывал, что вампирша, невольной жертвой которой он стал, вспомнит его – тем более, что последнее время его не помнили даже те, с кем он жил в одном доме. Но идти больше было некуда, и Раймон решил попытать счастья, а теперь, когда в глазах Свеа промелькнуло узнавание, силы окончательно оставили его.

Раймон рухнул и уже предвкушал столкновение с твёрдым полом, но руки Свеа подхватили его, и он внезапно оказался в каком-то малюсеньком мирке, который успел позабыть – рядом трепетал камин, а его поддерживали и не давали упасть. Раймон облизнул губы, с недоумением вглядываясь в такое же удивлённое лицо вампирши.

– Простите, – Раймон попытался встать. – Вы испачкаете камзол. Свеа фыркнула.

– Как будто тут ещё есть, что пачкать, – она подняла глаза на вампира, который проводил Раймона в покои хозяина. – Алмонд, отбой приказа. Одежда подождёт. Моя ванна готова?

– Почти час, командор. Скоро всё остынет.

– Хорошо. Принеси туда настой против простуды. Потом уже займёшься одеждой. И тут есть ещё целые комнаты?

– Солдаты расчистили западное крыло и устроили там зал для тренировок.

Свеа нахмурилась.

– Нет. Не пойдёт. Принеси в мой кабинет тюфяк и постель. Пока этого хватит.

Алмонд поклонился и вышел. Раймон непонимающе смотрел на свою благодетельницу.

– Всё это излишне... командор. Мне просто нужен был ночлег. И я могу идти...

– Я и даю тебе ночлег, – не слушая возражений и продолжая держать нежданного гостя на руках, она вышла из библиотеки, чудом уцелевшей во время битвы за город, и понесла его по коридору. Толкнув коленом одну из дверей, Свеа внесла полуэльфа в спальню и задумалась. Класть грязное и чужое существо на постель она не хотела. Поразмыслив, вампирша толкнула ещё одну дверь и внесла Раймона прямо в купальню, а затем, опустив его ноги на пол, осторожно прислонила юношу к стене.

– Раздевайся, – бросила Свеа, отворачиваясь и начиная растёгивать собственный камзол.

– М... Командор? – Раймон опустил пальцы на ворот рубашки, но продолжать не спешил. Он никак не мог понять, чего хочет от него Свеа, и ему это не нравилось.

– Да не тяни, простудишься же, – сбросив собственный камзол и видя, что юноша стоит неподвижно, Свеа принялась сдирать с него изорванную мокрую ткань. – Дальше сам, – приказала она, когда на Раймоне остались только штаны и сапоги. – Лезь сразу в бассейн. Я не знаю, как у вас решается вопрос гигиены, но в этой чёртовой глуши горячая вода – это достопримечательность, так что нам придётся разделить её на двоих.

Раймон всё ещё не совсем пришёл в себя от такого неожиданного гостеприимства, но, поколебавшись немного, всё же выполнил оба распоряжения Свеа. Уже оказавшись по шею в воде, он снова едва не потерял сознание от нахлынувших приятных ощущений. Горячие волны плавно обтекали тело. Вода пахла чем-то свежим и густым, сосной и пихтой.

– Не утони, – на плечи юноши легли тёплые руки, и у самого уха прозвучал тихий смешок.

Раймону показалось, что он вот-вот растает в этих мягких ладонях, которые к тому же принялись разминать его затёкшие плечи и скользить по спине до самой поясницы.

– Командор... Свеа? – спросил он, заставляя себя приоткрыть один глаз. – Что вы делаете?

Рука Свеа как раз опустилась ему на живот.

Ещё один сухой смешок был ему ответом.

– Уймись. Насиловать не собираюсь.

Раймон покраснел и попытался отстраниться, но сил ему не хватило.

– Хочется верить...

Свеа продолжала оглаживать живот полуэльфа, делая вид, что не замечает возражений, а когда пальцы вампирши будто бы случайно скользнули ему между ног, Раймон тихо ахнул и замолк.

– Но я не прочь помочь тебе избавиться от усталости, – шепнула она у самого уха Раймона.

Тот рванулся последний раз, но, не добившись успеха, затих. Свеа была сильнее, но дело было даже не в этом. Её прикосновения были странными, мягкими и заботливыми, как касания матери. От них вовсе не хотелось убегать, и только разум настойчиво напоминал, что тело за спиной принадлежит почти незнакомому существу.

Свеа закусил губу, наблюдая, как плавится тело полуэльфа в её пальцах. Парень был красив странной и непривычной красотой. Его лицо не было правильным, как лица эльфов, нос чуть длиннее, чем нужно, и скулы слишком высокие, да и волосы заметно портили картину, но ещё тогда, в яме, Свеа заметила, что к Раймону хочется прикоснуться. Тугие мышцы были натянуты и переливались под загорелой кожей. Они не делали юношу грубым, похожим на людей, но

в нём была молодая, гибкая сила, как в юном деревце, гнущемся на ветру.

Но Свеа видела много красивых тел. Она давно уже не пыталась поиметь и съесть всё, что вызывало у неё симпатию. Раймон вызывал не только и не столько физическое влечение. Ещё там, в яме, Свеа неудержимо хотелось погладить его по щеке и поправить непослушные пряди волос. У полуэльфа был странный взгляд, которого Свеа не могла понять – будто у загнанного зверя... нет, у воина, который держал свой последний форпост в полном одиночестве. Раймон будто бы был готов ко всему и не удивлялся, когда жизнь встречала его в штыки. Там, в плену, он молча подставлял шею существу, которое вполне могло убить его, сломать пополам или разорвать на части. Никогда не кричал и не просил прекратить, хотя Свеа видела, как напрягается каждый раз его тело, когда готовится принять острые клыки. Она хотела прикоснуться к Раймону по-другому, но вампирша знала, что должна выжить. Жизнь одного маленького эльфа не стоит того, чтобы погиб весь её отряд. И всё же командор хотела, чтобы если это потребуется – Раймон пришёл именно к ней. Там, под землёй, она представляла, как однажды пригладит эти спутанные волосы и уложит мальчика спать – не на соломенной подстилке, обескровленного и ослабшего, а в тёплой постели, укрыв пуховым одеялом до самого подбородка.

– Раймон, – позвала Свеа, обнаружив, что юноша, похоже, совсем разомлел в её объятиях и отключился.

Вздохнув, погладила расслабленный пах, с которым так и не успела поиграть. Раймон лишь недовольно замычал во сне, вызвав новую усмешку.

– Командор, – из-за спины послышался кашель Алмонда. – Я принёс отвар.

– Спасибо, поставь, – ответила Свеа негромко, не желая будить свою добычу.

– Вы уверены, что вам нужен тюфяк в библиотеке?

Свеа бросила на Алмонда быстрый взгляд и чуть заметно улыбнулась.

– Нужен, – сказала она после паузы, – не надо его пугать.

– Тогда сейчас постелю.

– Знаешь, что... Не в библиотеке. В спальне. Не хочу, чтобы до него добрались солдаты.

Алмонд кивнул и вышел.

Свеа осторожно облокотила юношу о бортик бассейна и торопливо принялась оттирать собственное тело мочалкой. Закончив, она подтянулась на руках и выпрыгнула на мраморный пол. Вытащила за собой Раймона и вынесла обратно в спальню.

Всё уже было готово, и Свеа жалела лишь о том, что постель, которую она предлагала гостю, была не так уютна, как она представляла. И всё же она осторожно подоткнула одеяло, укрывая Раймона до самого подбородка.

Полуэльф приоткрыл глаза, когда Свеа уже собиралась встать и отправиться в собственную кровать.

– Командор?

Свеа мимолётно улыбнулась, снова опускаясь на пол рядом с тюфяком.

– Просто Свеа. Если не надумаешь поступить ко мне на службу.

Раймон заледенел на миг, и Свеа поняла, что промахнулась.

– Ты всё ещё любишь свою семью? – спросила она.

Раймон не ответил, только отвёл взгляд в сторону.

Свеа вздохнула, но решила, что не время для таких серьёзных разговоров, и мягко погладила Раймона по щеке.

– Извини.

– За что? – Раймон удивлённо посмотрел на неё. – Я очень благодарен тебе.

– Не за что. Я обещала, что помогу тебе, если понадобится. Я помню, что обязана тебе жизнью.

Раймон усмехнулся.

– Это ничего не значит. И я надеялся просто переночевать на конюшне.

– На конюшне спят лошади. Если бы мы были в Гленаргосте, я бы приказала приготовить тебе спальню, но город разрушен, и мои собственные покои целы только потому, что солдаты убедили меня занять единственную уцелевшую спальню.

– Город разрушен, – повторил Раймон. Странно было осознавать, что тех мест, где он вырос, возможно, больше нет. Но он не тосковал по прошлому – слишком устал, чтобы чувствовать хоть что-то.

– Тебе нужно поспать, – угадала его мысли Свеа. – Мы обо всём поговорим завтра. Здесь тебя не будут бросать в ямы с «чудовищами», так что я надеюсь, что тут тебе понравится всё же больше, чем в башне Синего Дракона. Выпей это, – она протянула Раймону горячую кружку, и тот поморщился, сделав глоток горького отвара.

Свеа хотела сказать ещё что-то, но в дверь снова постучали – в который раз за ночь Свеа прокляла всё и вся.

– Командор, письмо от сира.

Не глядя, Свеа протянула руку, и в пальцы ей лёг маленький свиток.

Торопливо пробежав глазами по аккуратным строчкам, она стиснула зубы.

– Мне нужно уйти, – сказала она тихо, снова вглядываясь в лицо полуэльфа. – Если что-то понадобится, обращай к Алмонду... Но я думаю, что вернусь до утра.

Раймон кивнул.

– Спасибо, – повторил он, глаза уже закрывались, и он спал как младенец, когда Свеа, одевшись, вышла из комнаты.

Незадолго до рассвета Раймона разбудили грохот и тихая ругань.

Раймон осторожно перевернулся на бок, огляделся в поисках оружия и, не найдя ничего, сжал кулаки. Впрочем, уже через секунду он узнал Свеа. Волосы вампирши снова промокли. Она стояла, держась рукой за спинку кровати. Раймону показалось, что носферату не решается сделать шаг, но он тут же отогнал от себя эту мысль – и вернулся к ней, когда Свеа рухнула на кровать, не снимая одежды.

– Свеа... – позвал Раймон осторожно.

Вампирша не отзывалась.

Раймон встал и подошёл к постели носферату. Та лежала на спине, прижав ладонь к груди. Побелевшие пальцы едва заметно сжимались и разжимались.

– Свеа... – позвал Раймон ещё раз и, сделав ещё один шаг, присел на постель рядом с хозяйкой дома.

Только теперь он заметил, что белую рубашку испачкала кровь.

Преодолев мгновенный страх, Раймон принялся освобождать Свеа от одежды в поисках раны – но ничего не нашёл. Только несколько розоватых тонких следов. Стянув с вампирши ещё и сапоги, он укрыл её краешком одеяла и вернулся на своё место. В этот раз он долго не

мог уснуть. Тело Свеа казалось неестественно неподвижным. Полуэльф всё ждал, что Свеа издаст хотя бы стон, но этого так и не случилось. В конце концов, Раймон всё же погрузился в сон.

Глава 9. Дождь

Проснулся Раймон от запаха корицы. На миг ему показалось, что прошедшие месяцы были сном, и это Ингрид забралась к нему в спальню, а теперь жуёт свои пирожные, сидя на подоконнике.

Раймон лежал, не открывая глаз, опасаясь спугнуть видение, пока запах не усилился, приближаясь, и чья-то осторожная рука не коснулась его лба.

Рука совсем не походила на ладошки Ингрид. Она была сухой, а ногти на кончиках пальцев едва заметно царапались.

Не сдержав любопытства, Раймон открыл глаза и проглотил разочарованный вздох.

Рядом сидела Свеа. Она всё ещё казалась очень бледной, но другой её Раймон и не видел. Золотистые волосы рассыпались по плечам мягкой волной, но даже они не походили на волшебные локоны Ингрид.

Из одежды на Свеа не было ничего, так что Раймон против воли окинул взглядом подтянутое тело, плоский живот, крепкие бёдра и небольшую, но высокую грудь.

В руках вампириша держала глиняную кружку, от которой исходил тот самый запах корицы.

– Доброе утро, – свободной рукой она протянула Раймону такую же, и подождала, пока тот усядется, прислонившись спиной к стене.

Взяв кружку в руки, Раймон сделал осторожный глоток и зажмурился. Это был кофе – потрясающе горячий и замечательно вкусный.

Пока Раймон наслаждался горьковатым вкусом с мягким привкусом ванили, Свеа достала откуда-то золотой поднос с двумя тарелками. Одна из них уже была пуста, а на другой лежали обжаренные хлебцы с джемом.

Роскошный старинный поднос до смешного контрастировал с грубыми кружками, но и то, и другое идеально подходило самой Свеа. Она была изящной, но не хрупкой, двигалась с достоинством принцессы и стремительностью дикой кошки.

– Нравлюсь? – Свеа усмехнулась, и Раймон торопливо отвёл взгляд.

– У нас не принято... – полуэльф демонстративно прокашлялся.

– Привыкай. Ты больше не в королевстве смурных эльфов.

– Сумрачных...

– Смурных. Никогда не видела более мрачного народа. Даже лунные лучше умеют развлекаться.

– Ты была у лунных эльфов? – Раймон торопливо замолк, смутившись своего любопытства.

– Была. И у лесных, хотя от них теперь мало что осталось. Я занималась вопросами интеграции завоёванных народов в Империю... Потому что в Империи от них слишком много проблем. А теперь завоёвываю новые народы, чтобы создать новые проблемы. Впрочем, в данный момент это не имеет никакого значения. Куда интереснее: чем занимаешься ты?

– Я...

Раймон в недоумении пожал плечами.

– Ну, что-то же принесло тебя на земли врага в самый разгар бури?

– Бури? – Раймон вскинулся, стремительно возвращаясь в реальность. – Чем закончился бой у башни Синего Дракона?

Свеа нахмурилась.

– Поражением.

Раймон похолодел.

– Ты-то что переживаешь? Нашим поражением. К противнику пришло подкрепление, и нас разгромили наголову. Зима на пороге, и мы вряд ли успеем произвести перегруппировку до наступления холодов. Так что, полагаю, я застряла здесь ещё на полгода. Но ты ведь не шпионить пришёл?

Раймон торопливо помотал головой. От мысли о том, что его дом всё же выстоял, на душе мгновенно стало легче.

– Так какими же судьбами ты здесь, когда твои родные защищают свою крепость?

Раймон моментально вскинулся. Слышать обвинения Свеа было неприятно, и слова полились сами собой:

– Я не сбегал. Я предложил им свой меч. Но Белл отказал мне. Что мне оставалось? Сидя в подвале, я бы им не сильно помог.

– Тихо, – Свеа усмехнулась и положила руку юноше на плечо. Только теперь Раймон понял, что оправдывается. – Я тебя не обвиняю. Просто спросила. Надо сказать, что я бы на твоём месте ушла от них ещё тогда, когда тебя бросили нам на съедение. Если ты дотерпел до тех пор, пока они не влипли по-крупному, то это уж никак не твоя вина.

– Не надо меня жалеть, – сказал Раймон мрачно, но в глазах его затаилась молчаливая просьба, которая не укрылась от пристального взгляда Свеа.

– Я и не думала, – Свеа пожала плечами. – Я же вампирша. А вампиры не знают жалости.

Будто желая подтвердить правдивость своих слов, она выпустила клыки и нацепила на лицо гримасу взбешённого хищника, от вида которой Раймон едва не подавился кофе.

– Не смеши меня, – выдохнул он, откашливаясь.

Свеа тоже легко усмехнулась в ответ.

– Ладно, – сказала вампирша, вставая и потягиваясь. От вида натянутого тугой струной стройного тела Раймон снова едва не поперхнулся, но Свеа ничего не заметила. – Значит, ты сбежал. Или ушёл. У тебя были какие-то планы на будущее? Или ты просто собрался посмотреть мир?

Раймон пожал плечами, и Свеа заметила, что он погрустнел.

– Я думал только о том, пойдёт ли со мной Ингрид... Ингрид – это моя сестра.

– Та, что сбросила тебя в яму?

– Нет! – Раймон вскинулся. – Та, что носила мне еду.

– Но как я понимаю, она с тобой не пошла? Или ты потерял её в пути?

Раймон покачал головой.

Свеа снова опустила на корточки напротив него и приподняла подбородок юноши двумя пальцами.

– Я бы на твоём месте не расстраивалась. Если кто-то не хочет идти с тобой, значит, он не стоит твоей печали.

Раймон вздохнул. Говорить об этом со Свеа не хотелось. Как ни странно, не потому, что Свеа была чужой – напротив, выбалтывать ей личные проблемы оказалось на удивление легко. Просто портить утро было жалко. Даже несмотря на ливень за окном, оно было каким-то...

умиротворяющим. Прошлая жизнь закончилась – это Раймон ощущал абсолютно отчётливо. А вот что ждёт его впереди, он пока не знал.

– В общем, я не знаю, что буду делать. Всё, чего я хотел – добраться до Дорлифена. И вот я здесь.

– Ясно, – Свеа снова встала и убрала на стол опустевший поднос. – Тогда думай. Алмонд покажет тебе дом. На любые вопросы отвечай, что ты мой гость.

Командор начала одеваться.

Раймон невольно засмотрелся на ловкие и точные движения.

Свеа, в свою очередь, продолжала боковым зрением следить за неожиданным гостем. Только когда она вышла, Раймон вылез из-под одеяла и тоже принялся натягивать одежду: рядом с тюфяком обнаружилась аккуратно сложенная стопка чистых вещей – бельё, рубашка и штаны имперского покроя. Только сапоги пришлось надеть старые. Какое-то время он бродил по комнате, разглядывая расставленные на комодах безделушки, а затем вышел в коридор.

Алмонд встретил его у самой двери, будто стоял здесь всё время.

– Ты приставлен за мной следить? – спросил Раймон без всякого удивления.

– Нет. Покажу дом и займусь своими делами. Вы в гостях у командора, но на особое внимание не рассчитывайте. На вас ни у кого не будет времени.

Раймон кивнул. Его такое положение вещей устраивало как нельзя лучше. Следуя за проводником, он обошёл трёхэтажный особняк этаж за этажом. Большая часть помещений была завалена обгоревшими обломками, но то, что он сумел осмотреть, с трудом укладывалось в его представления об архитектуре. Все линии в башнях сумеречных эльфов были плавными, стены едва заметно изгибались, определяя и само течение жизни – резкие перемены были недопустимы, любое изменение считали изменением к худшему.

Особняк, который заняла Свеа, целиком состоял из углов и маленьких острых деталей. Раймон видел такие дома, когда жил в Дорлифене – но только издали и через озарённые светом свечей окна. Теперь же он будто бы попал в зазеркалье – мир, в котором не предполагал очутиться никогда.

Когда экскурсия закончилась, Алмонд вежливо поклонился, оставив своего ведомого у самого выхода. Он явно не опасался, что

Раймон может уйти, да и сам полуэльф не видел для этого причин. Разве что немного стыдно было злоупотреблять гостеприимством командора. Раймон прошёл по коридору в одну из расчищенных гостиных и остановился, прислонившись лбом к стеклу в окне. Снаружи шёл дождь. Гром, который сопровождал Раймона всю его дорогу от башни Синего Дракона, стих. Теперь пейзаж казался серым и уставшим – таким же, как и много лет назад, когда Раймон покинул город. Раймон внезапно понял, что плохо помнит улицы Дорлифена. Казалось, та жизнь принадлежала не ему. А вот Ингрид и её семья всплывали в памяти живыми яркими красками. Картины, в которых они с Ингрид пересекали на вивернах голубое небо над Долиной Цветов, вызывали под сердцем тупую боль.

Свеа сказала отлично. Тот, кто не пошёл с тобой, не стоит твоей печали. Вот только как убедить в этом сердце, от которого будто бы отрезали кусок...

«Или тебе есть, что мне предложить, Раймон?»

Слова застряли в горле тугим комком. Раймон сжал кулак, стараясь сдержать внутри нестерпимое желание ломать – всё равно что, лишь бы чувствовать, что он что-то может. Что-то может предложить.

Потом в памяти всплыли мягкие черты Бальдера. «Этот – мог предложить? – невольно спрашивал себя полуэльф. – Титул и дом, вот и всё что у него было. Но разве это то, что предлагают любимому? Разве не себя и своё сердце нужно положить к ногам той, о ком думаешь днём и ночью? Но если Ингрид хочет этого – почему нет? Разве не в этом – любовь? Отдать себя целиком, изменить себя и весь мир, чтобы она, единственная, была счастлива».

Раймон криво усмехнулся. Может, это и к лучшему, что Ингрид не пошла с ним. Нечего ей делать здесь, в сыром Дорлифене. Нет. Раймон пригласит её в Гленаргост – когда Гленаргост будет принадлежать ему.

Бой часов отвлек Раймона от раздумий. За окном уже смеркалось – если, конечно, там вообще рассветало. Свеа обещала вернуться вечером. Она спрашивала, что собирается делать Раймон – теперь у полуэльфа был ответ.

Мрачно улыбнувшись собственным мыслям, Раймон отвернулся от окна и направился на третий этаж. На полпути он решил, что если Свеа ещё нет – а к дому никто не подходил за всё время, пока Раймон

стоял у окна – то ждать её, сидя на кровати и ничего не делая, будет глупо.

Раймон свернул в библиотеку и принялся разыскивать на полках книги об Империи. Найдя несколько подходящих, он сел за стол у окна и принялся просматривать одну за другой. Первым, что его заинтересовало, были обряды вампиров, связанные с питанием. В башне наставники говорили об этом мало. В основном рассказывали ужасы о том, что вампиры насилуют своих жертв, прежде чем выпить их кровь, а иногда и пытаются их. Теперь Раймон узнал, что, в самом деле, боль является неотъемлемой частью ритуала питания – но только для женщин. Сам ритуал замешан на сложном сочетании физиологической и психологической связи между жертвой и хищником. Так, кровь, выпитая из жертвы, принявшей в себя семя вампира, в несколько раз полезнее для хищника, чем кровь чужого существа. Читая об этом, Раймон поёжился, в очередной раз удивляясь тому, что в яме Свеа ни разу не покусилась на его тело. Всё, что происходило между ними тогда, походило не столько на ужин, сколько на какое-то неторопливое и притягательное таинство. Свеа всегда пила медленно, придерживая одной рукой запястье Раймона, и сам полуэльф чувствовал, как тягуче бьётся его пульс под чужими пальцами. Он боялся, но с каждым разом всё больше убеждался в том, что Свеа не причинит ему вреда. И это странное доверие на грани жизни и смерти, когда ты знаешь, что другому ничего не стоит оборвать твоё дыхание, зачаровывало. Может быть, поэтому теперь Свеа вовсе не казалась чужой. Напротив, с ней Раймон был дома в большей степени, чем даже в своей спальне в башне Синего Дракона.

Раймон продолжил читать дальше, ощущая, как неумолимо погружается в тайны чужого существования. Кровь, выпитая после физической близости, была полезней, но ещё больше сил давала кровь постоянного партнёра. Чем ближе жертва к вампиру – тем больше тот получал сил, и меньше тратила сама жертва. Но был и другой путь. О нём в книге говорилось мало. Упоминалось там только одно: древние вампиры питались болью и удовольствием, принося смерть своим жертвам.

Раймон встрепенулся, когда внезапно чья-то рука легла ему на плечо.

– Эльф, – услышал он сзади. Раймон вздрогнул и тут же заставил себя выпрямить спину.

– Так меня ещё никто не называл, – сказал он, медленно поворачивая голову и встречаясь со взглядом колдовских зелёных глаз.

За спиной юноши стояли двое мужчин в форме Империи.

– Что читаешь? – один из них обошёл его кругом и заглянул в книгу, а затем усмехнулся. – Хочешь попробовать? – он ткнул пальцем в пошлую картинку, изображавшую тот самый момент подготовки жертвы.

– Не очень, – сказал он, внимательно наблюдая за солдатом. Именно поэтому он упустил из поля зрения второго, который внезапно потянул его за плечи, поднял на ноги и обхватил рукой за талию.

– Откуда тут вообще эльф? – прошептал он в самое ухо Раймону.

– Пусти, – сказал тот спокойно, раздумывая, как лучше дать отпор.

– Совсем не хочешь поговорить? – другой поднялся на ноги и упёрся грудью ему в грудь.

Раймон глубоко вдохнул, собираясь с силами, а затем, перехватив руку, лежавшую у него на животе, перебросил её через плечо – а следом и самого солдата. Сам он при этом отлетел назад, а пострадавший вампир сбил с ног другого, и оба откатились к стене.

Лежавший снизу выругался. Второй вскочил на ноги, сжимая кулаки, и в этот миг от дверей послышался ровный, ласкающий слух голос:

– Что здесь происходит?

– Командор.

– Командор.

Оба солдата моментально оказались на ногах и вытянулись по стойке смирно.

Раймон оглянулся на дверь и, встретив взгляд Свеа, невольно повторил их движение.

– Я спросила: «Что здесь происходит?» – повторила Свеа с нажимом, проходя в центр комнаты.

Раймон опустил голову и сжал кулаки. История повторялась с удивительной точностью. Будто в самом деле единственным выходом для такого, как он, было вечно терпеть и молчать.

– Дарел, Артур?

– Всё в порядке, командор, – произнёс один из солдат, и краем глаза Свеа заметила, что он тоже опускает взгляд.

– Тогда вольно и разойтись по делам.

Коротко отдав честь, оба солдата торопливо поспешили выйти, а Свеа остановилась напротив Раймона, сложив руки на груди.

– Ну.

Раймон молчал.

– Не испытывай моё терпение.

– Вы всё видели... командор.

– Мы вроде договорились, что я пока что Свеа. И ещё мы договорились, что в случае возникновения подобных проблем ты скажешь, что гостишь у меня.

Раймон неуверенно поднял взгляд.

– Мне не пришло в голову, – сказал он честно.

– Плохо. Прежде чем подключать к делу кулаки, полезно пускать в ход мозги и язык.

– С такими нет смысла говорить, – теперь уже Раймон в упор посмотрел на вампиршу, надеясь взглядом передать то, что не хотел говорить вслух.

– С чего ты взял? Ты видишь их в первый раз.

– Таких я много видел. И в Дорлифене, и в Доме Дракона.

– В Дорлифене? – Свеа подняла тонкие брови. – Ты был тут раньше?

– Я тут вырос. Тауфин подобрал меня, когда мне было почти пятьдесят.

– Любопытно. Значит, ты не из сумрачных эльфов?

Раймон покачал головой.

– Кто же тогда твои родители?

– Вы, очевидно, хотите спросить, кто мой отец. Потому что мать была обычной нищенкой и вряд ли интересна кому-то. Но у меня нет ответа.

– И твоя мать тоже... Не знала его?

Раймон пожал плечами.

– Она давно умерла. И тайны свои унесла с собой в могилу.

Свеа вздохнула. Внезапно шагнула к Раймону и, коснувшись ладонью его щеки, мягко прошлась пальцами до самой шеи. Раймон

ощутил неудержимое желание потянуться за ней, продлить прикосновение, но заставил себя оставаться неподвижным.

– Вот оно как, – сказала Свеа тихо. – Это многое объясняет. Многое – но не всё.

Раймон пожал плечами. С трудом заставляя себя разорвать невесомую нить, протянувшуюся от его глаз к глазам Свеа, он отвёл взгляд и уставился за окно.

– Я не хочу об этом говорить.

– Не доверяешь?

– Просто не хочу.

Свеа пожала плечами и, отодвинувшись, присела на краешек стола.

– Ладно. Тогда поговорим о том, о чём не договорили с утра. Ты решил, что намереваешься делать?

Раймон облизнул губы. То, что ещё пару часов назад казалось ему решением всех проблем, теперь звучало глупо даже у него в голове.

– Не тяни, – поторопила Свеа. – Вообще никогда не тяни. Я хочу помочь тебе, но у меня слишком мало времени, чтобы уговаривать.

Раймон закусил губу. Слова Свеа немного задевали, но зато звучали абсолютно честно. Он был здесь никем, и ему нужно было использовать свой шанс, а не сомневаться.

– Обратите меня.

– Что? – Свеа не сразу поверила тому, что слышит.

– Я хочу стать носферату.

Свеа подняла бровь и задумчиво посмотрела на него.

– Я хочу остаться в Империи, – торопливо добавил он. – Я хорошо управляюсь с мечом, и могу быть солдатом. Умею читать, писать, знаю историю. Скажите, кто вам нужен, и я буду им.

Ответить Свеа помешал стук в дверь. Командор скрипнула зубами и процедила:

– Да, Алмонд.

– Письмо от принцессы, госпожа.

Не дожидаясь, пока мальчишка подойдёт, Свеа шагнула к нему и, вырвав из рук записку, прочитала единственную строчку.

– Мне нужно идти, – сказала она, оборачиваясь к Раймону.

– Вы не ответили мне.

– Я тебя услышала. Но думать об этом сейчас не могу.

– Вы вернётесь поздно, как вчера? Я подожду вас.

– Нет! – голос Свеа прозвучал непривычно резко. – Нет, – повторила она тише, заметив, что юноша отпрянул. – Лучше выспись. Я очень надеюсь, что когда вернусь, ты уже будешь спать.

– Но...

– Никаких но. Я дам ответ – завтра.

Раймон со вздохом кивнул, а Свеа вылетела прочь и в самом деле появилась только под утро.

Несмотря на то, что командор отправила его спать, уснуть полуэльфу не удавалось, и он до утра сидел, глядя на струи дождя за окном. А потом Свеа вошла, и теперь уже Раймон ясно видел, что та еле-еле переставляет ноги. Правой рукой она сжимала левый бок, будто её проткнули мечом.

На сей раз Раймон не колебался. Едва заметив неловкую позу, он вскочил и, подхватив вампиршу за пояс, усадил на постель.

– Ты... Чёрт... – Свеа выругалась, когда торопливые пальцы принялись освобождать её от рубашки.

Раймон отшатнулся, когда белая ткань слетела на кровать. Грудь Свеа покрывали тонкие длинные порезы.

Раймон опустил на корточки у коленей вампирши и вопросительно посмотрел ей в глаза.

– Всё хорошо, – сообщила та, по-прежнему сжимая ребро.

– Не похоже.

– Просто надо поесть.

Свеа отчётливо видела, как от страха расширились зрачки полуэльфа. Затем тот решительно отбросил в сторону волосы, едва достигавшие плеча, и изогнул шею в немом приглашении.

Секунду Свеа боролась с собой. Соблазн впиться в загорелую упругую плоть здесь и сейчас был велик, и слабость лишь усугубляла его.

– Если хочешь помочь – найди Алмонда. Он доставит еду. И возвращайся сюда. Посмотришь, кем ты хочешь стать.

Глава 10. Миньоны

«Еда» оказалась ещё одним юношей. На вид он был ещё младше Алмонда, но куда живее. А ещё у «еды» были пушистые рыжие волосы до лопаток, собранные сзади в небрежный хвостик. Лицо у

«еды» было заспанное, щёки чуть опухли, а рот постоянно норовил открыться в широком зевке.

– Клод, это Раймон, Раймон, это Клод, – Свеа сделала паузу и с молчаливым любопытством наблюдала, как отреагирует на появление миньона Раймон.

Полуэльф держался хорошо. Наличие непонятного парнишки на попечении у Свеа его почему-то расстроило, но он решил не подавать виду.

Раймон протянул руку юноше и тот не глядя пожал ладонь полуэльфа.

– Чего так поздно, Свеа? – спросил он, забирая руку и тщательно протирая слипающиеся глаза.

Свеа не ответила, только плотнее стянула на груди полы халата – Раймон и не заметил, откуда взялся этот пуританский предмет одежды на плечах вампирши.

Мальчишка тоже ответа ждать не стал. Подошёл к Свеа, молча опустил на пол и положил руки ей на колени.

Раймон как замороженный наблюдал за его действиями. Детали видеть он не мог – обзор загораживало бедро Свеа, а подойти поближе не решился, опасаясь выдать свой нездоровый интерес. В том, что интерес нездоровый, он был уверен абсолютно точно, потому что его куда больше волновали догадки о том, каково было бы коснуться Свеа таким образом, чем-то, какой смысл эти действия имели для ритуала.

Голова юноши мерно покачивалась. Клод двигался неторопливо, но энергично. Иногда он описывал макушкой небольшое полукружие и, подняв взгляд на Свеа, наблюдал, какова будет реакция вампирши.

Реакции особой не было. Как для мальчика происходящее было обычным делом, не стоившим личных разговоров, так и Свеа лишь мягко поглаживала его по макушке, выражая одобрение, но не задыхалась и не стонала. Вампирша выпустила лишь один свистящий вздох в самом конце. Мальчик тут же отстранился и встал.

Свеа тут же потянула его на себя, усаживая на колени, и принялась расстёгивать высокий белый воротничок.

На секунду Раймон увидел на лице вампирши ту самую гримасу, которая утром показалась ему смешной – но теперь от её вида по спине пробежал холодок. Затем вампирша уткнулась носом в шею миньона, и Раймон не видел уже ничего.

Клод вцепился пальцами в плечи вампирши и через полминуты тихо ойкнул.

Свеа тут же отстранилась, коротко лизнула маленькую ранку и отпустила юношу.

– Погоди, – мальчик тяжело дышал и немного раскачивался.

Свеа не торопила. Мягко придерживая Клода за спину, она спросила явно ритуальную фразу:

– Всё хорошо?

Клод кивнул.

Некоторое время в комнате царила тишина. Потом мальчик отстранился и поднялся на ноги, всё ещё нетвёрдо держа спину.

– Рано вставать, – ответил он на обеспокоенный взгляд Свеа, и та кивнула, убирая руку.

– Я могу проводить, – предложил Раймон неуверенно.

Клод посмотрел на него, будто бы не узнавая, а Свеа кивнула.

– Хорошая мысль. Потом возвращайся, поговорим.

Клод, как оказалось, жил на втором этаже. Комнатка у него была небольшая, но юноше явно хватало. Говорить он не хотел, да, видимо, и не мог. Так что Раймон просто проводил его до двери и вернулся обратно к Свеа.

Та выглядела посвежевшей, хоть и усталой.

– У меня их трое, – сказала она, когда Раймон опустился на кровать рядом с ней. – Двое парней, Клод и Пьер, братья. И Франческа – она чуть постарше, и, наверное, скоро уйдёт.

– Он не выглядел недовольным, – сказал Раймон задумчиво.

– Недовольным? – Свеа подняла брови и усмехнулась. – Половину времени, которое другой мальчишка провёл бы, играя с мечом, Клод и Пьер проводят в постели. Люди очень тяжело переживают потерю крови.

– По-моему, тяжело переживаешь ты, а не он, – Раймон тоже усмехнулся.

– Потому что они не знают другой жизни. Если бы они не пришли ко мне, то их бы убили на улицах.

Раймон помрачнел и отвернулся. Свеа внимательно наблюдала за ним, но полуэльф и сам не мог бы сказать, что чувствует.

– Я тоже жил на улице, – сказал он только, заметив вопросительный взгляд Свеа. – Но я не хочу об этом говорить. Это

было давно и... Чёрт. Я ни с кем не говорил об этом пятьдесят лет. Зачем вспомнил теперь?

Свеа усмехнулась.

– А мне нравится, что ты так легко говоришь о прошлом. Жаль только, что тут же норовишь спрятаться в кусты.

– Просто, – Раймон прикусил губу, но, заметив укоризненный взгляд Свеа, продолжил, – вряд ли тебе всё это интересно. Даже Ингрид не сильно-то интересовалась тем, как было в трущобах.

Взгляд Свеа потяжелел.

– Не сравнивай, – сказала она спокойно и отвернулась.

Какое-то время оба молчали, и Раймон успел пожалеть о том, что ляпнул.

– Я читал сегодня о ритуале передачи силы, – сказал он, пытаясь сменить тему. – В той книге было написано, что есть два пути...

– Вот это мне точно неинтересно, – обрезала Свеа, резко поворачиваясь лицом к полуэльфу.

– Я... – Раймон запнулся. – Я просто хотел спросить... Там написано, что важны эмоции. Поэтому ты заботишься о своих мальчиках?

Свеа с трудом скрыла облегчённый вздох.

– Не только. Но в основном – да. От такой связи куда больше пользы, чем от случайных партнёров. И если бы... Если бы не особенности моей службы, я могла бы есть куда реже других.

Она снова отвернулась.

– Это борьба, которую ведёт каждый вампир. Наша натура просит больше крови, больше смерти, больше боли. Каждый выбирает свой путь – но их куда больше, чем два. Тот, который ты упомянул, запрещён. Это насилие, а насилие над тем, кто тебе не принадлежит, в Империи карается по закону. Но и пути удовольствия сильно разнятся между собой. Это выбор каждого. Одного миньона очень мало, чтобы поддерживать силы. Если только связь такого миньона и сира не станет крепче стали. Но многие из тех, кто предлагает себя вампиру, ждут, что станут единственными. Найти тех, кто не требовал бы больше, чем мы можем дать – довольно трудно. А ведь и сами мы имеем пристрастия и вкусы. Отсюда необходимость тренировать выдержку. Многие считают это глупостью, но... – Свеа усмехнулась и снова посмотрела на

Раймона, – именно эта глупость спасла меня и моих людей, когда мы попали в плен к твоей семье.

– Да... – Раймон едва заметно улыбнулся. – Я думал об этом вчера. Ведь ты ни разу не заставила, хотя даже ваши книги пишут, что это необходимо.

– Это не необходимо. Просто кровь неподготовленного – это как суп на воде. Но я пока не настолько пала, чтобы заставлять ублажать меня того, кто этого не хочет.

Раймон чуть заметно покраснел.

– Я задаю слишком много вопросов? – спросил он.

– Нет. Напротив. Я думаю, тебе лучше знать всё это прежде, чем ты сделаешь глупость. А теперь расскажи, с чего вдруг ты решил стать вампиром?

Раймон встал и прошёлся по комнате.

– Не то чтобы я очень этого хотел... Просто знаешь, быть полуэльфом не самая лучшая судьба.

Раймон покосился на Свеа и увидел, что та кивнула.

– Наверное, так. Но я вовсе не уверена, что быть вампиром лучше.

– Ну... – Раймон остановился, опершись о прикроватную тумбочку, – не то чтобы я очень хотел впутываться во все эти кровавые ритуалы. Но как ты думаешь, куда я могу податься таким, каков я сейчас?

Свеа пожала плечами.

– Ты можешь стать миньоном.

Раймон криво усмехнулся, и в глазах его Свеа увидела неожиданно злые искры.

– Отлизывать за хлеб? Простите, командор. Вы мне нравитесь, но не настолько.

– Я не говорила, что ты должен стать моим миньоном, – торопливо поправилась Свеа, хотя имела в виду именно это.

– Сомневаюсь, что мне захочется делать это для кого-то ещё.

Пару секунд Свеа вглядывалась в глаза Раймона, а затем отвела взгляд.

– Что ж... хорошо. Миньоном ты быть не хочешь. Но ведь у тебя должен быть отец. Что, если ты нужен ему?

Раймон коротко мотнул головой.

– У меня был отец. Он любил меня. Другой мне не нужен.

Свеа задумалась. Когда парнишка пришёл к ней, она и в самом деле надеялась оставить его при себе. Но вводить Раймона в семью было плохой идеей – прежде всего это не обернулось бы ничем хорошим для самого полуэльфа.

– Я не могу ничего обещать, – сказала она медленно. – Но отговаривать тебя не стану. И думаю, будет лучше, если я сама прослежу за твоим обращением.

– Проследишь? – Раймон вскинулся, и взгляд его наполнило недоумение. – Разве ты не можешь обратить меня сама?

Свеа всё так же задумчиво покачала головой.

– Это не лучший вариант. Но я не отказываю. И всё же у меня есть два условия.

– Я слушаю, – Раймон кивнул.

– Во-первых, обращение проведём через неделю. За это время ты прочтёшь всё, что я покажу тебе, и уже сам ответишь на мои вопросы о жизни вампира.

– Экзамен? – Раймон невольно улыбнулся. Он успел соскучиться по такой, казалось бы, скучной части своей жизни, как учёба.

– Именно так.

– Второе условие?

– Второе ты узнаешь в день экзамена. Раньше, полагаю, нету смысла об этом говорить.

Раймон нахмурился.

– Хорошо. Мне не очень нравится что-то делать вслепую... Но я благодарен тебе. Очень.

Свеа усмехнулась. Поднявшись, она подошла к Раймону и положила руку ему на плечо.

– Я не причиню тебе вреда. Мне это просто неинтересно. А теперь прости, мне нужно ехать. Эти твои эльфы здорово прибавили мне работёнки.

Впервые за прошедшие месяцы Свеа была рада, вернувшись домой, увидеть Данага.

Древний сидел, по-хозяйски вытянув ноги к камину, и потягивал из высокого кубка глинтвейн. Горячее вино разливало по комнате запах гвоздики, и Свеа невольно захотелось присоединиться к торжеству.

– Тут целый графин, – сообщил Данаг, будто угадав её мысли.

Свеа кивнула и, упав в кресло напротив, принялась наполнять второй бокал.

– У тебя новый мальчик? – спросил Данаг без всякого любопытства.

– В каком-то смысле, – так же рассеянно ответила Свеа.

Откинувшись на спинку стула, она сделала большой глоток и зажмурилась, наслаждаясь тем, как бежит по жилам жар.

– Данаг, скажи... Всегда будет так холодно?

Данаг усмехнулся и бросил на Свеа косой взгляд.

– Дальше будет холодней. После пятиста такое чувство, что зима не кончается никогда. А ты что-то рано расклеилась.

Свеа покачала головой.

– Устала. От Ламии. От Империи. От тебя.

В глазах Данага проскользнуло любопытство.

– Видимо, и правда устала... раз заговорила так откровенно.

Свеа пожала плечами и снова закрыла глаза.

– Я тоже устал, – сказал Данаг, и слова его прозвучали так неожиданно, что Свеа вздрогнула и открыла глаза, вглядываясь в собеседника. Древний откинулся назад и, не мигая, смотрел в огонь. – От Ламии... От Империи... И от себя... – он помотал головой. – Это всё Ивон виновата! Когда она рядом, со мной такого не случается.

– Кстати, а где она? С самого начала удивляюсь, что ты один.

– Ну... Мне надо было уехать. А ей нет, – Данаг искоса сверкнул глазами на Свеа. – Ты же сама всё поняла. Зачем задаёшь вопросы, которые не пойдут на пользу ни тебе, ни мне?

– И правда, – Свеа тоже посмотрела в огонь. Лезть в чужие интриги она не собиралась. – Знаешь, почему рядом с Ивон ты не думаешь всякую хрень?

Данаг посмотрел на собеседницу с лёгким удивлением.

– Она не даёт тебе думать. Хорошо, когда голова занята чем-то другим. А когда ты один, тебя вечно несёт на рассуждения о добре и зле, о прошлом и будущем, о жизни и смерти. Ты – вампир, Данаг. Ты питаешься терпением других людей.

Данаг хохотнул.

– Очень может быть. Может, ты ещё и знаешь, как с этим справиться?

– Конечно, знаю, – Свеа потянулась к маленькому ящичку в столе и, отщёлкнув замок, извлекла оттуда небольшую прямоугольную коробочку.

– Чёрт... И правда, – глаза Данага блеснули. – На что играем?

– Начнем с малого? Чтобы растянуть удовольствие.

Данаг кивнул, и Свеа извлекла из коробочки колоду карт. Отложив футляр в сторону, принялась тасовать.

– Ставка первая... – Свеа сняла с пальца массивный золотой перстень и подбросила его в воздух.

Данаг поймал безделушку, и, прищурив один глаз, принялся внимательно разглядывать.

– Не магический?

– Нет. Но ему больше пятисот лет.

Данаг фыркнул.

– Меня этим не удивишь.

Он тоже снял с пальца один из перстней и опустил на стол уже два украшения.

– Сдавай.

Когда горка безделушек на столе порядочно выросла, и они несколько раз сменили владельца, Свеа вытащила десятку к фулхаусу королей и решила, что пора переходить к главному.

– Поднимаем ставки? – спросила она.

– У тебя ещё что-то осталось?

– На желание, – Свеа усмехнулась.

Данаг колебался.

– На желание я играю только с одним человеком.

– Не бойся, в этом смысле ты меня не интересуешь.

– Это меня и смущает.

Данаг уставился на свои карты.

Свеа закусил губу. Вечер подходил к концу, и игру пора было заканчивать, а она всё ещё не получила того, ради чего затеяла партию.

– Ты же хочешь, чтобы я прекратила войну?

Данаг вздохнул. Он явно не был уверен, что перемирие стоит kota в мешке.

– Ладно, – сдался он, – открываемся.

Свеа первой опустила карты на стол, и Данаг, выругавшись, бросил свои рубашкой вверх.

– Поверить не могу.

– Честное слово, наместник, не советую тебе играть с кем-то в Гленаргосте. Ты всегда остаёшься с носом, – несмотря на попытки сохранить серьёзность, Свеа едва сдерживала усмешку.

– Может, ещё разок?

Свеа покачала головой.

– Нет. Желание за тобой.

Данаг помрачнел.

– И чего ты хочешь?

– Стакан твоей крови.

Данаг замер, ощутило напрягаясь.

– Демоны, Данаг, я не собираюсь заниматься чёрной магией.

– Для чего же ещё тебе может понадобиться кровь?

– Какая тебе разница? Ты проиграл. Ты дал слово.

Данаг нахмурился.

Свеа неторопливо выбрала из горки украшений свои перстни и надела их обратно на пальцы, давая Древнему время смириться.

– Клянусь, что не использую кровь тебе во вред, – сказала она, видя, что Данаг всё ещё колеблется.

– Ладно, – Данаг потянулся к кинжалу.

– Постой... – Свеа остановила его руку. – Не сейчас. Мне нужна будет свежая. В воскресенье. Только не передумай, Данаг, – торопливо добавила она.

Разговор прервал стук в дверь.

– Да, – Свеа с трудом заставила себя сохранять спокойствие, потому что, даже не видя стучавшего, знала, кто и зачем пришёл.

– Письмо от принцессы, – Алмонд вошёл и сразу же протянул Свеа записку. Читать ее командор не стала. Молча поднявшись, она собралась было выйти, но Данаг её остановил.

– Ты же не отдашь мою кровь Ламии? – спросил он, и пальцы, удерживавшие запястье Свеа, были ледяными, как сталь.

– Нет, – Свеа коротко мотнула головой и тряхнула рукой, вырывая запястье. – У меня хватает проблем без этого.

Всю дорогу к виверне Свеа проделала медленно, стараясь отстрочить неизбежное. До резиденции Ламии было полчаса лёту, но вернулась Свеа снова под утро.

Остановилась у дверей спальни, пытаясь привести себя в порядок. Обожженная кожа саднила тут и там, и она знала, что надо бы позвать Клода, но не хотела давать себе поблажек.

Свеа вошла в комнату и тут же рухнула в подставленные руки полуэльфа. До этого момента она и сама не знала, с каким трудом держится на ногах.

Раймон почти донёс её до кровати и принялся осторожно стягивать сапоги. Ноги Свеа были так же измучены, как и всё тело, и она не смогла сдержать стона, когда Раймон неловким движением задел ссадины, окружившие щиколотку.

Глаза вампирши и полуэльфа встретились, и Раймон выглядел испуганным. Свеа чертыхнулась. Вампирше совсем не хотелось его пугать. Она ждала, что прозвучит вопрос, на который у неё нет ответа, но Раймон промолчал. Только помог ей освободиться от камзола.

– Позвать Клода? – спросил он.

Свеа стиснула зубы и покачала головой.

– Тогда я сам.

– Нет! – Свеа торопливо отвернулась, чтобы не видеть обнажённое горло.

– Не могу так, – Раймон покачал головой.

– Тогда не смотри, – Свеа и сама всё ещё глядела в сторону.

– И что, от этого тебе станет легче?

– Да!

Раймон покачал головой.

– Я позову Клода, – повторил он упрямо. – Лежи смирно.

Уже добравшись до двери, Раймон остановился. Вернулся, достал из шкафа халат и положил его рядом с вытянувшимся по струнке телом Свеа, а затем вышел.

Свеа лежала и смотрела в темноту. Каким бы постыдным не казалось ей предстать перед чужаком в таком виде, она не могла не признаться самой себе, что так гораздо лучше, чем засыпать одной в тёмной комнате с мыслью о том, что всё повторится – завтра или через неделю. Тогда, когда Госпожа выберет её.

Сделав над собой усилие, Свеа приподнялась, сняла и отбросила в сторону окровавленную рубашку, а вместо неё накинула на плечи мягкий чёрный халат. Даже его пушистая ткань отзывалась болью по всему телу.

Раймон вернулся через несколько минут запыхавшийся, будто бежал бегом. Клода с ним не было – вместо него рядом стоял Пьер.

Мальчик торопливо забрался на кровать и принялся за дело.

Удовольствия не было. Только усталость. Свеа заподозрила, что дело может затянуться надолго, и подняла глаза на Раймона, чтобы объяснить, что не стоило звать никого, но тут же замерла. Лицо полуэльфа наполняло искреннее беспокойство, но с каждым мгновением щёки его розовели, а дыхание учащалось. Раймон облизнул губы, от чего они едва заметно заблестели, и Свеа резким движением прижала затылок Пьера вплотную к себе. Пьер закашлялся и обиженно посмотрел на госпожу, но не остановился и отодвинулся только когда Свеа за плечи потянула его наверх.

Свеа пила быстро и недолго, а затем резко отпустила мальчика и зализала рану.

– Вам лучше? – спросил Пьер. Свеа рассмеялась, услышав и в его голосе беспокойство.

– Спасибо, милый. Иди.

– Я провожу, – Раймон почти оттащил юношу от вампирши, но Свеа поймала его руку.

– Не надо.

Натолкнувшись на просящий взгляд, Раймон удивился, но кивнул.

– Не заблужусь, – буркнул Пьер и торопливо скрылся в коридоре.

Раймон не успел и шевельнуться.

– Что ты ему сказал? – спросила Свеа, крепче сжимая запястье полуэльфа.

– Что ты ранена. Разве это не так?

Свеа вздохнула с облегчением и невольно рассмеялась.

– Хорошо. Спасибо.

– Не за что. Я могу ещё чем-то помочь?

Свеа колебалась несколько секунд.

– Ляг со мной, – попросила она, приняв, наконец, решение. – Хочу почувствовать твоё тепло.

Глаза Раймона расширились. Взгляд упал на израненную грудь, которая совсем недавно выглядела такой соблазнительной.

– Я могу вернуть Пьера, – сказал он неуверенно.

– Ты брезгуешь? – спросила Свеа.

Раймон дёрнулся и встретился с испытующим взглядом.

– Я...

Не говоря ни слова, он встал, сбросил одежду и опустился на кровать рядом со Свеа. Свеа притянула к себе руку полуэльфа, заставляя опустить её на обожжённый живот.

Сначала Раймону было неловко. Затем он вспомнил, что Свеа уже касалась его, когда сам он был слаб и едва мог стоять. Свеа не боялась и не думала о том, что рядом чужой.

Раймон бережно, стараясь не задевать покрасневшие места, притянул к себе вампиршу, а затем, повинувшись внезапному наитию, поцеловал холодный висок.

– Спи, – сказал он тихо. Опустил голову на плечо покровительницы и сам стал засыпать.

Глава 11. Обучение

Проснувшись, Раймон инстинктивно провёл ладонью по животу. Вчерашняя ночь вспомнилась не сразу, потому он успел исследовать мягкое тело вампирши раньше, чем смутился. Раны затянулись, и кожа Свеа была теперь бархатистой и чуть сухой. А потом ладонь её легла поверх его запястья.

Раймон открыл глаза и встретился с немигающим взглядом Свеа.

– Не бойся, – сказала та. – Мне приятно, а тебе?

Раймон облизнул губы. Он и хотел бы убрать руку, но она внезапно стала невозможно тяжёлой.

– Ты почти не знаешь меня, – сказал полуэльф, вглядываясь в глаза Свеа.

– У меня впереди вечность.

Раймон отвёл взгляд, но теперь обнаружил, что смотрит прямо на маленькую, неожиданно мягкую грудь. Обнажённая Свеа всё ещё оставалась хищным зверем, но вот так, лёжа рядом с ней, Раймон внезапно заметил, что тело вампирши ещё и изящно.

Раймон покачал головой.

– Я не верю, что то, что даётся легко, может быть надолго.

Свеа пожалала плечами и убрала его руку. Когда она поднялась с кровати, то внезапно оказалась невероятно далёкой. Свеа прогнулась как кошка, тряхнула волосами, заставляя их упасть на плечи объёмной волной, и помассировала шею.

– Когда уже это кончится... – пробормотала она и только потом снова посмотрела на Раймона. Теперь голос её был совсем другим. –

До конца недели я собираюсь произвести подсчёт потерь. Нужно подготовить базы для зимовки и обеспечить солдат всем необходимым. Думаю, возвращаться в Дорлифен у меня не будет времени. Так что сейчас я уйду, и снова мы увидимся только в день твоего экзамена. Помни, если не подготовишься – обращения не будет.

Раймон серьёзно кивнул. Он не испытывал особого энтузиазма, но решение было принято – оставалось его исполнить.

Свеа уехала сразу после завтрака, и Раймон остался бродить по дому в одиночестве. Как и приказала командор, большую часть времени он проводил в библиотеке. Однако, чем дольше он сидел, согнувшись над толстыми фолиантами, тем чаще его тянуло поднять глаза и попытаться разглядеть там, в туманной дымке горизонта, силуэт башни Синего Дракона.

Была ещё Ингрид там? Теперь, когда Свеа не было рядом, мысли о сестре не покидали Раймона. Ингрид изменилась, и Раймон никак не мог понять сути этой перемены. Та, кто была для полуэльфа светом в окне все прошедшие годы, внезапно стала лишь тусклым блуждающим огоньком. Ингрид отказалась от него, но это не могло быть её желанием. Она боялась, но стоило ли судить её за это?

Усилием воли Раймон заставил себя сосредоточиться на книгах, но вскоре мысли возвращались, и он снова замечал, что сидит неподвижно, уставившись в окно.

На третий день в библиотеку заглянул один из тех солдат, с которым Раймон повздорил перед отъездом Свеа. Он долго стоял в стороне, что-то выглядывая на книжных полках, а затем подошёл к полуэльфу и протянул руку:

– Дарел.

Раймон мрачно уставился на предложенную ладонь. Она была сухой и неухоженной, но Дарел держал её открыто и терпеливо ждал, когда Раймон примет решение.

– Раймон, – сказал наконец полуэльф и вложил свою ладонь в протянутую руку. Рукопожатие у Дарела было крепким и неторопливым.

– Снова читаешь про вампиров? – спросил солдат.

Раймон замешкался, прежде чем ответить:

– Да.

– Зачем? Хочешь стать одним из нас?

И снова Раймон ответил не сразу. Он отлично помнил, как прошла его последняя встреча с Дарелом, но теперь вампир вёл себя вполне прилично, и Раймон всё же ответил:

– Да.

Вампир хмыкнул и, перевернув стул, стоявший по другую сторону стола, уселся на него верхом.

– А что потом?

Раймон растерянно пожал плечами.

– Потом... в Гленаргост.

Дарел усмехнулся.

– Думаешь, там мало таких, как ты?

Раймон побледнел и сжал кулак. Жест его не остался незамеченным.

– Не думай, что я до тебя докапываюсь, – Дарел пожал плечами. – Просто хотел поболтать. Ты сидишь тут целыми днями, с нашего поста отлично видно, что ты даже есть не выходишь. Вот мне и стало любопытно, что ты за птица.

– В прошлый раз не выяснил? – Раймон вскинул голову, внимательно вглядываясь в зелёные глаза солдата.

– Не-а, – тот пожал плечами как ни в чём не бывало, – один удачный бросок – ещё не победа.

Раймон усмехнулся. Неожиданно азартное настроение Дарела передалось и ему.

– Что же, по-твоему, победа?

– Ну, скажем, один на один два из трёх.

Раймон хотел ответить, но взгляд его упёрся в книгу, и он вздохнул.

– Да что там такого интересного? – Дарел выхватил книгу у него из-под носа и вгляделся в заголовок. – О крови и её свойствах. – Дарел приподнял бровь и посмотрел на Раймона. – Как по мне, лучше один раз попробовать, чем сто раз прочитать.

– Свеа сказала выучить.

– А... – при упоминании командора Дарел тут же подобрался и вернул книгу на место. – Ну... не будешь же ты сидеть здесь круглые сутки? Может, вечером?

Раймон медленно кивнул.

– Да. Может быть.

– Отлично, выходи во двор, наши будут расчищать завал в конюшне.

Раймон кивнул и отвернулся, теперь уже насовсем. Дарел пошатался ещё немного по библиотеке и исчез.

Вечером Раймон убрал книги в шкафы и задумался. Идти в одиночку было опрометчиво. Солдаты работали обычно впятером, и одному против них делать было нечего. И всё же Раймон решил, что отсиживаться в спальне Свеа как мышь нельзя.

Когда же он всё же вышел во двор, солдаты заметили его не сразу. Дарел был занят, перетаскивая какой-то булыжник, и первым обернулся совсем другой, незнакомый брюнет.

– Эй! – взяв тряпку в руки, вампир стал оттирать пальцы. – Ребята, новый мальчик командора тут.

Раймон приготовился к драке, уже не думая о том, что противников слишком много.

– Уймись, Лен.

Один из солдат оторвался от своего занятия и, отобрав у Лена тряпку, тоже вытер руки, а затем протянул одну ладонь Раймону:

– Я – Рэй. Этот дол.... Благородный воин – Лен. Дарела ты вроде знаешь, а тех двоих зовут Ансер и Олаф.

Раймон торопливо пожал предложенную руку.

– Ты не похож на тех, кого обычно выбирает командор, – продолжил Рэй и замолчал, будто ожидал, когда Раймон что-то ответит.

Раймон выждал какое-то время и пожал плечами.

– Если ты про Клода и Пьера, то я и правда на них не похож.

– Тогда зачем ты ей?

Вопрос поставил Раймона в тупик, но ответ не потребовался.

– Эй, – услышал он голос Дарела и обернулся на звук. – Что вы там шепчетесь? Это я его пригласил.

– Мальчик Дарела? – тут же съязвил Лен и получил тычок под рёбра.

– Заткнись, – попросил Дарел, подходя и тоже протягивая руку. – Ну что, посмотрим, кто чего стоит?

Раймон кивнул. Вампир выглядел немного уставшим и попросил время отдышаться. Раймон как раз успел снять рубашку и отложить её на обломок какой-то изгороди.

– Ну что, поехали?

Они провели три раунда. Потом ещё три. А потом откуда-то взялась бутылка браги и тут же пошла по рукам. Противников стало двое. Двор поплыл перед глазами.

Проснулся Раймон на кровати Свеа с ощущением, будто в затылке работает бригада строителей. Как он сюда попал, Раймон не помнил в упор. В доме Дракона спиртное было редкостью, а если и пили, то столовое вино на торжествах. В Дорлифене же у него с трудом хватало денег на еду, и о том, чтобы попробовать брагу, полуэльф и не мечтал.

Теперь Раймон твёрдо был уверен в том, что был прав – лучше бы он не пробовал этот напиток никогда. Не помог даже кофе, который подавали за завтраком приближённым Свеа – каждое утро Раймон завтракал вместе с Клодом, Пьером и Франческой. Сегодня Клод и Пьер почему-то смотрели на него с невыносимым сочувствием, а Франческа – с отвращением. Как узнал Раймон потом, девушка боялась пьяных и имела на то все причины.

– Тебе бы не кофе надо, – выдвинул Клод неожиданно мудрое соображение.

– Нет? – голос неприятно сипел, и Раймон прокашлялся. – А что тогда?

– Сходи на кухню... Попроси, ну... рассола, что ли...

Доев завтрак, Раймон уныло поплелся выпрашивать у кухарки лекарство. Чудодейственное средство слегка прояснило голову, но тупая боль осталась на месте.

Сосредоточиться на чтении оказалось особенно трудно, а Дарел, стоявший на посту за окном половину дня, почему-то не переставал криво ухмыляться, заведя лицо Раймона.

Наконец, наступил субботний вечер, и Свеа вернулась. Она выглядела уставшей, но, по крайней мере, твёрдо стояла на ногах. Завидев её, Раймон испытал неожиданное смущение. Ему казалось, что с отъезда командора прошла целая вечность, и теперь Свеа снова была чужой.

Несмотря на усталость, она сама зашла в библиотеку, чтобы поздороваться с юношей.

Раймон тут же вскочил, вытягиваясь по стойке смирно.

– Привет, – Свеа присела на краешек стола. – Как успехи?

– Всё отлично, – Раймон заставил себя расслабиться. – А у тебя?

Свеа кивнула.

– Осталось составить отчёты. И не думаю, что буду зимовать здесь. Если что-нибудь случится, я всегда успею прилететь.

Раймон заметно погрузтел, и Свеа пришлось спросить:

– Что?

– А что будет со мной?

Свеа фыркнула.

– Это мы узнаем завтра.

Повернувшись, она пошла к выходу, а когда Раймон закончил перелистывать последние страницы и тоже пришёл в спальню, уже лежала в постели под пуховым одеялом.

Раймон принялся раздеваться. Тюфяк всё ещё казался ему жёстким, но он прекрасно понимал, что, предлагая такую постель, Свеа не пыталась его унижить, как Белл когда-то. Просто в доме в самом деле осталось мало целых вещей.

Он уже уселся на своё колючее ложе, когда случайно встретился взглядом с глазами Свеа. Взгляд вампириши ощущался кожей – будто прикосновение горячих сухих пальцев.

Раймон сглотнул.

– Может, ко мне?

Раймон понял, что хочет согласиться больше всего на свете, но ложиться в одну постель с чужой женщиной всё ещё казалось странным.

Свеа ждала.

Раймон вспомнил, как приятно было касаться бархатистой кожи.

Он молча встал и сел рядом с вампиршей. Та тут же притянула его к себе, обнимая обеими руками и заставляя обнимать себя. Свеа была холодной, и её мучительно хотелось согреть, так что Раймон тут же принялся растирать плечи и спину вампирши. Возможность прикоснуться к столь совершенному существу странно манила и отдавалась жаром в паху. Раймон испугался, что Свеа заметит его нездоровое возбуждение, и хотел уже отстраниться, но, увидев лицо вампирши, понял, что та давно уже спит.

Глава 12. Законы крови

– Чья кровь наиболее питательна для вампира?

Раймон замешкался, отвечая на вопрос. Именно на этой теме его прервал Дарел, и её он знал с пятого на десятое.

Они со Свеа сидели в кабинете, где та обычно встречалась с Данагом, только кресла теперь были переставлены так, чтобы говорившие смотрели прямо друг на друга.

– Я думаю, ответ не один, – сказал он, наконец.

Свеа подняла брови, требуя пояснений.

– На самом деле, в разных источниках есть разные выводы на этот счёт. Одни говорят, что слаще других кровь сира. Другие – о том, что волшебными свойствами обладает кровь дитя. Кто-то заявляет, что ему особенно понравилась кровь эльфов или драконов... Но я думаю, это всё ерунда.

– Поясни, – Свеа не шевельнулся. Она ждал от Раймона прямого и чёткого ответа, который был во всех книгах – кровь сира исцеляла любые раны лучше других. Но то, что говорил Раймон, было интересно.

– Я думаю, что правда кроется в той книге, которую я прочитал самой первой. Кровь тем слаще, чем большее место занимает жертва в твоей душе.

Свеа вздрогнула.

– Это страшная мысль.

– Но это так. Это сводит все объяснения воедино. Сир или дитя, эльф или дракон... Всё дело в том, какое место жертва занимает в сердце вампира. Кровь случайного любовника даёт больше, чем просто кровь, но по-настоящему волшебными свойствами обладает кровь того, кого ты любишь, или кто любит тебя.

– Или того, кто тебя ненавидит, – перебила его Свеа.

Раймон замолк, размышляя.

– Если вспомнить, что есть два пути – боли и удовольствия – то, наверное, да. Наверное, всё дело в силе связи.

– Но тогда зачем... каждую ночь... – пробормотала она и тут же мотнула головой, отгоняя несвоевременные мысли, но Раймон успел услышать.

– Свеа... – он одним движением переместился на подлокотник кресла вампирши и опустил руки ей на плечи. Свеа вздрогнула, но не отстранилась. – Ты ненавидишь её?

Свеа крепче стиснула пальцы на подлокотниках и долго молчала.

– Да, – сказала она наконец. – Что ещё я могу испытывать по отношению к существу, которое берёт всё, что я могу предложить,

ничего не давая взамен?

Раймон вздрогнул. В сердце кольнуло при этих словах, и почему-то в голову пришла вовсе не Ламия, а белокурая Ингрид. Ингрид ничего не обещала. Она с самого начала дала понять, что Раймон принадлежит ей. И всё же...

– Любовь? – сказал он вслух. – Разве любовь – это не когда отдаёшь себя без остатка, не требуя награды?

Свеа чуть повернула голову, вглядываясь в его лицо.

– Ты сейчас о себе или обо мне?

Раймон усмехнулся одним краешком губ.

– Я вообще.

– Если вообще – то нет. Нет смысла любить того, кто не способен дать тебе что-то взамен.

Раймон нахмурился.

– Если думать так, то есть множество людей, которые и вовсе не заслуживают любви. Например, я.

Свеа мотнула головой и поймала ладонью щёку Раймона.

– И да, и нет. Я говорю не о деньгах или статусе. Зачастую у людей есть то, что не принадлежит им, потому что не они создали это, и не они заслужили. Удача, которая сваливается на голову тому, кто её недостоин. Такие люди не способны приумножать то, что им досталось. Они только разрушают и используют. Нет смысла любить их. Они не сумеют распорядиться чужим сердцем, потому что не заслужили эту любовь. Но есть такие, как ты. У кого ничего нет, кроме внутренней силы. Кроме чести, кроме ума или доброты. Те, чьё богатство – внутри, и кто однажды сможет приумножить его. Их сила светится в их глазах. И таким людям не жалко отдать свою душу, потому что однажды они отплатят тебе с лихвой.

Раймон нахмурился ещё сильнее.

– И всё равно, ты считаешь, что любовь заслуживает награды. Я не согласен. Когда любишь, о награде не думаешь. Хочешь лишь, чтобы ей... или ему... было хорошо.

Свеа едва заметно улыбнулась и покачала головой.

– Это ведёт в тупик, Раймон. Глупо дарить себя тем, кто никогда этого не оценит. Но этому, наверное, бесполезно учить. А с Ламией меня никогда и ничего не связывало. Я просто крепко влипла. Хотела закончить свои исследования во что бы то ни стало – но моё тело

решило по-другому. У меня была болезнь... – Свеа инстинктивно коснулась рукой лба, – головные боли. Они становились всё сильнее, и работать я уже не могла. А потом мне сказали, что я скоро умру. У меня было очень мало времени на выбор сира. Я обратилась к Ламии, потому что она дала довольно много материала для моих исследований. В общем, я знала её всё же лучше, чем других вампиров. Когда я поняла, что ошиблась, было уже поздно. Какое-то время она не трогала меня, а затем ей понадобился кто-то для этой чёртовой войны. Я многое знала о Сумеречном Народе, и она решила, что я справлюсь, – Свеа отвернулась. – Может, если бы на моём месте был кто-то, кто больше знает о войне, а не об эльфах, всё не затянулось бы на столько лет. Теперь Ламия недовольна моими поражениями. А может, у неё есть на это и другие причины. Как ты верно понял, ей нужно питаться. Питаться как другие вампиры она не может, потому пользуется старым добрым методом. Болью. Но почему именно я? Странно, что до сих пор она не нашла того, кто стал бы её постоянным миньоном и согласился на все её условия. Может, ей это и не нужно? Не знаю.

– Она зовёт тебя каждую ночь? И эту неделю тоже?

Свеа покачала головой.

– Обычно куда реже. Думаю, она недовольна моим поражением, – Свеа подняла на Раймона усталый взгляд. – Но я не хочу об этом говорить, Раймон. Мне жаль, что ты увидел меня такой. Это не помешает мне выполнить свои обещания.

Во взгляде Раймона появилось недоумение.

– Свеа... Я не об этом беспокоюсь.

Свеа улыбнулась одним уголком рта.

– Давай всё же не будем об этом, – она прокашлялась. – Экзамен ты сдал. Скажи, после всего сказанного, ты не передумал?

Раймон медленно покачал головой.

– У меня ведь нет выбора, – сказал он. – И идти мне больше некуда.

– Хорошо, – Свеа вздохнула и извлекла из нагрудного кармана флакончик с алой жидкостью.

Раймон попытался взять её в руки, но пальцы неожиданно будто бы онемели.

– Тише, – Свеа придержала его руку и помогла открыть флакончик. Затем, всё ещё крепко сжимая пальцы юноши, поднесла флакончик к губам Раймона. В ноздри полуэльфа ударил незнакомый неаппетитный запах.

– Ты привыкнешь, – сказала Свеа, заметив выражение его лица. – Вкус крови – последнее, чего ты должен бояться.

– Чья она? – спросил Раймон, всё ещё не решаясь сделать глоток.

– Недавно ты и не думал об этом спрашивать.

– Да... И всё же? Ведь она не твоя.

– Она не моя. Думаю, ты догадался, почему. Но тот, кому она принадлежит, никогда ничего не потребует от тебя. В этом я тебе ручаюсь.

Раймон сглотнул.

– А второе условие?

– Да... Раймон, выпей, я устала держать.

– Я уже в порядке, – Раймон отодвинул свободной рукой пальцы Свеа и, крепко сжимая флакон двумя руками, пересел в кресло напротив, чтобы видеть лицо Свеа.

– Условие... Просто. Ты знаешь, что сир обязан обучить тебя, прежде чем ты уйдёшь. Я хочу, чтобы вместо этого ты остался со мной.

Раймон вздрогнул и внимательно всмотрелся в глаза вампирши. Он не мог понять, что чувствует. С одной стороны, остаться рядом со Свеа хотелось больше всего на свете, с другой стороны... ведь он делал это ради Ингрид. Никому другому он свою жизнь отдавать не собирался.

– Надолго? – спросил он.

– До тех пор, пока я не отпущу тебя.

– Слишком много, Свеа... Я благодарен тебе, но это слишком много.

Свеа вздохнула.

– Таково моё условие.

Раймон в последний раз посмотрел на пробирку. Выхода он не видел. Задержав дыхание, он залпом осушил сосуд и тут же закашлялся. Через секунду Свеа оказалась рядом с бокалом вина.

– Держи.

Раймон торопливо прополоскал рот.

- Отвратительно... и это всё?
- Можешь потанцевать голым под луной. Некоторые говорят, это помогает расслабиться.
- Иди ты, – Раймон не сдержал смешка и тут же стушевался. – Ты ведь... имела в виду, что станешь моим реальным сиром?
- Я надеялась на это.
- Тогда я должен относиться к тебе, как к главе дома? Беспрекословно подчиняться, называть госпожой...
- Что?.. – Свеа приподняла брови. – Ну... Можем что-нибудь придумать. Например, будешь ублажать меня по утрам...
- Свеа!
- Прости, – Свеа склонила голову на бок. – Просто замечталась.
- Если серьёзно? Что я должен делать?
- Свеа пожала плечами.
- Просто оставайся рядом и не влипай в неприятности.
- Я надеялся, что смогу делать это и без твоих условий.
- Надо было попросить больше, да?
- Свеа, перестань, ты меня не успокаиваешь. Я хотел тебя спросить... Мог бы я поступить на службу?
- Свеа стала серьёзной.
- Мог бы. Но я хотела бы, чтобы это был мой полк.
- Раймон быстро улыбнулся.
- Я был бы счастлив.
- Скажи прямо, Раймон, для чего тебе всё это? Ты хочешь сделать карьеру в Империи?
- Раймон медленно кивнул.
- Тогда служба мало что тебе даст, хотя и она пригодится. Но я сделаю, что смогу, чтобы тебе помочь.

Глава 13. Дыхание

Оформление и размещение Раймона Свеа препоручила Алмонду. Уже на следующий день его вписали в график дежурств и выделили спальное место в «казармах» – полк Раймона был расквартирован в бывшем городском амбаре, опустевшем после долгой войны. Тогда Раймон узнал, что служить ему предстоит вместе с Дарелом и Леном. По этому поводу он испытывал противоречивые чувства. Дарел ему нравился. Как, впрочем, и большинство однополчан. В Лене же,

откровенно высокомерном и всегда державшимся отдельно от других, Раймон ещё не разобрался.

Полностью заступить на службу Раймон так и не успел, потому что вскоре полк получил приказ выступать в направлении столицы. Остальная часть армии оставалась в Дорлифене удерживать взятые рубежи.

Свеа закончила с отчётами за полтора дня и задерживаться в пограничных землях дольше необходимого не хотела. С Раймоном она больше не говорила, полностью занятая служебными делами, и увиделись они только спустя неделю уже в столице.

Раймон вошёл в кабинет Свеа и остановился.

– Ну и как это понимать?

Командор сидела в одном из кресел, закинув ногу на ногу, и смотрела в упор в глаза полуэльфу, будто заранее ждала, когда тот войдёт.

– Простите, командор, я не знаю о чём вы.

Раймон в самом деле не знал. Свеа вызвала его прямым из караула, так что полуэльф не успел ни выспаться, ни принять душ. Настроение и самочувствие были отвратительными, тем более что он не ел уже неделю – с тех самых пор, как испробовал крови вампира. Простая еда не привлекала, а где и как взять кровь он попросту не представлял. Пробовал зайти в бордель и снять там миньонов за пару монет, но от одного вида этого заведения становилось тошно. О том, чтобы подготовить кого-то из них, а затем вернуться за кровью, Раймон не мог и думать. Эмоциональная связь между вампиром и жертвой? Теперь он мог лишь смеяться над собой. Жажда мучила так, что перед глазами плыло, и он едва мог стоять на ногах.

Свеа окинула его мрачным взглядом.

– Вольно, рядовой. Не на плацу. Я тебя спрашиваю, почему ты снижаешь боеготовность полка своим состоянием?

– Что? Командор... Я всё же не понимаю.

Свеа встала, отбросив в сторону лежавшую у неё на коленях газету.

– Раймон, когда ты ел последний раз?

Раймон отвёл глаза.

– Мы же всё обсудили. Ты прекрасно знал, на что идёшь, когда просил меня об обращении. Что теперь?

Раймон покраснел.

– Ну же!

– Я не могу.

– Просто попробуй, кровь не так отвратительна, как ты думаешь.

– Дело не в этом.

– Я жду, – Свеа подошла почти вплотную и скрестила руки на груди.

Раймон бросил на неё косой взгляд, снова отвернулся и, отойдя к окну, прислонился лбом к стеклу.

– Я знаю, что надо пить кровь. Я ел когда-то достаточно несъедобных на вид вещей – и я не брезгую. В этом смысле.

– В этом смысле? – Свеа подошла и встала рядом, прислонившись плечом к стене.

Раймон снова бросил на неё косой взгляд и опять посмотрел в окно.

– Я никогда не был с женщиной! – выпалил он наконец и торопливо добавил. – Был один случай, когда... почти. Но я не хотел так. Тогда это было с любимым человеком, но я отказался. А теперь... С потрёпанными... голодными...

– Так, стоп.

Свеа торопливо поднесла пальцы к губам Раймона, приказывая замолчать.

– Ты ведь знал, что вампиры должны постоянно вступать в близкие отношения с миньонами.

– Знал... – Раймон развёл руками. – Наверное, я смотрел на это глазами жертвы. Или миньона. Ну, помнишь, ты говорила, что многие миньоны ждут отношений... Ревнуют... Это я понимал.

– Но тебе не пришло в голову, что и вампиру может быть неприятно пускать в постель кого попало.

– Ну... да.

– Поздравляю, ты второй вампир в Империи, который об этом думает.

– Ты тоже?..

– Нет. Секс для меня – просто секс. Я предпочитаю не гадить там, где ем, и держать миньонов ухоженными и чистыми, но если

понадобится – не побрезгую тем, кто попадётся под руку. А вот... – Свеа запнулась, а затем прокашлялась. – Может, это кровь сира? – пробормотала она, и тут же, поймав вопросительный взгляд Раймона, добавила. – Ладно, не важно. Ты должен свыкнуться с мыслью о том, что обмен силой через постель – часть твоей жизни. Как бы ты ни старался, в самом лучшем случае выдержишь неделю без еды, но этим ты ослабляешь себя – а ты ведь хотел получить силу?

Раймон отвернулся и снова прислонился лбом к стеклу.

– Свеа... – он едва заметно закусил губу.

– Не тяни.

– Понимаешь... Ведь у меня совсем никого не было. Там, в трущобах... Я же всё-таки был полуэльфом, а значит – куда симпатичнее большинства мальчишек. Мне не раз предлагали... Но я всегда хотел, чтобы этот первый раз был настоящим, – он снова покосился на Свеа, ожидая, что та рассмеётся, но Свеа оставалась серьёзной. – Знаю, всё это глупо. Но я столько лет ждал... Чтобы теперь просто переспать с какой-нибудь шлюхой?

Свеа вздохнула. Положила ладонь на щёку Раймону и повернула его лицо к себе.

– Раймон, ты должен будешь обзавестись миньонами. Шлюхи – это плохо. Хорошо, если ты найдёшь кого-то постоянного. Но не надейся на многое. Найти миньона не легче, чем найти любовника.

Раймон снова попытался отвернуться, но пальцы Свеа не позволили. Лицо командора приблизилось вплотную к его собственному. Раймон задержал дыхание. Близость вампирши пьянила пуще любого вина. От Свеа пахло специями и цветами. Чистая, чуть бархатистая кожа манила, требуя попробовать себя на вкус.

– Свеа... – выдохнул Раймон, но большего сказать не успел, потому что сухие губы прильнули к его губам, окончательно сводя с ума.

Раймон не сразу понял, должен ли он сопротивляться или идти на поводу у своих желаний. Свеа не была невинной и наверняка не делала из происходящего проблемы. Мысль об этом лишала сил, а пока Раймон колебался, язык вампирши уже проник вглубь его рта, лаская изнутри его губы и мягкими толчками продвигаясь глубже. Хотелось, чтобы он проник ещё дальше, а лучше – самому проникнуть в податливый рот. Раймон двинулся навстречу, осторожно придерживав

Свеа за плечи, попытался перейти невидимую границу, вторгнуться на чужую территорию и узнать её вкус. Свеа оттолкнула его язык, не позволяя продолжить, и на секунду этот отказ отрезвил Раймона.

Он отстранился, всё ещё крепко сжимая оказавшиеся неожиданно тонкими плечи вампирши.

– Ведь ты... должна принять меня... чтобы ритуал сработал.

– Я знаю.

– Свеа... Это слишком много. Я никогда бы не посмел...

– Почему?

Свеа выгнулась, потираясь бёдрами о его бёдра, и Раймон понял, что нарастающий жар в паху мешает мыслить связно.

– Ты... Свеа, ты же сама понимаешь.

– Нет, не понимаю.

– Ты мой командор, и ты старше меня на... Насколько ты старше меня?

Свеа криво улыбнулась.

– Я выгляжу старой?

– Нет... Чёрт...

Раймон прошёлся ладонями по спине вампирши, с трудом ощущая гибкое тело под жёсткой тканью мундира. Спорить больше не было сил.

– Здесь? – выдохнул он, поднимая руки к вороту и оглаживая большими пальцами нежную шею.

– Только запри дверь. Я задёрну шторы.

Раймон послушно отпустил наставницу и, подойдя к двери, повернул ручку. Оглянувшись, он увидел, что Свеа уже снимает китель, и едва ли не подскочил к ней, чтобы удержать руки вампирши.

– Подожди. Я сам. Можно?

Свеа едва заметно улыбнулась и кивнула, опуская руки. Раймон опустил китель вдоль плеч наставницы, и тот упал на пол, а полуэльф прошёлся ладонями от запястий Свеа к её плечам, наслаждаясь близостью нежной кожи под тонким батистом. Вернувшись к вороту, он принялся расстёгивать сорочку, но, справившись с крючками, не стал снимать её, а лишь проник под ткань, чтобы огладить бока вампирши – такие же гладкие и безупречные на ощупь, как и на вид.

– Свеа, – прошептал он и наклонился, чтобы коснуться губами тонкой венки под самым ухом.

Свеа выдохнула, заставляя волну жара пробежаться по телу Раймона. Ни с одним из миньонов она не вздыхала так. Эта мысль придала Раймону уверенности и, подойдя к каминной полке, он одним движением руки очистил её от безделушек, а затем приподнял Свеа, усаживая на освободившееся место, и, чуть сдвинув в сторону ткань рубашки, принялся покрывать поцелуями плечи и ключицы любовницы.

– Нужно было пойти в спальню, – прошептал полуэльф, поднимая глаза на своего командора.

– Нужно... было... – согласилась Свеа. Её руки развели в стороны полы кителя Раймона, прошлись по его груди, а затем резким движением сорвали его вниз.

– Свеа... Ты скажешь, если я что-то сделаю не так?

– Терпеть точно не буду, – Свеа взяла в свои ладони лицо Раймона и мягко поцеловала.

– Хочу больше... Хочу, чтобы тебе было хорошо.

Свеа кивнула и продолжила освобождать Раймона от одежды.

– Знаешь игру: горячее – холодное? – спросила она.

Раймон кивнул и покраснел. Игру он знал, но никогда не думал, что она имеет отношение к сексу.

– Я буду говорить. И сейчас мне очень холодно, Раймон, потому что мне мешают штаны, а ты стоишь как истукан.

Раймон покраснел ещё больше. Запечатлев последний поцелуй на ямочке между ключиц Свеа, он опустился на колени и один за другим стащил с командора сапоги, а затем принялся за штаны. Они оказались ужасно узкими, и когда им совместными усилиями удалось освободить от ткани бёдра Свеа, Раймон прижался к её животу губами. Тут же смутился ещё больше, но жар в паху усилился, и теперь хотелось продлить мимолётное касание, потереться щекой о бархатистую кожу. Свеа вся – от пяток до кончиков волос – казалась ему экзотическим лакомством, и Раймон поспешил попробовать его на вкус – прошёлся поцелуями по плоскому животу, очертил языком выемку пупка и двинулся вверх, медленно приближаясь к груди. Поймал сосок и приласкал его, втягивая в себя и чуть покусывая, так что на язык ему упала капелька крови – солёной и прохладной, но всё равно соблазнительной.

Раймон поднял глаза, спрашивая разрешения, но Свеа покачала головой.

– Не торопись.

Раймон кивнул и продолжил изучать закутки такого желанного сейчас тела.

– Свеа... – пальцы Раймона скользнули между бёдер вампирши.

– Не тяни. Мёрзну.

И больше Раймон тянуть не стал.

Облегчение было ошеломляющим и сильным, будто отпустили натянутую тетиву, и так же стремительно накатила слабость.

– Свеа... – повторил Раймон растерянно, вжимаясь носом во влажную шею.

– Можешь отпустить, – вопреки словам Свеа крепче прижалась к полуэльфу.

– Нет, – Раймон потёрся лбом о кожу любовницы и, одним движением подхватив её на руки, понёс в спальню.

Свеа не сопротивлялась и теперь. Только вцепилась в его шею и спрятала лицо между ключиц.

Раймон коленом откинул в сторону одеяло и опустил свою ношу на простыни.

– У тебя сейчас есть дела? – спросил он, присаживаясь на краешек кровати.

– У меня всегда дела. Но прямо сейчас я не собираюсь ими заниматься.

– Можно к тебе?

– Нужно, – Свеа потянула его за руку, заставляя улечься рядом.

Раймон тут же обхватил её за пояс, прижимая к себе.

– Ты доволен? – спросила Свеа, снова прислоняясь лбом к груди любовника.

– Это потрясающе. А ты? Всё в порядке?

– Да, – Свеа потёрлась лицом о его грудь. – Только очень хочу спать.

– Спи. Я побуду рядом?

– Да. И не убирай рук, Раймон. Мне всё ещё холодно.

Раймон долго смотрел, как подрагивают ресницы Свеа при каждом вдохе. Он уснул только под утро, а проснувшись, обнаружил, что Свеа нет – зато из купальни слышался мелодичный плеск воды. Дверь была открыта, и Раймон решил, что это можно считать приглашением.

Встав и потянувшись, он направился в соседнее помещение и, оказавшись внутри, замер, наблюдая за Свеа. Та лежала, запрокинув голову на бортик бассейна и закрыв глаза. Дыхание её было тяжёлым, и сквозь лёгкую пенку на поверхности воды Раймон видел, как двигается рука между ног вампирши.

Раймон хотел было прокашляться, привлекая внимание, но нарушать блаженную гармонию уединения командора не хотелось, и вместо этого он бесшумно опустился на пол рядом с затылком Свеа и, наклонившись, легко поцеловал её в висок.

Свеа вздрогнула, открывая глаза, но испуг тут же сменился озорными искрами.

– Интересно? – спросила она.

Раймон накрыл её губы своими, заставляя замолчать. Скользнул в воду рядом с вампиршей и, поймав её руку, убрал в сторону.

– Я пришёл за своей платой, – он улыбнулся и легко погладил Свеа по внутренней стороне бедра. Со Свеа всегда было легко, а теперь казалось, что только рядом с ней он и может быть на своём месте.

– Непохоже, – Свеа изогнулась, плотнее вжимаясь в его ладонь. – Да и кто кому должен платить? – снова в глазах Свеа проскользнули шальные искры.

– Опять играешь со мной?

– Конечно.

Свеа перевернулась, прижимаясь к нему всем телом, и потёрлась промежностью о его бедро. Прикрыв глаза, она запрокинула голову, открывая Раймону возможность целовать беззащитное горло. Бёдра её продолжали двигаться, когда она шепнула:

– Давай.

Раймон продвинулся губами к голубоватой венке. С трудом выдерживая напор вампирши слишком близко к своему паху, заставил себя сосредоточиться и надорвал зубами нежную кожу. Руки его скользнули на поясицу Свеа, придерживая. Он не заметил, как глаза

вампириши распахнулись, а дыхание участилось, и только когда тело в его руках стало мягким и безвольным, торопливо принялся зализывать рану. Свеа обвисла в его руках, не двигаясь. Веки её снова были опущены, и ресницы больше не дрожали.

– Свеа... – позвал Раймон и чуть встряхнул наставницу. – Свеа, ты же не...

Глаза вампириши резко открылись, и она улыбнулась.

– Хорошо, – сказала вампириша. – Хорошо, но так не может продолжаться вечно. Вечером меня позовёт Ламия, и мне будет не до того, чтобы тебя кормить. Ты должен найти свой способ добывать пищу.

– Не ходи, – попросил Раймон, пропуская мимо ушей более поучительную часть.

– Не могу, – Свеа пожалала плечами и чуть приподняла голову, чтобы посмотреть на Раймона.

– Тогда я буду тебя ждать.

Свеа вздохнула и отвернулась.

– У тебя нет дежурства? – спросила она.

– Ты ведь вытащил меня вчера из караула.

– Да? – Свеа всё-таки посмотрела на него и едва заметно улыбнулась. – Перепутала. Что ж... Если хочешь. Я буду рада. И ещё... – добавила она, уже отстраняясь. – В конце недели хочу, чтобы ты поехал со мной во дворец к Атрею. Постарайся к тому времени быть отдохнувшим и ухоженным.

– Атрей? Кто это?

– Так зовут нашего Императора. За глаза.

Глава 14. Император

Дворец Атрея, Императора, в царствовании принявшего имя Цепеш, располагался за пределами Гленаргоста. Дорога к нему была уставлена каретами до самой городской черты – прибывать на празднество к столь уважаемому хозяину верхом считалось дурным тоном.

Свеа сидела на обитом бархатом диванчике кареты, расслаблено облокотившись о подоконник, и только самый чуткий взгляд мог бы уловить напряжение за пеленой её медовой улыбки.

Раймон невольно залюбовался тонкой тенью, которую отбрасывал на шею вампириши камзол из бледно голубого бархата. Свеа казалась

нежнее обычного и, пожалуй, беззащитнее.

Самому полуэльфу Свеа сосватала чёрный с синеватым отливом костюм. Она долго возилась с нелепой причёской, которую подарили Раймону бывшие кузены, и сетовала на то, что ему куда больше пошли бы длинные волосы. Раймон отмалчивался, не желая вспоминать о том, что всё это уже слышал. В мягких ладонях Свеа ему было непривычно спокойно, и он не хотел думать ни о чём.

В конце концов Свеа заколола ему волосы шпилькой с сапфиром у самой шеи и выправила одну прядь, позволяя той упасть на висок. Только после этого Раймону было разрешено посмотреть на себя в зеркало, и хотя полуэльф никогда не страдал нарциссизмом, увидев отражение, он замер, не узнавая представшего перед ним незнакомого мужчину.

Сжав пальцы на запястье Свеа, он резко выдохнул.

– Стоило потратить вечер, чтобы увидеть этот взгляд, – усмехнулась Свеа.

Раймон улыбнулся одним уголком рта и тут же снова стал серьёзным.

– Зачем всё это?

– Ты должен понравиться всем, – Свеа хитро улыбнулась. – Вампиры сильно разнятся между собой, но все мы, как сороки, любим то, что блестит. Смотреть на прекрасное – это небольшая радость, которую оставило нам посмертие.

– Надеюсь, ты не собираешься продвигать меня по службе через постель?

– Нет, – на лице Свеа не дрогнул ни один мускул. – Это – только моя привилегия.

Сейчас, вспоминая старания Свеа, Раймон не мог не улыбаться. Никто и никогда не делал для него столько. Он потянулся, поймал запястье Свеа и поднёс к губам её кисть, затянутую в белую перчатку. Вампириша не сопротивлялась, только изогнула бровь в немом вопросе.

– Просто так, – сказал Раймон и улыбнулся, – жаль, что ты не мой сир.

– И мне, – Свеа сжала пальцы, удерживавшие ладонь. – Давай, подъём. Кажется, приехали.

Аллеи парка усыпали цветы и гирлянды. От гулявших поодиночке и по двое вампиров исходил отчётливый удушающий запах – с

непривычки вдохнув его полной грудью, Раймон закашлялся, и в голове промелькнула мысль – отчего Свеа пахнет иначе?

– Что мне делать? – спросил Раймон, чуть пропуская Свеа вперёд.

– То же, что и сейчас. Держись у меня за плечом. Вперёд не лезь. Первым ни с кем не заговаривай, жди, пока я тебя представлю. О! Прекрасная Виана! – завидев вдалеке высокую черноволосую вампиршу в откровенном красном платье, Свеа поспешила вперёд, наградив Раймона лишь коротким взглядом, приказывающим следовать за ней.

– Командор, – узкие губы цвета крови растянулись в искусственную улыбку, и та, кого называли Вианой, протянула к губам Свеа тонкую, излишне костлявую, на взгляд Раймона, кисть.

Свеа мимолётно коснулась её пальцев губами и поспешила отстраниться.

– Вы одна?

– Да, – вампирша чуть шевельнула бровью, но улыбка её осталась неподвижной, намертво приклеившись к белому лицу. – Теперь я бываю здесь только одна.

– Дом де Грие изменил политику?

– Нет. Политику изменила я. Но это не интересно. А кто с вами, командор?

Вампирша окинула Раймона взглядом, от которого по всему телу пробежала дрожь.

– Один из моих гвардейцев.

– Вот как... Стало быть, вы приближаете к себе собственных солдат?

– А вы нет? – Раймон почувствовал, как чуть заметно напрягается плечо Свеа у его груди.

– Нет, предпочитаю добычу посложнее.

– Что ж, жаль, что вы одна. Вы позволите? Мне хотелось бы успеть поприветствовать хозяина.

– Само собой, – Виана отвернулась, сделав вид, что отыскивает слугу с шампанским, и Свеа поспешила пройти по алее дальше.

– Кто это? – спросил Раймон, нагоняя спутницу.

– Не обращай внимания. Она ядовита, как змея, и так же бесполезна. Я думала, с ней будет её супруг, но, видимо, он её не вынес. А, вот... Идём.

Свеа потянула Раймона дальше и остановилась около высокой женщины в белоснежном плаще поверх форменного кителя. От её белоснежных волос, покрытых лёгкими искрами конфетти, будто бы исходил запах снега.

– Наместница, – Свеа чуть заметно поклонилась.

– Командор, – бледная улыбка скользнула по губам незнакомки. – Не думала, что вы решитесь покинуть пост.

– Я и сама не думала застать вас здесь.

– Зима выдалась холодная. Ни один идиот не решится на набег в такую погоду, какая царит сейчас на севере.

– У нас не так холодно, но так же бессмысленно.

– Война – дело бесконечное и бестолковое, – наместница усмехнулась. – Поговорим о чём-то более приятном? Кто ваш спутник?

– Его зовут Раймон. Он служит в моём полку.

Наместница протянула руку, и когда Раймон ответил рукопожатием, ему показалось, что он коснулся глыбы льда.

– Хорошо служит, я полагаю.

– Всё впереди.

Наместница и командор обменялись ещё несколькими только им понятными репликами и разошлись.

– Эран, наместница северной провинции, – сказала Свеа, когда они отошли на достаточное расстояние. – Не стоит переходить ей дорогу – и она не уничтожит тебя. Вон, там ещё.

Лица сменяли друг друга, и в какой-то момент Раймон перестал запоминать тех, с кем его знакомили. Вампиры в самом деле оказались разными – одни исходили желчью, другие были холодны, как лёд, третьи соблазнительно улыбались, но улыбка их походила на улыбку змеи.

Лишь несколько лиц запомнились ему, потому что разговоры с ними явно пошли не по плану.

Одним из них был широкоплечий вампир с чуть удлинённым носом и чёрными блестящими кудрями.

– Наместник Раманга, – приветствовала его Свеа и обернулась к спутнице своего собеседника. – Что-то изменилось в вашей жизни?

Рядом с мощной фигурой вампира стояла довольно хрупкая даже для эльфийки девушка с золотистыми волосами, украшенными тиарой с изумрудом.

– Всё меняется, – Раманга крепко пожал протянутую ему руку, а затем сам протянул ладонь Раймону. – Это моя супруга, Элиана.

– Ещё одна?

Эльфийка чуть напряглась, а Раманга усмехнулся и свободной рукой обнял эльфийку за талию, будто почувствовал её настроение.

– Единственная, – сообщил он, не переставая улыбаться.

Свеа не успела ответить, потому что к говорившим подошёл ещё один вампир, которого Раймон видел выходящим из дома Свеа ещё в Дорлифене.

– Раманга, – он тоже протянул руку наместнику и замер, принюхиваясь. Глаза его уставились прямо на Раймона, прожигая его насквозь, и внезапно полуэльфу показалось, что если прямо сейчас незнакомец прикажет ему достать кинжал и вонзить в собственное сердце – именно это он, Раймон, и сделает.

Взгляд исчез, упершись теперь в Свеа, которая стояла напряжённая как струна.

– Свеа, – выдохнул незнакомец со злостью и, вырвав ладонь из неслабого рукопожатия Раманги, потащил командора в сторону. Раймон хотел было последовать за ними, но одного короткого: – Стой здесь! – брошенного загадочным вампиром через плечо, было достаточно, чтобы он замер, не двигаясь.

Играла мягкая музыка. Конфетти и обрывки гирлянд кружились в воздухе. Раманга и его спутница молчали. Раймон тоже.

Наконец, Элиана прокашлялась, и протянула Раймону тонкую кисть, предлагая её пожать

– А вы? – спросила она.

Раймон с трудом отвёл от спины Свеа взгляд и заставил себя посмотреть на эльфийку.

– Раймон, – сказал он, растерянно принимая руку и поднёс её к губам так осторожно, чтобы не причинить хрупкой собеседнице лишнего вреда.

– Вы – близкий друг командора Свеа?

– Да.

Эльфийка спросила ещё что-то. Вопросов у неё оказалось море, и только когда Раманга одёрнул её, Элиана замолчала, мило улыбаясь. Раймон отвечал на все механически, всё ещё искоса поглядывая в темноту, где скрылись два вампира.

– Ты совсем свихнулась? – твёрдая и холодная, как клещи, рука встряхнула Свеа за шиворот и больно приложила затылком о ствол дерева.

– Всё в рамках договора, – выдохнула она, пытаясь отцепить от себя пальцы Данага.

– Договора? – никогда ещё Свеа не видела в глазах Данага такого яростного блеска. Она всегда была уверена, что Древний давно уже способен только трепать языком, но не убивать. Сейчас она в этом усомнилась. – Ты ненормальная, Свеа! О таких вещах надо предупреждать!

– Хочешь сказать, ты бы согласился? – Свеа всё-таки отцепила от себя чужие пальцы и теперь стояла, поглаживая пострадавшую шею.

– Нет!

– Вот и я так подумала.

Данаг невнятно рыкнул и ударил кулаком о ствол несчастного дерева так, что оно содрогнулось.

– Я бы не согласился, потому что у меня есть причины не обращать детей. Это моё решение. И ты не вправе идти против него.

– Ты и не обращал.

Свеа покосилась на Раймона, мило беседовавшего с супругой Раманги.

– Такое чувство, – сказал Данаг медленно, постепенно успокаиваясь, – что вокруг меня одни идиоты. Но от тебя я не ожидал.

– Я знаю, как серьёзно ты подходишь к выбору, – сказала Свеа, оборачиваясь к Древнему. – Но поверь, он не опозорит твоей крови.

– Да причём здесь это? – Данаг устало покачал головой. – Свеа, ты впутала его в очень серьёзную игру. Если ты хотела ему блага, ты крупно ошиблась.

Свеа поджала губы.

– Позволь мне судить, – сказала она твёрдо, и Данаг снова покачал головой.

– Пошли, – он кивнул в сторону двух вампиров и эльфийки.

– Ты не держишь злости?

– Зачем мне на тебя злиться? Тебя и без меня накажут.

Не дожидаясь ответа, он двинулся к троице, с которой так и не успел познакомиться.

– Моё имя Данаг, – сказал он, протягивая руку Раймону, и что-то было в его глазах, заставившее полуэльфа тут же вложить руку в его ладонь.

– Раймон, – сказал тот, внимательно вглядываясь в странные синие глаза.

– Не знаю, что вы со Свеа задумали, но когда ваш план отправится в Ад – отыщи меня. Я помогу.

Забрав руку, Древний повернулся к Раманге и коротко кивнул.

– Рад был свидеться, наместник.

– Уже уходишь?

– Да. У меня ещё много встреч.

Раймон долго смотрел в след удалившемуся вампиру и пытался понять, почему именно этот образ врезался в его сознание. А потом всё закрутилось по новой. Хоровод высокомерных лиц мелькал со всех сторон, и следующим, кого запомнил Раймон, был высокий вампир с голубыми глазами и золотыми волосами, заплетёнными в косы. Его белый камзол был расшит золотом, и он прохаживался по аллее с видом хозяина.

– Вот он, – шепнула Свеа, и в тот же миг вампир повернулся к ним и замер, глядя прямо в глаза Раймону. Секунду он пристально всматривался во что-то в самой глубине его глаз, а затем его бледные губы скривились в недовольстве.

– Свеа, – произнёс он.

– Мой Император, – Свеа глубоко поклонилась и, сообразив наконец, кто перед ним, Раймон повторил её жест.

– Не знал, что Данаг продолжает обращать.

Свеа промолчала, а Раймон вздрогнул, не зная, что ответить. Только теперь он впервые услышал имя своего сира.

– Кто с тобой? – произнёс он требовательно и чуть капризно.

– Один из моих гвардейцев, мой император.

– Вот как. Если все твои гвардейцы похожи на него, то я не могу понять, почему мы ещё не владеем Долиной Цветов.

Свеа промолчала, и Раймон, поняв, что не хочет наблюдать, как его благодетельницу отчитывают, ответил за неё.

– У Сумеречного Народа отличная система обороны, мой император. Кровь драконов позволяет им ставить барьеры, которых нет у других эльфийских племён.

– Любопытно, – император чуть склонил голову. – Твой гвардеец разбирается в эльфах лучше тебя, Свеа. Может, его и нужно поставить во главе армии?

– Уверена, любое ваше решение послужит Империи во благо, – произнесла Свеа спокойно, но в груди у Раймона кольнуло, когда он увидел, как напряглись плечи вампирши. Захотелось обнять их и слегка надавить, расслабляя и успокаивая.

– И я так думаю. Но надеюсь, что не обманусь. – Император перевёл взгляд на Свеа, и Раймон с облегчением выдохнул, ощутив, как с его плеч свалился многотонный груз.

– Знаешь что, Свеа, – продолжил Император задумчиво. – Твоя гвардия становится лучше моей, а я не вижу от неё проку. Мне нужно пополнить ряды моей стражи. Как ты думаешь, у тебя есть, кого мне предложить?

– Разумеется, – краем глаза Раймон увидел, как Свеа быстро и сухо улыбнулась.

– Я, пожалуй, приеду посмотреть, кто у тебя есть. На следующей неделе. Ты будешь готова?

– Мы всегда готовы, – Свеа ещё раз поклонилась.

– Я рад. Свободны, господа. Гуляйте и развлекайтесь. Но не забывайте, кто даёт приём.

– Никогда, мой Император.

Взяв Раймона под руку, Свеа торопливо потащила его прочь, и только оказавшись в относительном уединении, остановилась.

– Свеа... – выдохнул Раймон, заставляя спутницу обернуться и пытаясь поймать её взгляд. – Ты же не подумаешь... что я...

– Тихо, – Свеа улыбнулась, хотя взгляд её оставался колючим. – То, что нужно, Раймон. Найди себе нормального миньона, как я и говорила. Тренируйся столько, сколько сможешь. Хочешь чего-то добиться в Империи – тогда ты должен понравиться ему.

– Да, – Раймон кивнул, но от мысли о том, что он должен будет сменить место службы, едва успев привыкнуть к однополчанам и командиру, стало странно тоскливо.

Глава 15. Трущобы

Прошло уже три дня после бала у Императора. Раймон изо всех сил следовал совету Свеа – тренировался от заката до рассвета. Хуже дело обстояло с миньонами, которых ему велели завести. Подойти к борделю ближе, чем на сотню метров, он так и не смог. Затащить к себе в постель кого-то малознакомого – тоже. Дарел только разводил руками, выслушивая сбивчивые отговорки полуэльфа. Свеа кормила его ещё дважды, но Раймон и сам понимал, что дальше так продолжаться не может – он брал у Свеа слишком много и ничем не помогал. Свеа была не согласна. Один и тот же разговор повторялся изо дня в день, но ни в чём Раймона не убеждал.

– Ты считаешь, что обмен силой – оскорбление для миньона. Ты всё ещё считаешь миньона жертвой, но это не всегда так. Для многих подобная участь желанна.

– Не вижу очереди из добровольцев, – бурчал Раймон в ответ.

– А ты как хотел? Ты вампир всего пару недель. Силы у тебя не много, и у людей нет резона просить у тебя покровительства. Это приходит со временем, но вот парадокс – со временем ты сам можешь не захотеть делиться силой.

– Свеа, я всё понимаю... Но... Не могу. Ты же сама признаёшь – лечь под меня вовсе не предел мечтаний. Думаю, согласится только та, кому вовсе не на что больше рассчитывать.

Свеа подняла бровь. Слышать слова Раймона было неприятно, но она решила не начинать ссору.

– Так найди того, кому больше не на что рассчитывать. Ты всё ещё выдумываешь что-то насчёт трущоб и полукровок? У вампиров нет ни того, ни другого. Завтра в трущобах может оказаться тот, кто вчера был при дворе. А раса твоя и вовсе никого не интересуется. Но если так тебе проще – отправляйся туда, в трущобы.

Дарел, с которым Раймон стоял в карауле на следующее утро, подробно выслушал всё, рассказанное Раймоном, и велел на вечер ничего не планировать. Планов у Раймона и так не было, зато любопытство раздирало, и он легко последовал за приятелем.

Взяв лошадей в конюшне Свеа, они направились в самую западную часть города, квартал Святой Марты. Раймон крепко сжимал поводья, наблюдая, как проплывают по обе стороны полуразрушенные домишки, так непохожие на центральные районы.

– Это самый старый квартал в городе, – сказал Дарел, заметив его интерес. – Здесь живут в основном люди.

– Трущобы, – оборвал его Раймон. – Что мы здесь делаем?

– Сейчас увидишь.

Дарел остановил коня напротив небольшого, относительно аккуратного домика. На вывеске над дверью красовался оскаливший пасть волк, держащий в когтистых лапах розу.

Следуя за спутником, Раймон вошёл внутрь и уселся за один из столиков рядом с круглой сценой.

– Что это за место? – спросил он в который раз, но в ответ получил лишь хитроватый косой взгляд.

– Сейчас увидишь.

По щелчку Дарела им принесли напитки, и некоторое время они сидели, молча потягивая эль.

– Какие тебе нравятся? – спросил Дарел наконец.

Раймон пожал плечами. Перед глазами встал образ светловолосой Ингрид, но он определённо не хотел иметь под боком кого-то похожего – слишком больно было вспоминать обо всём, что осталось позади.

– Увижу – скажу, – ответил он.

Дарел задавал ещё какие-то вопросы, не имевшие для Раймона особого значения, и за пустым трёпом полуэльф не заметил, как на сцене появился стареющий мужчина в белоснежном парике. Несмотря на то, что на плечах его был светский камзол, весь он вызывал ощущение поношенности и никак не тянул на обитателя центральных районов города.

– Дамы и господа, рад представить вам еженедельную ярмарку, где вы найдёте деликатесы на самый изощрённый вкус, – объявил мужчина и поклонился.

Раймон попытался вскочить с места, но Дарел тут же усадил его обратно.

– Куда ты меня привёл? – прошипел полуэльф. – Это что – рынок рабов?

– Уймись! Здесь всё добровольно.

– Бордель?

Дарел недовольно крикнул и убрал руку с плеча Раймона.

– Всё! Я от тебя устал.

Дарел не сомневался, что запах приятеля остынет, но этого не произошло. Раймон встал и, в два шага преодолев расстояние до выхода, вырвался на улицу.

Воздух трущоб наполнил его грудь. Он казался странно знакомым, почти родным, особенно после затхлого духа ярмарки. Отвязав коня, Раймон медленно пошёл по улице, разглядывая окрестности. Гленаргост был огромен и роскошен. До сих пор Свеа показывала лицо Гленаргоста, теперь же Раймон увидел и изнанку. Трущобы здесь были точно такие же, как и в приграничном Дорлифене. Те же опустевшие исхудавшие лица, те же протянутые неведомо к кому руки, те же разбитые повозки вдоль улиц.

Шум в проулке привлёк его внимание, и Раймон оглянулся на звук. Трое крепких парней метелили какую-то оборванку, лежащую на земле. На секунду полуэльф замер, почувствовав, будто возвращается в далёкое прошлое. В бесконечную безысходность, когда сопротивление приравнивается к преступлению. Громил было трое, но смотреть со стороны Раймон не мог.

Можно было окликнуть парней, но не хотелось. Он никогда не любил лишних слов.

Отпустив коня, Раймон прыжком преодолел расстояние, отделявшее его от места драки, и, схватив одного из нападавших за шиворот, со всей силы отшвырнул в сторону. Крепкий бродяга взлетел в воздух неожиданно легко и взвыл, проламывая спиной изгородь. Ещё один обернулся, но сделать ничего так и не успел. С неожиданной яростью Раймон рванул его вверх и впился в горло. Жертва трепетала в руках, и кровь её была горьковатой, отравленной алкоголем и дурной едой. Но эта кровь была тем, чего ему так не хватало, и Раймон пил, не обращая внимания на слабое сопротивление, пока громила не затих, обвиснув безвольной куклой.

Раймон отшвырнул неподвижное тело в сторону, даже не глянув на него, и обернулся к лежавшей на земле бродяжке.

Двое других громил уже исчезли, а девчонка лет восемнадцати, избитая и худая, судорожно перебирала локтями, пытаясь отползти как можно дальше. Она была слишком тощей для человека, а когда ветер чуть приподнял её свалявшиеся волосы, Раймон увидел под ними надорванное острое ушко.

– Как тебя зовут? – спросил полуэльф.

Девчушка отползла ещё на пару дюймов. Раймон видел, как хлопают длинные ресницы на покрытом синяками и чёрными лице.

– Я уже поел, – сказал Раймон и протянул ей руку.

Секунду девчушка колебалась, а потом крепко схватилась за запястье вампира и потянулась всем телом, поднимаясь.

– Спасибо, – выдохнула она.

– Ты не ответила.

– Сильвара, – девчонка отвела глаза и сжалась, будто приготовившись к удару.

– Эльфийское имя, – произнёс Раймон и кивнул самому себе. – Что ты здесь делаешь?

Взгляд девчонки метнулся к нему и снова уткнулся в землю.

– Я... Застряла тут. Шла на Ярмарку – предложить себя, но меня не пропустили.

Раймон вздрогнул.

– Вот так просто? Своё тело за деньги?

Взгляд Сильвары снова взметнулся вверх. Секунду она смотрела на Раймона с вызовом, а потом привалилась спиной к изгороди и заплакала.

Раймон опешил на секунду. Даже у чувствительной Ингрид он никогда не видел таких откровенных проявлений эмоций.

Сильвара всхлипывала, явно пытаясь заставить себя замолчать, но не могла – и лишь сильнее билась в истерике. Тонкие руки её в изодранных рукавах платья сжимали хрупкое тело, состоявшее, казалось, из одних костей.

– Пошли, – сказал Раймон решительно и потянул девчонку за плечо, заставляя встать. – Верхом ездить умеешь?

Сильвара покосилась на лошадь, хотела что-то сказать, но не смогла, так что Раймону пришлось попросту затащить её на круп, усадить и положить руки Сильвары на край седла.

– Тут недалеко, – сказал Раймон, трогая коня. Ещё какое-то время он шёл, наслаждаясь странной ностальгией по этим изломанным контурам прогнивших зданий. Сильвара понемногу затихала. Бросив на неё косой взгляд, Раймон увидел, что та скрючилась в седле и с опаской смотрела на спасителя, который вполне мог оказаться и убийцей.

– Ты боишься меня? – спросил Раймон. Мысль казалась ему странной, но Сильвара кивнула.

– Вы – вампир. Я видела... как вы убиваете.

– Разве на ярмарке тебя бы не отдали вампиру?

Сильвара не ответила, только уставилась куда-то между колышущихся лопаток лошади.

– Там я знала, чего от меня хотят, – сказала она, наконец, когда оба уже приблизились к особняку Свеа.

Раймон остановил коня и обернулся к своей находке.

– Ничего я от тебя не хочу, – сказал он. – Просто... Не люблю, когда трое бьют одного.

Сильвара вскинулась и с недоверием посмотрела на вампира.

– Тогда зачем забрали с собой?

Раймон пожал плечами.

– Не бросать же тебя там. Ты же вся избита, а они вернутся, – Раймон усмехнулся. – Я таких немало видел. Ещё бы и отомстили тебе за своего дружка. Знаешь... – он задумался. – Ты уверена, что хочешь стать миньоном?

Сильвара отвела взгляд и пожалала плечами.

– А куда ещё? Эльфу у Марты две дороги... В бордель и... Так хоть один иметь будет.

– Мне нужен миньон, – сообщил Раймон, решившись.

Сильвара подняла голову, и в глазах её страх мешался с надеждой.

– Вы... Я... – она одним каким-то плавным движением соскользнула на землю и, упав на колени, поймала руку Раймона и прижалась к ней губами. – Если правда – вы не пожалеете. Я справлюсь, вот увидите. Хотите, я прямо сейчас? – она потянулась к ремню Раймона, и тот едва успел оторвать от себя её руки, когда по улице загремели колёса кареты. Двое лошадей по знаку кучера замерли в полуметре от говоривших. Дверца, украшенная гербом Свеа, открылась, и на подножке появилась скорченная фигура.

– Свеа... – выдохнул Раймон, с трудом узнав свою покровительницу. Даже возвращаясь от Ламии глубокой ночью, Свеа всегда держала себя в руках. Сейчас же её волосы были перепачканы в крови, и сама она явно не могла стоять без посторонней помощи. Кучер поспешил к госпоже, но Раймон оттолкнул и его, и Сильвару,

всё ещё цеплявшуюся за рукава полуэльфа, и подхватила Свеа на руки. Та бессильно приникла к подставленной груди и выдохнула:

– Ты... Опять...

Не говоря ни слова, Раймон бережно погладил вампиршу по волосам и поцеловал в перепачканный кровью лоб.

– А это?.. – Свеа перевела взгляд на замершую в стороне до смерти перепуганную эльфийку.

– Я нашёл миньона, Свеа. Её зовут Сильвара.

Свеа усмехнулась, и через секунду лёгкий смешок превратился в истерический хохот. Тонкие, неожиданно хрупкие плечи тряслись в руках Раймона, и он не знал, что делать с этим внезапным приступом.

– Ничего, – сказала наконец Свеа, отсмеявшись. – Это хорошо, что ты стал самостоятельным. Очень вовремя и очень хорошо.

– Свеа, ты бредишь?

Свеа покачала головой и попыталась оттолкнуть его, но не смогла.

– Пойдём в дом? – попросил Раймон, и на сей раз Свеа кивнула.

– Пошли. А как же твоя... миньон?

– Алмонд же может о ней позаботиться? Ты не против?

Свеа обессилена покачала головой.

– Пошли. И ты... Сильвара.

Раймон посмотрел на девушку и подтвердил слова вампирши кивком. Всё ещё придерживая Свеа, которая едва перебирала ногами, полуэльф направился ко входу. Едва двери за ними закрылись, не обращая внимания на слабое сопротивление, он попросту подхватил вампиршу на руки и понёс в спальню. Уложил на постели и только теперь, отведя в стороны полы плаща и накинутого на голое тело камзола, увидел, что дело не обошлось обычными лёгкими пытками. Живот Свеа рассекали глубокие раны, которые для человека вполне могли бы стать смертельными.

– Это она? – спросил Раймон, поднимая на Свеа глаза, полные ярости.

Свеа не ответила, но это могло означать только одно – она.

Сбросив плащ, Раймон принялся торопливо и осторожно освобождать Свеа от одежды. Исполосованным оказался не только живот. Подняв глаза, он попытался выискать в глазах Свеа признаки боли, которую та не могла не испытывать, но голубые глаза были будто бы припорошены пеплом безразличия.

– Тебе всё равно? – выдохнул Раймон, не сдержавшись.

Свеа не ответила, и это Раймона не удивило. Вряд ли кто-то другой вообще мог бы сейчас говорить.

– Свеа... – не придумав ничего лучше, Раймон коснулся губами кусочка белой кожи на животе вампирши. – Я сейчас, минуточку.

– Не надо... миньонов...

Раймон не слушал. Стрелой вылетев из комнаты, он бегом отыскал Алмонда, приказал позаботиться о девчонке в прихожей и принести бинты – бинты в первую очередь. Алмонд кивнул. На лице адъютанта не было ни капли недоумения или волнения.

Раймон же вернулся в спальню к Свеа и, усевшись в изголовье, положил её голову к себе на колени.

– Сейчас, совсем чуть-чуть потерпи, Свеа.

Свеа поймала его руку и прижала к щеке, а носом уткнулась в живот. Раймону захотелось прижать её ещё крепче. Он пытался представить себе, что за существо может быть настолько жестоким. Раймон видел достаточно равнодушия и ненависти, но не мог представить, что могло бы заставить человека ненавидеть Свеа. Свеа никогда не давала повода для злости. Она была будто соткана из бархата, приятным пушком ложившегося на кожу. Она была уставшей и измученной, и всегда думала о ком угодно, только не о себе. От мысли о том, что какая-то женщина может так беззастенчиво ломать столь хрупкую драгоценность, тугой комок подступал к горлу и взрывался, заполняя яростью всё существо.

Тихий стук прервал мысли полуэльфа. Раймон торопливо накрыл Свеа покрывалом и, осторожно опустив лежавшую у него на коленях голову на подушки, открыл дверь Алмонду. Молча взяв из рук адъютанта стопку белых лент и таз с водой, Раймон опустил всё это на пол рядом с постелью Свеа и, снова отбросив покрывало в сторону, принялся очищать и обрабатывать раны. Свеа внимательно наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц, но ничего не говорила. Наконец, закончив, Раймон снова подсел поближе к её голове и приподнял, заставляя прикоснуться губами к своей шее. Свеа слабо прикусила её губами и тут же обмякла.

Раймон закусил губу в предчувствии боли, ногтем резанул по шее, пуская первую кровь, и снова прижал губы Свеа к себе.

Вампирша глотала с трудом, только то, что само падало ей в рот, а Раймон в бессилии крепче прижимал к себе её тело.

– Так нельзя, – прошептал он, когда слабость заставила его отстранить Свеа и зажать ранку кусочком белой ткани. Раймон опустился на постель рядом с вампиршей, обнимая её и прижимая вплотную к себе. – Ты не заслужила этого, Свеа. И я не хочу видеть тебя такой.

Свеа очень слабо усмехнулась, а Раймон внезапно пожалел о том, что они так редко отдавались друг другу. Сейчас кровь полуэльфа действовала слишком слабо, и Свеа почти что не стало легче.

– Я больше не пущу тебя к ней.

Свеа молчала, продолжая чуть заметно улыбаться и пытаясь крепче прижаться к Раймону.

– Ты не сможешь, – выдохнула она.

Раймон сжал зубы. Это было так похоже на фразу, которую он уже слышал однажды: «Что ты сможешь мне дать?».

Уговаривать он не хотел. Он не любил уговаривать. Только крепче сжал зубы и поцеловал Свеа в висок.

– Спи. Я буду с тобой.

Глава 16. Легенды и сказки

Свеа проснулась резко, рывком распахнула глаза и со свистом втянула ноздрями ледяной воздух осени. Шок прошёл, и боль пульсировала по всему телу, пробираясь в самые глубины её существа.

«Ты предала меня», – всплыли в голове слова, пропитанные почти детской обидой.

Именно эти слова заставили её усмехнуться. Ламия узнала, что в доме Свеа живёт обращенный Данага... Вот что имел в виду Древний, говоря, что её накажут и так.

И всё-таки, осторожно ощупывая перебинтованное тело и содрогаясь от боли при каждом касании собственных пальцев, она едва заметно улыбалась. Бешенство сира веселило, потому что обе они знали – Раймон уже не принадлежит ей. И Раймон никуда не денется из её жизни. Нет такой боли, которую не смог бы вынести вампир.

Свеа почувствовала едва заметное шевеление за спиной и плотнее прижалась спиной к горячему телу.

– Ты не спишь? – прошептал Раймон, наклоняясь над плечом командора.

Свеа запрокинула голову и заглянула в обеспокоенные черные глаза.

– Всё хорошо.

– Да, я заметил, что всё просто бесподобно, – Раймон скользнул рукой по животу Свеа, и та не сдержала дрожи. – Я сейчас позову миньонов. И не спорь, Свеа.

Свеа не спорила.

– Сколько времени? – спросила она вместо этого.

– Почти полдень.

– Тебе нужно на службу.

– Знаю.

На секунду Раймон крепче стиснул плечо Свеа и тут же отпустил.

– Не нужно тратить на меня время, – продолжила вампирша. – Просто пригласи Алмонда. Он всем займётся.

Раймон со свистом выпустил воздух из лёгких.

– Хорошо, – сказал он после нескольких секунд размышлений. Однако, встав и натянув штаны, направился всё же в комнату Клода. Собрав всех четверых – троих миньонов и одного адъютанта, Раймон объяснил задачу: командора для её же блага никуда не выпускать, кормить каждые три часа. Получив в ответ серию согласных кивков, он проследил, чтобы все добрались до спальни Свеа, хотя в глубине души прекрасно знал – они помнят дорогу куда лучше его самого.

Наблюдая, как Свеа, чуть приподнявшись на подушках, пьёт кровь из запястья Франчески, Раймон размышлял о том, что делать дальше. Он отлично понимал, что не сможет тягаться с сиром Свеа ни силой, ни влиянием. Но точно также было ясно, что оставлять Свеа в её руках нельзя. Оставались знания... Безусловно, у Ламии их было больше, но никто не может знать всего. Нужно было отыскать какую-то лазейку, которая позволила бы ему вытащить Свеа из цепких когтистых лап.

Раймон никогда не отличался любовью к книгам. В основном потому, что считал чтение бесполезным занятием. Но даже то, что он успел узнать за неделю подготовки к обращению, во многом изменило его представления о мире вампиров. А ведь он и сам понимал, что успел прочесть вряд ли тысячную часть всего того, что было написано о носферату.

Он уже смирился с мыслью, что до ближайшей встречи Свеа с Ламией ему не светит ни спать, ни есть, но то, что придётся оставить Свеа на попечении домочадцев, всё равно не радовало.

Мысли о еде отвлекли его от размышлений. Он внезапно понял, как соблазнительно выглядит тоненькая ручка Франчески, протянутая к бледным губам. Он уже успел привыкнуть к постоянной жажде, но сейчас жар и ощущение незаполненности обдавали тело с непривычной силой.

Тут же вспомнилось ещё одно, порядком забытое за суетой вокруг командора, вчерашнее приобретение.

Отозвав Алмонда в сторону, Раймон спросил:

– Где Сильвара?

– Силь... ваша девочка? – догадался адъютант.

Раймон кивнул, хотя определение, данное эльфийке, немало его покорило.

– Ей выделили комнату рядом с другими миньонами. У них своя столовая на втором этаже.

– Проследишь, чтобы рядом со Свеа всё время кто-то был? – спросил Раймон.

Губы Алмонда на секунду дрогнули.

– Поверьте, я догадался бы и сам, – ответил он ядовито.

Раймон снова кивнул и направился к лестнице. Уже поднимаясь, он вдруг понял, что именно покорило его в словах Алмонда – юноша дважды обратился к нему на вы.

Сильвара в самом деле обнаружилась в столовой – маленькой комнатке, рассчитанной человек на пять. Она сидела в одиночестве в окружении пустых тарелок и незанятых приборов и торопливо запихивала в рот субстанцию, похожую на кашу. Тонкий нюх Раймона уловил запах чернослива и кураги.

Сильвару успели вымыть и причесать, так что теперь она выглядела настоящей эльфийкой – Раймон даже немного позавидовал её тонкой кости. Оказавшиеся рыжими волосы были собраны в небрежную косу на затылке и завязаны простой зелёной ленточкой. Только правое ушко всё так же оттопыривалось и было надорвано до середины. Зато в левом Раймон разглядел дешёвое медное колечко.

Едва заметив присутствие вампира, Сильвара вскинулась, замерла, не донеся ложку до рта, и подняла на Раймона испуганный

взгляд оливковых глаз. Она в самом деле ничем не напоминала Ингрид. Разве что тем, что была абсолютно на неё не похожа.

– Привет, – Раймон опустил на стул напротив. Времени у него было мало, но запугивать девчущку сходу не хотелось – слишком хорошо он понимал, что чувствует Сильвара сейчас.

– Г-господин?

– Раймон. С ложки капает.

Сильвара торопливо засунула в рот ложку с кашей, вылупила глаза, явно обжѣгшись, но проглотила всё до капли и только потом шумно задышала, пытаясь справиться с болью.

– Сколько тебе лет? – спросил Раймон, внимательно разглядывая чуть веснушчатое лицо.

– Скоро семьдесят, – выдохнула Сильвара, всё ещё страдающая от ожога.

Раймон кивнул, мысленно представив себя в семьдесят лет. Для него это было едва ли не самое счастливое время в жизни.

– Как ты оказалась в трущобах?

Девочка ошутимо напряглась и отвела взгляд в сторону. Перечить она боялась, но и отвечать не хотела.

– Расскажешь потом, – успокоил её Раймон, и Сильвара торопливо кивнула. – Сильвара, – продолжил Раймон, – ты ведь знаешь, зачем ты мне нужна?

Сильвара отложила ложку и побледнела. Раймон испытал внезапное и острое отвращение к тому, что собирался делать, но времени для сожаления не было, и это он отчётливо понимал.

– Как вы хотите? – девочка с трудом заставляла себя не отводить взгляд, но всё же смотрела прямо в глаза Раймону, и от этого молодого вампира пробирала дрожь.

Раймон облизнул губы и огляделся по сторонам. Не хотелось делать это так, под столом. Не хотелось, чтобы Сильвара всегда вспоминала о своём предназначении, садясь завтракать или обедать.

– Пошли, – Раймон встал и кивнул на дверь. Миновав коридор, они свернули в одну из многочисленных гостиных, и Раймон опустил в кресло. Сильвара неловко приблизилась и села на коленки у его ног. Она была умопомрачительно красива в этот миг. Длинные ресницы чуть заметно подрагивали, глаза блестели, будто Сильвара готовилась заплакать.

Не сдержавшись, Раймон погладил её по затылку. Хотелось сказать что-то успокаивающее, но что тут скажешь, когда другое существо без всякого желания отдаёт тебе своё тело, а ты знаешь, что не можешь не принять этот дар.

Сильвара потянулась к ремню Раймона, неловко расстегнула.

– Ты очень красивая, – сказал Раймон, сам не зная, оправдывается или успокаивает свою жертву. На всякий случай он ещё раз погладил девушку по виску и чуть притянул к себе, заставляя коснуться очаровательно розовыми, мягкими даже на вид, губами, своего тела.

Если бы Раймону было с чем сравнивать, он бы тут же понял, что Сильвара делает это впервые, но он сам тонул в незнакомых ощущениях, не замечая ни неумелости партнёрши, ни её нерешительности.

Раймон пришёл в себя, лишь когда прохладный ветерок проскрёб по изнеженной кожице.

Раймон торопливо натянул брюки обратно и внимательно всмотрелся в покрасневшееся лицо эльфийки. Прочесть на нём что-либо было невозможно, и Раймон просто потянул девушку вверх, усаживая к себе на колени. Погладил доверчиво приоткрытое горло и коснулся носом венки, которая так сводила с ума любого из вампиров.

– Сильви, – прошептал он, и девушка вздрогнула, когда горячее дыхание коснулось мочки её уха.

– Да... – выдохнула Сильвара в ответ.

– Сожми мою руку, – Раймон сам стиснул пальцы Сильвары на своей ладони. – Вот так. И держи крепко, изо всех сил. Чтобы я понял, когда ты начнёшь слабеть.

Сильвара кивнула, и Раймон одним быстрым движением, стараясь сократить время боли, вонзил зубы в подставленную шею.

Он успел сделать всего несколько глотков, прежде чем понял, что рука Сильвары соскальзывает с его ладони, и тут же принялся зализывать ранку.

– Ну? Как ты? – Раймон торопливо отстранился и взгляделся в лицо эльфийки. – Силь?

Раймон выругался, заметив, что по щекам Сильвары бегут слёзы.

– Ну? Я сделал тебе больно?

Сильвара покачала головой. Было видно, что если бы Раймон отпустил её, та попросту сползла бы на пол и уже не встала.

– Тогда почему плачешь?

Сильвара закусил губу.

– Простите.

– Да говори уже! Это приказ.

Сильвара вскинула на Раймона испуганный взгляд.

– Только не бейте.

– Да кто тебя бьёт-то?

Сильвара, видимо, наконец решилась.

– Я знаю, что обещала. Что знала, на что иду... Простите... Раймон... Просто... я вдруг подумала, что проведу так всю жизнь... Я не хочу...

Она снова закусил губу и отвернулась.

Раймон вздохнул и притянул эльфийку к себе.

– Я тоже, – прошептал он, поглаживая рыжие волосы, и задумался. Девушка потихоньку успокаивалась. – Ты читать умеешь? – спросил он без особой надежды, но Сильвара вскинулась и торопливо закивала. В глазах её засветился тёплый огонёк.

– Умею, гос... Раймон. Читать, писать... По-солнечному, по-сумеречному и по-им... перски, – девочка замолкла, внезапно поняв, что взболтнула лишнее. Хотя Раймон в сказанном ничего лишнего пока не обнаружил. Вопрос о том, откуда обитательница трущоб владеет письмом на трёх языках, конечно, промелькнул у него в голове. Но, с другой стороны, было бы странно, если бы эльфийка не знала эльфийского... А насчёт солнечного и сумеречного вполне могла покрасоваться, языки-то похожи... Хоть и не всякий чужак это знает.

– Если я тебе поручу отыскать кое-что в библиотеке, справишься?

Глаза Сильвары засверкали искренним счастьем.

– Но это не отменяет твоих основных обязанностей, – поторопился добавить Раймон, и по лицу девушки тут же проскочила тень грусти.

– Как прикажете, – сказала она тихо, и Раймон ещё раз погладил её по волосам.

– Сильви, я бы не заставлял тебя, если бы мог иначе. Но я не собираюсь никак тебя ограничивать или унижать. Давай, ты будешь моей... – Раймон почувствовал укол боли в груди, но всё же договорил начатую фразу – моей младшей сестрой, – он усмехнулся внезапной идее. – Сестрой по крови. Если что-то случится, сразу приходи ко мне.

Я всегда буду на твоей стороне, – ещё раз болезненно кольнуло в груди, но он заставил себя не обращать на это внимания.

Силь закусил губу и неловко кивнула. Глаза её смотрели с немым удивлением.

– Что вам нужно найти... атхэ*?

По спине Раймона пробежала волна мурашек, когда он услышал эльфийскую речь. Сильвара, похоже, не только умела читать, но и знала кое-что об этикете. Мысль была странной, но времени обдумывать её не было. Там, этажом выше, лежала израненная Свеа, которую ждали новые встречи с её ненавистной госпожой. За окнами, во дворе стоявших напротив дома Свеа казарм, всюду шли тренировки.

– Пойдём, – Раймон снял Сильвару с колен и потащил за собой по коридорам. Остановились они у двери библиотеки, а затем какое-то время пришлось потратить на то, чтобы объяснить Сильваре где и что стоит. Девочка схватывала на лету. Пальцы её нежно скользили по корешкам, будто она здоровалась с давно потерянными друзьям.

Обернувшись к Раймону, она улыбнулась – всего на секунду, и только одним уголком рта – а затем снова стала сосредоточенной.

– Что искать? – спросила она.

И Раймон принялся объяснять.

Перед уходом он ещё раз проведал Свеа – та спала. Рядом с ней дежурил Алмонд. Под пристальным взглядом адъютанта Раймон поцеловал больную в лоб и всё-таки покинул дом.

Последующие три дня превратились в сплошной водоворот. Тренировки сменялись посиделками с Сильварой в библиотеке. Девочка схватывала многие вещи куда быстрее самого Раймона, а среди пыльных бумаг чувствовала себя как дома. Письменный стол, заваленный стопками книг, служил ей крепостной стеной, и она начинала нервничать, едва Раймон пытался преодолеть этот чётко очерченный барьер. Зато в его пределах металась от полки до полки как заведённая, в один миг точными и ловкими движениями пальцев отыскивая то, что Раймон мог бы искать несколько часов.

– Сиры, – сказала она в первый же вечер, отвечая на вопрос пришедшего навестить её Раймона. – О сирах тут очень много книг. Скажите, что именно я должна найти.

– Можно ли освободиться от сира?

– Так... посмотрим, – Сильвара пробежала пальцами по корешкам и, подковырнув ногтем один из них, вынула его и открыла, как показалось Раймону, на случайной странице. – Вот здесь. Здесь сказано, что старший в семье вампиров определяется раз и навсегда. Смерть его станет смертью всей семьи, неподчинение ему – станет смертью провинившегося.

Раймон помрачнел. Об этом он успел прочитать в первую неделю своего обучения.

– Но! – пальцы Сильвары скользнули по стопке книг, лежащих на столе, и быстрым движением извлекли самую нижнюю, умудрившись при этом не обрушить всю башню. – Вот тут есть отрывки из исследований Вальдеса, первородного. И здесь говорится, что Древние были оторваны от корней, – она смущённо покраснела, подняв глаза на Раймона, – то есть, как я думаю, их отрезали от сиров.

– Как это было сделано? – Раймон привстал на стуле и наклонился над столом, так что Сильвара с трудом заставила себя не отшатнуться.

– Тут не написано, – сказала она неловко и погрузнела, – простите, господин. Я не нашла, но я буду искать дальше.

Раймон медленно выдохнул, загоняя поглубже ком ярости, собравшийся в груди. Последнее время злость почти не утихала, и он готов был выплеснуть её на любого, кто подвернётся под руку, хоть и знал, что силы нужно поберечь для абсолютно особенного противника.

– Ничего, – Раймон покачал головой, – ты прости. Не хотел тебя пугать. И... «атхэ» мне нравилось куда больше.

Сильвара улыбнулась одним уголком рта.

– Атхэ, – повторила она и протянула пальцы к запястью Раймона, лежащему на столе, будто желая проверить, настоящий ли он.

Раймон только кивнул.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, вспомнив, что ещё утром девочка едва не грохнулась в обморок от потери совсем маленькой порции крови.

– Всё хорошо, – Сильвара кивнула. – Вы хотите есть? – в глазах промелькнул страх.

– Не сейчас, Сильви. Сейчас главное – твои дела в библиотеке. Я приду к тебе завтра вечером. Пока сама питайся получше. Тебе что-нибудь нужно?

Сильвара покусала губу.

– Гос... Рай... атхэ.... – девочка совсем растерялась, а потом решительно выдохнула. – Простите за дерзость, но если бы вы разрешили мне есть в библиотеке, поиски пошли бы быстрее.

Раймон торопливо кивнул.

– Я скажу Алмонду. Уверен, он поймёт.

Перед тем, как встать, Раймон поймал ладонь Сильвары, которая крупно задрожала под его пальцами, и с силой сжал. А затем, не говоря ни слова, вышел.

Следующий вечер не многим отличался от предыдущего. Обсудив с Сильварой результаты её поисков, Раймон направлялся к Свеа и долго сидел рядом с ней, отпустив Алмонда.

Свеа пришла в себя только на утро третьего дня, и тогда же выяснилось, что распоряжение Раймона: «Не давать командору выходить» – выполнить невозможно. Когда Раймон вернулся со службы, Свеа уже сидела в библиотеке, укрывшись пледом. Слева от неё лежала гора недописанных отчётов, справа – стопка книг, явно перекочевавшая туда со стола Сильвары.

Раймон вздохнул и опустился на корточки перед креслом вампирши.

– Ну и что ты тут делаешь?

Свеа подняла глаза от какого-то старинного фолианта и посмотрела на Раймона с деланным недоумением.

– Я здесь живу, – сказала она, – я даже хозяйка этого дома, хотя все почему-то об этом очень быстро забыли.

Раймон смутился, но решил не подавать виду.

– Ты больная хозяйка, – сказал Раймон, вынимая из её рук книгу. – У нас больным не дают управлять домом.

– У вас? – Свеа подняла брови. – Что-то ты совсем превратил мой дом в эльфийское царство. У нас, вампиров, нет слова «болезнь».

Раймон поймал ладонь Свеа, поправлявшую одеяло, и поднёс к губам.

– Свеа, всё это абсолютно не смешно. Ты не можешь пойти к ней снова.

Свеа чуть повернулась, поудобнее устраиваясь в кресле и стараясь не тревожить всё ещё ноющие порезы.

– Я так поняла, ты готовишь мировой заговор.

– Я сказал, что не отпущу тебя к ней.

Свеа коротко усмехнулась.

– А придётся, Раймон, – она отвернулась и посмотрела на Сильвару, стоящую у полки и задумчиво листавшую какую-то книгу. – Где та легенда, Сильвара?

Только сейчас Раймон обнаружил, что всё это время Сильвара исподтишка наблюдала за ними, а вовсе не читала.

– Вот, госпожа Свеа, – она торопливо протянула нужную книгу.

– «Баллада о Звере», – прочитал Раймон на обложке и поднял глаза на Свеа. – Надеюсь, это не детская сказка?

– Понятия не имею. Но тут говорится о том, как сир забрал у своего дитя кровь, всю без остатка, чтобы наказать его. Обращённому, чтобы выжить, пришлось выпить крови волка, и сам он обрёл силу и кровожадность волка, стал убивать людей, забыв о законах. Когда сир узнал об этом, он отдал своему дитя приказ остановиться, но тот не послушался. Обернувшись волком, он порвал горло своему сиру, а сам остался жить.

– Что-то безрадостная концовка...

Свеа усмехнулась.

– У нас много таких легенд, но каждая легенда скрывает истину. Эта, например, повествует о том, как зародилось племя оборотней на землях за Великой Рекой. Если правдива одна часть истории...

– ... то может быть правдива и другая.

Раймон задумчиво посмотрел на книгу.

– И ты хочешь, чтобы она забрала твою кровь? Надеюсь, ты не собираешься отпаиваться кровью диких животных?

– Нет, – Свеа покачала головой. – Кровь сира наделяет дитя особыми качествами – это мы видим даже в легенде о Звере. Впрочем, это я знаю и так, – Свеа усмехнулась, – достаточно посмотреть на твои метания с выбором миньонов. Оптимально было бы использовать кровь того, в ком я уверена, – Свеа улыбнулась одним уголком губ. – Вряд ли Данаг согласится второй раз сыграть со мной в карты. Но ты можешь дать мне свою кровь. Мой статус в семье снизится, но у Данага и нет семьи как таковой. Зато мы сможем построить свою.

– Ты... – Раймон облизнул губы. На язык просилось уже сказанное дважды «Свеа, это слишком много», но в глубине души он понимал, что другого выхода просто нет. – Конечно, – сказал он

только, а затем всё же добавил. – Но главная проблема состоит в том, чтобы вынудить Ламию забрать твою кровь.

Свеа кивнула.

– И это мне придётся сделать самой. Ты должен лишь быть готов к тому, чтобы напоить меня, когда я выберусь из её логова.

– Когда ты выберешься? – Раймон поднял бровь. – Лишённая крови?

– Я выберусь, – твёрдо сказала Свеа.

Раймон промолчал.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал он, желая сменить тему. – Ты должна быть здорова, когда она позовёт тебя снова.

Свеа кивнула и попыталась встать, но глядя, как дрожат пальцы вампирши, сжатые на краешке стола, Раймон попросту взял её на руки и понёс в спальню.

– Я навещу Сильвару и вернусь, – сказал он, целуя бледный прохладный лоб.

– Рада, что ты образумился, – Свеа слабо улыбнулась. Раймон не стал её разубеждать.

Вернувшись к эльфийке, он обнаружил, что та сидит в освободившемся кресле. В левой руке её было печенье, а в правой – всё та же «Легенда о Звере».

Почувствовав приближение Раймона, она вздрогнула. Опустила взгляд в книгу, но жевать не перестала.

– Думаешь, там есть ещё что-нибудь полезное?

– Что? – девушка покраснела. – Нет, простите. Просто интересно, встретится ли он снова с... – Сильвара покраснела ещё сильнее. – А вы не читали, да?

Раймон покачал головой. Махать мечом ему было куда интереснее, чем читать, как это делают другие, но он не хотел в этом признаваться.

– Сильви...

– Вы хотите... – девочка побледнела.

Раймон вздохнул. Вот и верь после этого словам о том, что миньоны сами будут мечтать подставить тебе шею. Сильвара была пока что всем хороша, вот только есть её всё равно было стыдно.

– Пока нет, – сказал он. – Знаю, ты, наверное, устала, но я хочу, чтобы ты нашла ещё кое-что.

– Да, атхэ, – Сильвара улыбнулась, и лицо её будто бы засветилось изнутри.

– Поищи, пожалуйста, есть ли способ полностью изменить запах вампира?

Сильвара задумалась, а затем серьёзно кивнула.

– Хорошо, атхэ, – на секунду она закусила губу, а когда Раймон уже повернулся, чтобы уйти, окликнула его. – Атхэ... а то, что мы ищем... Это для Свеа, да?

Раймон усмехнулся. Он уже не раз замечал, что даже собственные миньоны зовут Свеа по имени. Как при этом командор умудрялась сохранять дисциплину в полку, Раймон не представлял.

– Да, – сказал Раймон, обернувшись через плечо.

Сильвара серьёзно кивнула и отложила книгу в сторону.

– Тогда вы утром зайдите. Я за ночь постараюсь найти.

Раймон кивнул и вышел.

Но на следующий день он добрался до библиотеки только к вечеру, и то ненадолго. С самого утра прилетел гонец с вестью, что полк должен быть готов к полуночи – тогда же прибудет император. Солдаты чистили двор и лошадей, последний раз репетировали построение, которое закончилось явлением едва стоящего на ногах командора. Раймон с трудом заставил себя не отводить взгляда от медленной, ковыляющей походки Свеа, но та честно выстояла перед полком два часа, после чего едва не свалилась в подставленные ей руки. Стараясь никому не попадаться на глаза, Раймон оттащил её домой, несколько раз спросив:

– Каково чёрта ты делаешь?

– К визиту императора всё должно быть готово, – упрямо отвечала Свеа.

– Ты сама-то была бы готова, – Раймон уложил Свеа на постель и принялся раздевать.

– Что ты творишь? – спросила Свеа и попыталась сесть, но без всякого успеха.

– Поспи хоть до одиннадцати, – примирительно попросил Раймон, и Свеа, поколебавшись, кивнула. – Я скажу Алмонду, чтобы разбудил.

Свеа поймала его руку, уже готовую соскользнуть прочь.

– Раймон...

Раймон поднял взгляд на командора.

– Ничего, – Свеа отвернулась.

Раймон крепко сжал её руку в ответ и поспешил в библиотеку.

Сильвара дремала над раскрытой книгой.

«... Сверкающий меч пронзил брюхо демона...» – виднелось из-под её взлохмаченного затылка.

– Сильви, – Раймон потряс её за плечо, и девочка вскинулась. Затуманенный взгляд медленно сфокусировался на Раймоне.

– Атхэ... – Сильвара помотала головой, будто мокрая кошка. – Я нашла. Вот здесь, – она откопала среди других потрёпанную книжку «Об ароматах крови». – Всё очень просто. Запах создаёт кровь. Сир чует в обращённом свою кровь. И так же можно почуять принадлежность вампира к определённой семье. Но кровь состоит из двух частей: вечная – та, что присуща самому носферату. И временная – та, что приходит к нему с едой. Так кровь могущественных существ даёт выпившему их силу, но только на время. Другое дело – кровь, использованная для обращения. Запах и сила сира сопутствуют вампиру постоянно. Но после еды ненадолго свойства его организма меняются, и он пахнет едой.

– То есть, чтобы присвоить себе чужой запах, нужно выпить его крови?

– Да, но это поможет лишь ненадолго. Запах и сила сира будут возвращаться вместе с жаждой.

Раймон усмехнулся. Так просто.

– Спасибо, – он потрепал Сильвару по затылку, а затем рука его замерла. Девочка выглядела необычайно... аппетитно. Будто булочка с апельсиновым джемом. И самым отвратительным оставалось то, что Раймон прекрасно знал – сегодня ему в самом деле нужна кровь. Он вымотался и устал, а день, по сути, только начинался.

Сильвара поймала его взгляд и замерла, будто кролик перед удавом.

– Атхэ... – сказала она неуверенно, сама не осознавая, что пытается надавить на жалость.

Раймон только кивнул.

Сильвара облизнула губы.

– Если хочешь, можем попробовать по-другому, – предложил Раймон, – тебе должно быть приятно, если я...

Девочка покраснела.

– Я никогда... – выдавила она. – Если вы хотите... гос... Раймон. Но если можно, я бы сделала как в прошлый раз.

Раймон кивнул.

– Уйдём отсюда.

Они переместились в уже знакомую гостиную, и снова Сильвара упала на колени – изящная, будто птица, подбитая стрелой охотника.

Она старалась изо всех сил, но движения её были механическими, а вид беззащитного существа, сгорбившегося у его ног, вызывал у Раймона непреодолимое отвращение.

Раймон закрыл глаза, пытаясь представить на месте Сильвары кого-то другого. Вначале мысли его метнулись к Свеа, но он тут же понял, что коленопреклонённая Свеа вызывает у него только тоску. Свеа хотелось видеть лежащей рядом и обнимающей его. Или стоящей в полный рост на плацу и принимающей парад гвардейского полка. Мысли же о том, что можно поставить Свеа на колени, заставляли думать о её изуродованном сейчас теле и неведомом глумящемся сире.

Раймон прогнал их и представил бледные губы на безупречном лице фарфоровой статуэтки. Влажные длинные ресницы и растрепавшиеся белые кудри.

Он не заметил, как с силой вдавил в свой пах голову Сильвары, представляя, как изливается в девственное и ранимое нутро Ингрид, стоящей на коленях, целующей, принимающей его в себя. Только услышав испуганное мычание, он открыл глаза и, поняв, что натворил, притянул к груди перепуганную Сильвару.

– Прости, прости, прости, – зашептал он торопливо, приглаживая промокшие от пота пряди волос.

– Всё хорошо, – Сильвара отвела взгляд, и совесть больно кольнула Раймона под ребро.

Чуть успокоившись, Сильвара отвела в сторону волосы и изогнула шею. Сегодня она выдержала заметно дольше, хотя всё ещё была слаба.

– Иди спать, Сильви, – прошептал Раймон, отпуская девушку и поглаживая её по волосам. – Хочешь, провожу?

Сильвара покачала головой. Она всё ещё выглядела обиженной, но, посмотрев на часы, Раймон понял, что успокаивать её уже нету времени. Поднявшись, он вернулся в спальню Свеа, чтобы переодеться в парадную форму. Та лежала, закрыв глаза, но явно не спала. Уже на

лестнице Раймона остановил Алмонд и молча протянул запечатанный свиток.

Раймон покрутил его в руках и с недоумением посмотрел на Алмонда.

– Это от Ламии, – сказал он, – я подумал, вам будет интересно узнать.

Он забрал свиток и шагнул наверх.

– Стой... – Раймон поймал его за плечо. – Когда?

Алмонд пожал плечами.

– Я не читаю. Но обычно она уезжает к принцессе сразу же, получив письмо.

Алмонд отвернулся и пошёл дальше.

Раймон стиснул зубы. За окнами уже грохотали трубы, приветствуя приближение Императора.

* Атхэ – у эльфов что-то типа японского сэмпай. Старший товарищ, старший друг.

Глава 17. Древняя

Когда грохот труб огласил округу, Свеа уцепилась пальцами за спинку кровати и попыталась встать. Проклятый Раймон обвёл её вокруг пальца – будить командора никто не спешил.

Преодолевая боль в груди – остальные раны почти затянулись – она подошла к шкафу и, сняв с вешалки первую попавшуюся сорочку, принялась одеваться.

Уже застегнув парадный китель, она на секунду замерла перед зеркалом. Нехватка крови всё ещё чувствовалась, несмотря на все старания домочадцев. Под глазами залегли тёмные круги, и сама себе Свеа вовсе не казалась достойной взгляда Императора.

Звук открывающейся двери прервал её размышления, и Свеа обернулась.

Алмонд замер на пороге.

– Простите, – юноша протянул перед собой свиток и отвел взгляд.

В груди похолодело. Свеа облизнула внезапно пересохшие губы и, забрав свиток у помощника, непослушными пальцами попыталась сломать печать. Получилось не с первого раза, но, наконец, она смогла развернуть бумагу и прочитать такие знакомые строки:

«Мне жаль, что наша прошлая встреча расстроила вас, – писала Ламия. – Надеюсь, сегодняшняя пройдёт успешней. Жду».

Ещё раз облизнув губы, Свеа подняла глаза на Алмонда, но тот старательно отводил взгляд.

– Я пойду, – сказала она тихо. – Приготовь карету.

– Свеа! – перебил её голос полуэльфа, и Свеа разглядела в полумраке коридора ещё одну фигуру.

– Я знаю, что ты скажешь, Раймон. Не трать наше общее время.

Раймон покачал головой.

– Я пойду с тобой, – заявил он тоном, не терпящим возражений.

Свеа лишь усмехнулась.

– Нет, – сказала она и шагнула вперёд, но Раймон тут же отступил глубже в тень, – тебя ждёт твоё будущее, Раймон. Кучер доставит меня обратно. Ты там не нужен.

Раймон молчал.

– Ты же прибыл сюда, чтобы добиться успеха при дворе, – продолжила Свеа. – Так давай. Второго шанса не будет. Император не прощает ошибок.

Раймон продолжал молчать. Свеа приблизилась ещё на шаг, и Раймон снова отступил.

– Удачи, – выдохнул полуэльф и невесомой тенью скрылся во мраке.

Свеа кивнула.

– Удачи мне, – сказала она тихо и медленно, придерживаясь рукой за стену, стала спускаться.

Когда командор появился у ворот, кучер метнулся к нему, чтобы помочь забраться в карету, но Свеа остановила его уверенным жестом и всё сделала сама.

Колёса застучали по мостовой в такт с ударами сердца, которое давно уже не должно было биться. Дворцы и фонтаны Гленаргоста проносились за окнами, такие знакомые – и такие чужие.

Она знала этот маршрут так же хорошо, как дорогу от кабинета до спальни. Порой ей казалось, что эта дорога – её плата за вечную жизнь, за второй шанс, которым она так и не сумела воспользоваться.

Когда-то давно – хотя, что такое давно по меркам вампиров? И всё, же ей казалось, что это было сотни лет назад, в прошлой жизни. Когда-то давно она так же ехала в карете по этому пути, мучимая

головной болью, которая казалась ей самой страшной болью в мире. В руках она сжимала бумаги – множество черновиков, исследования по истории, которые так и не были закончены. Она стояла перед Ламией на коленях и просила дать ей возможность изменить мир. Тогда она ещё не знала, как часто ей придётся ездить этой дорогой, не знала, сколько ещё раз она встанет на колени перед принцессой, вечной как само небо и наполненной неведомой, непонятной живому злобой.

Карета остановилась, и Свеа выбралась наружу. У дверей дворца привычно стояла стража – двое мужчин в чёрных плащах с алым гербом Ламии на груди. Лица скрывали низко надвинутые капюшоны и алые как кровь маски – Ламия не любила видеть лиц тех, кто ей служит. Все они были для неё марионетками. Никто не имел места в её маленькой груди.

– К госпоже, – бросила Свеа, останавливаясь.

Стражи переглянулись и кивнули друг другу.

Один из них открыл дверь, и Свеа вошла внутрь. Страж последовал за командором.

Оба миновали анфиладу комнат, повернули направо и вышли к святой святых особняка – будуару принцессы.

Здесь у дверей стояло ещё двое стражей в таких же безликих костюмах.

Снова обмен взглядами и кивки.

Ещё один страж отделился от стены и присоединился к процессии.

Двери открылись.

В просторной зале, где легко могла бы поместиться сотня гостей, царил полумрак. Света свечей, расставленных вдоль стен, хватало лишь на то, чтобы осветить края комнаты. Много раз Свеа задавала себе вопрос – почему Ламия не использует магию, чтобы сделать это место уютней, и сама же себе отвечала: она была слишком стара. Она пришла из тех времён, когда магия ещё была чудом, а воск для свечей ценился едва ли не на вес золота. Ламия была порождением другой эпохи – дикой, жестокой, наполненной хищными инстинктами и кровью настоящих жертв. Быть может, потому ей так трудно было принять новые законы, отказаться от того, что было её частью – от желания убивать. Именно эти тайны привлекли Свеа к такой хрупкой

на вид, вечно обречённой носить лицо ребёнка, старейшей из женщин Империи. Они стали судьбой Свеа – и её гибелью.

Ламия возлежала на подушках, затянутых в пурпурный шёлк. Рыжие локоны разметались по постели. Маленькие пальчики путались в них, закручивая в спирали и тут же отпускали.

«Нервничает», – поняла Свеа.

Тонкое тело изогнулось дугой. В белых складках пеньюара оно казалось телом изломанной куклы. Слишком тонкие кости почти не приминали перину, а ступни, видневшиеся из-под кружевной оторочки, казались ещё бледнее тонкой ткани. Свеа знала, что если коснуться их, они окажутся холодными, как лёд.

– Свеа... – принцесса почти простонала её имя, и Свеа знала, что в этом нет игры. Ламия выглядела опустошённой. Ни один из вампиров Гленаргоста не творил магию так легко и так часто, как она. Но любая сила требует платы, и Ламия платила за свою соответственно – больше, чем любой другой из вампиров. – Мне холодно.

– Что мне сделать, сир? – Свеа склонила голову. Она знала, что говорить о том, ради чего она пришла, нужно сейчас. Потом уже не будет сил, чтобы спорить. Но Ламия сама вела разговор и сама направляла его в то русло, которое интересовало её. Её голос лишал воли, лишал мыслей и целей, оставляя одно желание – угождать.

– Поцелуй, – Ламия вытянула вперёд тонкую аккуратную ступню с маленькими пальчиками, и Свеа, опустившись на колени перед её ложем, коснулась поцелуем большого пальца.

Ламия приподнялась на локтях. В глазах её промелькнула внезапная злость, и она вырвала лодыжку из пальцев Свеа.

– Ты холодная, – сказала она зло. – Холодная, как эти стены. Как камни Убежища. Как мертвец.

– Простите, сир, – Свеа опустила взгляд.

Ламия прогнулась, в один миг оказываясь рядом, и ледяными, неожиданно сильными пальцами сжала щеки Свеа.

– Ты хочешь что-то спросить, дитя?

Свеа сглотнула. Попыталась закрыть глаза, но неведомая сила удерживала её веки открытыми. Вопреки приказу, сказанному вслух, она видела в глазах Ламии запрет, и эта необходимость отвечать и молчать одновременно разрывала на части.

– Отпусти... – выдохнула она.

– Что? – Ламия подняла брови, и глаза её едва заметно округлились, а личико отразило недовольство.

– Отпусти... меня... сир...

Ламия в самом деле убрала пальцы и расхохоталась.

– Свеа... о, Свеа... не думала, что ты так наивна. Ты нашла старые книжки? Что-то любопытное о моей дорогой Эран?

Ламия хищно улыбнулась.

– Она мертва, Свеа. И её идеалы сгорели вместе с ней. Мы – вампиры. Мы – хищники. Боль и смерть – наше вино. Страдания других опьяняют нас, мы живём чужой ненавистью, – Ламия снова склонилась к своей обращённой, так, что дыхание принцессы коснулось её губ. – Твоей ненавистью, Свеа. Она так вкусна...

Ламия скользнула острым язычком по алым губам.

– Я... сделаю... то...

– Ты сделаешь всё! – перебила её Ламия и легко, будто тряпичную куклу, оттолкнула, заставляя упасть на пол. – Ты всегда будешь делать то, что я скажу, Свеа. Ты – моя игрушка. Только смерть освободит тебя, – она склонила голову на бок. – Хочешь умереть, Свеа? Достань клинок и пронзи себя насквозь. Пусть твоя кровь покроет узорами мой пол. На большее она не годится.

Рука командора будто бы не принадлежала ей. Точно со стороны Свеа видела, как пальцы ложатся на гарду меча и медленно тянут эфес вверх.

Зелёные глаза Ламии горели колдовским пламенем так далеко и так близко.

А затем раздался звон металла. В первый миг Свеа решила, что это её собственный меч звенит о ножны, но она ещё не успела извлечь и половины. Один из охранников рухнул на пол и тут же обратился в прах.

Ламия повернулась на звук и зашипела как змея. Морок ослаб, и Свеа почувствовала, что может двигаться сама, хотя воля сира всё ещё была слишком сильна. Затем Ламия закричала, но Свеа лучше, чем кто бы то ни было, знал, что эти стены не пропускают криков. И всё же в следующий миг двери открылись, ещё один страж показался на пороге и тут же осел на паркет горсткой пепла. Дверь снова захлопнулась. Теперь внутри было трое. Она. Сир. И ещё один страж.

Страж метнулся к Ламии, как пантера одним прыжком преодолел половину комнаты, и Свеа увидела, как клинок входит в грудь Древней.

«Покушение», – мелькнуло в голове у командора, и она метнулась к убийце, защищая не столько жизнь принцессы, сколько свою. Оторвать нападавшего от Ламии оказалось непросто, Свеа всё ещё с трудом преодолевала слабость. Завязалась борьба, капюшон и маска слетели на кровать, и Свеа замерла, увидев перед собой полные ярости глаза Раймона.

Только теперь она ощутила тонкие струйки знакомого запаха, вплетавшиеся в обычные запахи дома Ламии – роза, паприка, жасмин.

С постели послышался хохот, и Свеа поняла, что рука её сама собой тянется к горлу Раймона.

– Это будет забавно, – Ламия захлопала в ладоши. – Два ублюдка убьют друг друга.

– Свеа... – выдохнул Раймон, пытаясь отцепить пальцы командора от своего горла. Ударить её, зная о том, какую боль Свеа испытывает сейчас и без этого, было почти невозможно. Раймон бросил быстрый взгляд на дверь. Маленькое чудовище, спрятавшееся под ликом беззащитности, уже сумело один раз позвать подмогу, и Раймон почти не сомневался, что Ламия сделает это снова, как только начнёт проигрывать. Рывком оторвав от себя запястья Свеа, он со всей силы швырнул командора к стене, так далеко, чтобы она не успела подобраться к месту сражения сразу. Сам же Раймон вынул из-за пояса кинжал и резко нанёс удар, рассекая грудь Ламии по вертикали. Он провернул клинок и потянул на себя, не слушая истошного вопля изумлённой вампирши. Похоже, концентрация снова спала, потому что Свеа не спешила ей на помощь. Раймон подтянул к себе маленькое тело и ворвался в горло Ламии клыками, глотая быстро, как только мог. Ламия медленно затихала. Поначалу она пыталась бить его по груди, и удары её походили на удары свирепого барса – маленькие ладошки причиняли неожиданно сильную боль. И всё же с каждым глотком она слабела. В конце концов, маленькое тело обвисло в его руках, но Раймон потянул на себя ещё раз, осушая её без остатка. С удивлением он понял, что эти самые последние глотки – в сто крат вкуснее всех остальных.

– Свеа... – выдохнул он, отстраняясь от Ламии.

Свеа уже была рядом. Лицо её отражало недоумение и смутное торжество.

– И что теперь? – спросила она мрачно.

– Начинай поить её своей кровью.

Свеа усмехнулась.

– Пара глотков – и она снова начнёт свои фокусы.

Раймон задумался. Это не пришло ему в голову.

– Как думаешь, она боится боли? – спросил он, наконец усмехаясь.

Свеа внимательно посмотрела на него, и во взгляде её было что-то странное.

– Тут всюду её люди, – сказала она медленно.

– Заберём с собой?

– Нас выследят по запаху и казнят – по законам Империи.

– Тогда решим дело здесь, – Раймон твёрдо кивнул, – запри дверь.

Подняв на руки маленькое тельце, он отнёс Ламию к стене. Вампир содрогнулся, увидев, что в этом месте обои уже украшают алые разводы.

Ламия смотрела перед собой огромными слепыми глазами, и Раймон не мог понять, в сознании она или нет. Он прислонил её к стене и, взяв кинжал, пригвоздил одну ладонь вампирши к стене.

– Что ты делаешь? – подошедшая вплотную Свеа поморщилась. – Давай её сюда.

Она отодвинула бархатную штору совсем рядом, и Раймон увидел вделанные в стену крюки. Как пользоваться такими устройствами, он не знал, но при помощи Свеа закрепил бесчувственное тело на стене. Крюки оказались для Ламии слишком высокими, и пришлось удлинить спускавшиеся с них цепи, но это было даже к лучшему – теперь кровь, капавшая с рассечённого запястья Свеа, падала прямо на губы принцессы. Когда третья капля коснулась её кожи, Ламия дёрнулась, приоткрывая рот, и острый язычок поймал следующую.

Процесс шёл медленно. Свеа с трудом держалась на ногах с самого начала, а по мере того, как её жизнь переходила к Ламии, стоять становилось всё тяжелее.

Когда Ламия зашевелилась, и взгляд её стал осмысленным, Раймон вынул воткнутый в стену кинжал и приставил к её горлу. В глазах Ламии вспыхнула ненависть. Раймон снова наклонился к ней и

прикусил шею рядом со следами от прошлого укуса. В ней всё ещё было мало крови, но он выпил и эту. Раймон чувствовал, как неведомая ранее сила наполняет его тело с каждым глотком, и сила эта пылала огнём в его венах. Голова кружилась. Жажда изменила цвет, и хотя он пил за вечер уже третью жертву, становилась лишь сильнее с каждой секундой.

Он отстранился, уступая место Свеа, и всё повторилось снова. Они менялись местами ещё трижды. Свеа уже висела в его руках, и запястье её у губ Ламии приходилось придерживать Раймону. Наконец кровь перестала сочиться из надреза, и сам надрез уже не пытался затянута. Ламия слабо вращала глазами, но двинуться не пыталась.

Подняв Свеа на руки, Раймон подошел к окну. Прикрывая голову командора краем плаща, он плечом разбил стекло. Он сам не знал, как сделал то, что произошло потом. Просто осознание того, что он может это сделать, наполняло каждую клеточку тела, когда оно рассыпалось обрывками тьмы. Сознание разделилось на сотни кусочков, и каждый из этих осколков был занят мыслями о том, как удержать бесчувственное тело командора, поднимаясь в ночное небо.

Они оказались во дворце задолго до рассвета. Раймон укутал Свеа в одеяло, но кормить боялся. Безумие всё ещё клекотало в нём, и он не был уверен, кто он на самом деле, не пришла ли вместе с кровью в его тело и душа Древней. Раймон уснул, сидя на полу рядом с постелью Свеа и опустив подбородок на край одеяла. Наверняка кто-то тревожил их днём, но будить не решился никто.

Проснувшись, Раймон обнаружил, что за окнами снова темно. Злость улеглась, уступив место усталости. Только теперь Раймон решился. Он надорвал зубами запястье и приложил ранку к губам Свеа. Поначалу та не пила, лишь позволяла густым каплям стекать по горлу. Затем начала понемногу посасывать запястье, и, наконец, открыла глаза.

– Получилось? – только и спросила она. Раймон кивнул. У самого у него кружилась голова. Хотелось прилечь, и он заполз на постель рядом со Свеа, уложил её голову себе на грудь и крепко обнял. Свеа снова уснула, а Раймон долго смотрел в темноту перед собой и пытался осмыслить случившееся. «Кровь делится на две части...

постоянную и временную...» – билось в голове. Но он всё ещё чувствовал на грани сознания бесконечную злобу Древней. Или это была его собственная злоба? Он не знал.

Уже под утро в дверь постучали, и на пороге появился Алмонд.

– Результаты смотра... сэр.

Юноша окинул представшую его взору картину. Два окровавленных тела тесно переплелись на перепачканной алым постели. «По крайней мере, оба одеты...» – промелькнула в голове Раймона непрошенная мысль.

– Давай, – Раймон протянул руку и взял свиток. Он знал, что ждать ему нечего, но надеялся, по крайней мере, что друзья справились хорошо.

Уже надрывая печать, Раймон обнаружил, что Алмонд всё ещё стоит, не шевелясь, и смотрит в закрытые глаза командора.

– Как она? – спросил Алмонд тихо. – У неё изменился запах.

Раймон устало кивнул.

– С ней всё будет хорошо. Теперь.

Алмонд кивнул, но вслух всё же сказал.

– Ламия будет в ярости.

– Плевать, – отрезал Раймон, снова опуская глаза на свиток. Ненависть с новой силой зашла в груди при мысли о том, что они всё ещё должны считаться со злобной дрянью, едва не прикончившей Свеа.

Алмонд отошёл к двери, но уже на пороге остановился.

– В вас тоже, – сказал он тихо, – что-то изменилось.

– Это временно, – Раймон сжал зубы, загоня клокочущую ярость далеко в глубины себя.

Алмонд ничего не ответил. Молча вышел и затворил за собой дверь.

Раймон, наконец, сорвал печать и раскатал свиток.

Император считал, что полк подготовлен плохо. В этом он видел причины неудач на Западе. И всё же он называл имена трёх бойцов, которых желал перевести в личную гвардию: Лен из семьи Ламии, Дарел из семьи Гая... Раймон облизнул губы и моргнул, потому что последним именем значилось: Раймон из семьи Данага.

Глава 18. Новости придворные и приграничные

Раймон лежал на диване, обитом красным бархатом, и смотрел в окно. Солдаты, с которыми он двенадцать лет назад начинал служить Империи, маршировали из конца в конец плаца в третий раз. Свеа явно не собиралась давать им поблажек.

Сильвара сидела в кресле напротив и то ли читала какую-то книгу, то ли дремала.

За двенадцать лет эльфийка почти не изменилась. Только медная серёжка в её ухе сменилась золотой, подаренной Раймоном, да кожа стала нежной, будто шафран. Эльфы выросли так же медленно, как и старели, и каждый раз, глядя на неё, Раймон думал – осталась ли прежней Ингрид?

Она была старше Сильвары на десять лет, но, судя по тому, как выглядела девушка, десять лет не значили для чистокровных эльфов ничего.

Правда, Сильвара стала спокойней. Она устраивала истерики при любой попытке нарушить её личное пространство почти год, а потом как-то резко затихла, и вместо того, чтобы отбиваться, стала просто краснеть. Наверное, вступила в ту самую пору. Один раз даже спросила Раймона, не хочет ли тот передать силу по-другому? Но тогда Раймон не нашёл, что ответить, а потом уже никто из них не поднимал эту тему.

Ламия больше не давала о себе знать. Её не видели при дворе, и никто не слышал, чем она занята. Только спустя неделю после нового назначения Раймона император вызвал его к себе и долго серьёзно расспрашивал, что он знает о Древней. Атрей внимательно вглядывался в глаза Раймона, будто пытался вынуть его душу наружу, но, видимо, так и не получил того, чего хотел, и в конце концов отпустил его с миром.

Со Свеа Раймон теперь виделся редко – зато всегда с большим удовольствием. Свеа тоже совсем не изменилась. Так же выматывала себя до изнеможения без всякой в том нужды, будто мстила себе за что-то.

Большую часть времени Раймон проводил во дворце. Об обещании, взятом с юного обращенного, Свеа не вспомнила ни разу. И, как и предсказывал командор, при дворе почти сразу нашёлся десяток желающих стать миньоном приближённого императора. Теперь уже Свеа удержала Раймона от поспешных решений, напомнив, что далеко

не каждого стоит пускать в свой дом. Советы она давала не часто, зато никогда не ошибалась.

– Что читаешь? – бросил Раймон, продолжая смотреть на стройную фигуру в тёмно-синем кителе, указывающую солдатам направление марша.

Сильвара зевнула.

– «Розы в саду Императрицы».

Раймон поднял брови и усмехнулся. Это было что-то новенькое. До сих пор девушку интересовали исключительно рыцарские романы.

– Больше нету ничего, – торопливо добавила Сильвара, будто угадав мысли вампира.

Отвлёкшись на разговор, Раймон не сразу заметил, что стройная фигурка с плаца куда-то исчезла, хотя построение продолжалось.

Раймон собирался сесть и пойти проверять, что же там произошло, но не успел. Мягкая рука оказалась у него на плече, и мягкий голос прозвучал у самого уха:

– Рэй?

От этого голоса по телу пробежали мурашки. Будто он был не вампиром, ежедневно сбрасывавшим напряжение с миньонами, а подростком-девственником.

– Привет, – Раймон прижал плотнее оказавшуюся у него на плече ладонь, запрокинул голову и улыбнулся, встретившись со взглядом ясных синих глаз. – Не подкрадывайся так.

Свеа фыркнула и опустила на подлокотник дивана над его затылком.

– Свеа! – Сильвара тоже расплылась в улыбке и подпрыгнула на месте, захлопывая книгу.

– Привет, – Свеа прижала к груди подскочившую к ней эльфийку, но взгляд её по-прежнему был устремлён в глаза Раймону.

Полуэльф – если так ещё можно было назвать лежавшее перед ней существо – сильно изменился. Свеа прекрасно знала, что тело вампира почти не может меняться физически, таков был залог их бессмертия. Но если бы не это знание, Свеа с уверенностью сказала бы, что Раймон повзрослел. От того мальчишки, что она приютила когда-то, не осталось и следа. Раймон никогда не выглядел хрупким, каким мог бы быть эльф, но за прошедшие двенадцать лет его сильное тело

наполнилось ленивой грацией. Раймон прекрасно знал, чего стоит, и мысли о прошлых обидах явно давно уже не терзали его.

Оторвать взгляд от такого Раймона было невероятно трудно. Чёрные глаза будто затягивали в неведомую пучину. Да и сам гвардеец явно не спешил разрывать невидимую связь, протянувшуюся между ними. Он всё так же удерживал на плече пальцы Свеа, и на секунду в голову командора пришла нелепая мысль, что они могли бы оказаться семьёй – если бы вампиры могли иметь семьи в настоящем смысле этого слова.

– Я всего на два дня, – сказал Раймон, прерывая затянувшееся молчание, и Свеа со вздохом отпустила Сильвару. Девушка тут же столкнула с дивана сапоги Раймона и с ногами забралась на освободившийся конец.

– Я и сама скоро уезжаю, – произнесла Свеа машинально.

Раймон поморщился.

– Всё туда же.

– Ну да, – Свеа пожала плечами. – Империя удачно расширила границы на восток и юг. Дальше двигаться туда опасно – по крайней мере, так убеждают императора Данаг с Рамангой. На севере только океан, так что двигаться там некуда. А Императору нужны пленные. И значит... нужно Сумеречное королевство.

– Почти пять лет он тебя не трогал, – пробормотал Раймон, сам не зная, что заботит его больше – отъезд Свеа или новые беды сумеречного народа.

Свеа заметно помрачнела.

– Это верно. Из-за гор пришли вести, что дом Золотого Дракона пал.

Сильвара пискнула, и оба вампира, обернувшись, увидели, что она зажала рот ладонями.

– Что с тобой? – устало спросил Раймон, который уже привык к обострённым реакциям эльфийки.

Сильвара торопливо замотала головой.

– Ничего... просто читала... какой великий это был дом... столько героев. И владыка Сайрен... Он? Что с ним?

– Все убиты, – Свеа покачала головой.

– Вампирами? – выпалила девушка.

Свеа поморщилась.

– Силь, ты слушаешь через слово. Вампиров даже на границе давно уже нет... Не знаю, похоже, какая-то междоусобица.

– Саламандры... – выдохнула Силь, и два вампира переглянулись.

– Что ты ей читать даёшь? – спросила Свеа.

– Она сама берёт... Всё, что плохо лежит... – растерянно ответил Раймон.

– Простите... – пробормотала Сильвара и, отвернувшись, потянула со стола какую-то книгу.

Свеа понаблюдала за ней ещё пару секунд. Лицо девушки выглядело так, будто она вот-вот заплачет. Впрочем, разрыдаться над судьбами книжных героев было вполне в духе Сильвары, и Свеа снова повернулась к Раймону.

– Я понял, – Раймон вздохнул. – Можешь не продолжать. Атрей решил, что это отличное время нанести удар... Жалко эльфов.

– До сих пор? – Свеа подняла брови.

Раймон не ответил. Только пожал плечами и снова уставился за окно. Не заметил гвардеец и как Сильвара подняла глаза от книги и долго тоскливо смотрела на него.

– А что насчёт тебя?

Раймон пожал плечами.

– Да тоже ничего нового. Служба. Знаешь про эти слухи... Насчёт Грэга?

Раймон обернулся к Свеа и та серьёзно кивнула.

– Очень нехорошие слухи.

Раймон фыркнул.

– Одним Древним меньше...

Свеа покачала головой.

– Нет, Рэй. Если кто-то нашёл способ избавляться от Древних, этот кто-то может перевернуть всю Империю. К добру или к худу? Я не знаю.

– Неужели ты не хотела бы, чтобы Ламия сгинула навек?

Свеа пожала плечами.

– Нет, наверное... Она оставила меня в покое. Это главное. У меня слишком мало времени, чтобы тратить его на ненависть к людям из моего прошлого.

Раймон покачал головой.

– Ты всегда была... странной.

– Странной? – Свеа подняла брови и улыбнулась.

– Да. В тебе нет злобы. Совсем. Не представляю, как можно так жить.

Свеа пожала плечами.

– Думаю, что лучше, чем упиваясь ненавистью.

Оба замолчали. Раймон разглядывал искорки в ярко-голубых, как летнее небо, глазах. Никогда раньше он не думал, что так любит чистое небо.

– Так значит... – Свеа прокашлялась. – Что это, собственно, значит?

– Да просто Атрей... Император... загорелся странной идеей. Хочет увидеть всё своими глазами. Он считает, что если Грэг жив, то он сможет это «почувствовать». Только не распространяйся об этом. Мало кто знает о его причуде. Он берёт с собой всего троих телохранителей... ну, и среди них меня.

Свеа кивнула.

– Дурацкое и опасное дело, – сказала она. – Узнав об исчезновении Древнего, ему стоило бы запереться на семь замков и не высовывать носа наружу, пока другие не расследуют всё за него.

– Да он уже пробовал, – Раймон прицокнул языком. – Сначала посылал тайную полицию, потом Ивон... Все говорят, что Грэг ни жив, ни мёртв. И Атрей не выдержал. Не знаю, что он хочет там найти, да и не моё это дело.

– Ясно, – Свеа коротко усмехнулась. – Ну что ж... – достав из-под стола бутылку, она откупорила пробку и принялась разливать вино по бокалам. – Всё равно я рада, что ты здесь. Пусть и ненадолго. Снова.

Раймон усмехнулся.

– Я тоже рад. Ты и не представляешь как.

Пальцы Свеа дрогнули, и капля вина упала на белоснежную манжету.

Раймон взял в руки свой кубок и звякнул о край кубка Свеа.

– За встречу.

Они ещё долго сидели, разговаривая о пустяках – о погоде, о придворных и пограничных новостях, о новых миньонах и старых знакомых. Взгляд Свеа то и дело замирал, встретившись со взглядом чёрных глаз, но Раймон тут же отворачивался к окну.

И только Сильвара весь вечер просидела молча, почти не слушая чужой разговор. А потом, когда все стали расходиться спать, увязалась за Раймоном и забралась к нему в постель. В ту ночь она двигалась упоительно сладко, будто стараясь утонуть в чужом наслаждении, а когда Раймон выпил её крови и предложил отвести в отдельную спальню, задрожала и принялась качать головой.

– Не надо. Пожалуйста.

Раймон только пожал плечами.

– Нет, так нет.

Он убрал руку с плеча эльфийки, позволяя встать, но Сильвара не двигалась. Она крепко стискивала пальцами плечи и смотрела перед собой.

– Можно, я останусь? – выпалила Сильвара наконец.

Раймон некоторое время смотрел на неё, пытаясь понять, что происходит. Сильвара всегда убегала, едва дело было сделано, видимо, спешила умыться и обо всём забыть. Да и сам Раймон вовсе не стремился развивать постельную часть их отношений. Но сейчас девушка выглядела такой хрупкой, будто тростинка, которую легко сломает порыв сильного ветра.

– Конечно, – сказал Раймон и притянул её к себе, укладывая на подушки. Сам он уже был раздет и хотел было помочь Сильваре, но та торопливо убрала его руку, и Раймон настаивать не стал.

– Просто... просто останусь, хорошо? – спросила она.

– Конечно, – повторил Раймон. Прижал её к себе и уснул.

Глава 19. Убежище

Два дня прошли в тишине и спокойствии. Сильвара по-прежнему вела себя странно – всё время жалась к Раймону и напрочь отказывалась оставаться в одиночестве.

Свеа несколько раз пыталась остаться с Раймоном наедине, но это оказалось абсолютно невозможно, и, в конце концов, решила не тратить время зря. Как и всегда, по несколько часов в день у неё занимали наблюдения за тренировками. Погода стояла привычно пасмурная, так что учения начинались с самого утра, пока Раймон и Сильвара ещё спали, а затем остаток дня и половину ночи все трое проводили вместе, гуляя по Гленаргосту и просто сидя в библиотеке с чаем и сладостями.

Только в последний день, перед самым отъездом, выглянуло солнце, и учения пришлось отложить. Раймон же, напротив, встал пораньше, чтобы собрать вещи к отъезду. Оставив в постели спящую Сильвару – эльфийка прочно поселилась в его спальне – гвардеец вышел в коридор и стал спускаться в столовую.

Уже у самых дверей он столкнулся со Свеа, которая, похоже, напротив, уже позавтракала.

Плечи их соприкоснулись, и Раймону показалось, что в паху у него что-то взорвалось. Не сразу сквозь шум крови, стучащейся в виски, он расслышал простой вопрос командора:

– А где твой довесок? – спрашивала Свеа, усмехаясь.

Раймон повёл плечами, стараясь избавиться от странного ощущения.

– Спит и видит сны. А что, ты по ней уже скучаешь?

Свеа усмехнулась, и в глазах её промелькнула тоска.

– Она мне нравится. Не похожа на ту, кого обычно можно найти в трущобах. Но скучала я не по ней.

Раймон вздрогнул и отвёл взгляд.

– Рэй? – Свеа подняла брови.

– Ничего, – Раймон заставил себя посмотреть в глаза подруге.

– Врёшь, – Свеа подхватила его за локоть и потащила куда-то по обставленным дорогой и бесполезной мебелью комнатам.

Остановились они в маленьком кабинете, предназначенном для приёма гостей и соседствовавшим со спальней Свеа.

Толкнув Раймона в одно из кресел, Свеа достала из книжного шкафа бутылку бренди и, наполнив два бокала, один протянула Раймону, но тот покачал головой. Он внимательно следил за ломкими движениями Свеа.

– Что-то случилось? – спросил гвардеец осторожно.

Свеа сделала большой глоток и покачала головой.

– Не знаю. Пока – нет. Скажи... Ты собираешься брать Сильвару с собой?

Раймон нахмурил брови и пожал плечами.

– Вообще – да. Нам разрешили взять по одному миньону, толку-то от нас как от охраны, если мы будем голодными?

Свеа молчала. Она отвернулась и некоторое время смотрела на опустевший плац, залитый лучами солнца.

– Между вами что-то есть?

Раймон, только было надумавший сделать глоток из предложенного бокала, подавился бренди.

– Между... нами?

– Да. Ты и Силь. Она не вылезает из твоей постели.

Раймон криво улыбнулся и покачал головой.

– Свеа... Некоторые уроки я запомнил хорошо. Она мне нравится, да... Она похожа на меня. Не характером, судьбой. Я ощутил это в первый же день, когда увидел её. Но она мне... как сестра. Настоящая сестра, а не такая, как...

Раймон не заметил, как сжал пальцы с такой силой, что хрупкое стекло лопнуло.

– Извини, – торопливо пробормотал он и завертелся, отыскивая, куда бы деть осколки.

– Брось, – Свеа вынула из его пальцев остатки бокала и поставила на стол. Пальцы Раймона она притянула к губам и осторожно лизнула порезанную ладонь.

Раймон как замороженный наблюдал за каждым её движением, пока, наконец, руки сами не рванули Свеа, усаживая на колени.

– Что ты делаешь? – прошептал он в самые губы командора и скорее почувствовал, чем увидел азартную усмешку.

– И все эти годы у тебя никого не было?

– Нет, – Раймон сглотнул, а руки сами скользнули по спине Свеа и, опустившись ниже, забрались под китель. Неимоверно хотелось ощутить пальцами слабое тепло её тела.

– Почему?

Произнесённый мягким, чуть хрипловатым голосом Свеа, вопрос будто бы окатил Раймона ледяной водой. Полуэльф стремительно убрал руку и, опустив голову, уткнулся лбом в брызги батиста.

– Рэй? – Свеа осторожно коснулась пальцами мягких чёрных волос.

– Прости, – повторил Раймон и покачал головой.

– Не похоже, что ты меня не хочешь, – Свеа опустила вторую руку вдоль камзола Раймона и провела пальцами по его напряжённому паху. – Проблема у нас явно не в штанах, а в голове.

Раймон безрадостно усмехнулся.

– Правда, прости. Я думаю, что ты заслуживаешь большего.

– О? – Свеа подняла бровь.

– Большого, чем перетрах в библиотеке перед отъездом с тем, кто...

Свеа двумя руками приподняла лицо Раймона и заставила посмотреть себе в глаза.

– Кто... что?

Раймон вздохнул и попытался отвернуться, но руки Свеа держали крепко.

– Раймон, если я чего-то и достойна, то это объяснений. Мы знакомы много лет. Может, не тысячу, но всё же. Ты знаешь обо мне всё. По крайней мере, я никогда ничего не скрывала. Но я почему-то слышу от тебя какие-то скомканные «прости» и «ничего», как будто мы с тобой не спали в одной постели и не пили кровь друг друга.

Раймон снова вздохнул.

– Ладно... – сдался он. – Я люблю одну девушку... эльфийку.

Раймон внимательно всматривался в глаза Свеа, ожидая встретить горечь или разочарование, но они оставались такими же ясными, как небо в июле.

– Она из дома Синего Дракона? – спросила Свеа спокойно.

– Да.

– Как её имя?

Раймон сглотнул. Много лет он не произносил этого имени вслух.

– Ингрид, – сказал он, и голос предательски дрогнул.

– Ингрид, – Свеа будто пробовала имя на вкус, – булочки с вареньем посаженному в позорную яму.

Свеа пожала плечами и в упор посмотрела на Раймона.

– Но она там, а я здесь, – заметила командор.

– Я знаю... Но это неважно. Всё это было для неё. Самому мне ничего не нужно.

Свеа опустила веки и некоторое время молчала. Раймон отвернулся наконец и последний раз беспомощно повторил:

– Прости.

– Раймон, – Свеа снова повернула к себе его лицо, – я не девственница-миньон. Мне около трёхсот пятидесяти. Любовников у меня было достаточно, чтобы я не делала из секса священный ритуал. Если меня и пугает «светлый образ у тебя в голове», то только потому, что ты живёшь иллюзиями. Конкуренции с призраками я не боюсь.

Раймон слабо улыбнулся.

– Ты не представляешь, какое ты чудо, Свеа.

– Это значит, что мы продолжаем? – Свеа подняла брови и опустила ладони на воротник Раймона, приготовившись дернуть его в стороны.

Раймон опустил голову.

– Нет, Свеа, именно это значит, что нам нужно остановиться. Потому что я люблю тебя... Как подругу. И не хочу, чтобы ты страдала.

Свеа некоторое время молча смотрела на другого вампира. В голове мелькали одно решение за другим, начиная от варианта стащить Раймона на пол и сделать всё самой и заканчивая тем, чтобы дать ему по морде и уйти спать.

– Хорошо, – сказала она ровно. – Если передумаешь – дай мне знать.

Она встала, и Раймон поднялся следом, однако уходить Свеа не спешила.

– Ещё кое-что, – Свеа снова положила ладони на плечи Раймона – просто хочу оставить тебе кое-что на память. Закрой глаза.

Раймон послушно опустил веки, и тёплые губы коснулись его губ. Свеа целовала его мягко, ни на чём не настаивая, оставляя тысячу возможностей отстраниться, но отстраняться не хотелось, и Раймон приоткрыл губы, впуская командора внутрь. Движения умелого языка вызывали жажду, которую не смогла бы утолить ни одна кровь в мире, а сам мир переставал существовать, оставляя лишь ощущение нежных прикосновений и сладкой неги.

А потом губы исчезли. Раймон открыл глаза и обнаружил, что Свеа уже стоит у двери.

– Я не смогу тебя проводить, – сказал командор ровно, будто и не было всего предыдущего разговора. – Хочу отоспаться. Хорошо?

Раймон машинально кивнул.

– Мы уедем до вечера, – сказал гвардеец и услышал в ответ:

– Знаю.

Свеа коротко улыбнулась.

– Удачи тебе.

Она вышла, а Раймон долго ещё стоял неподвижно, приводя чувства в порядок. Он был рад, что не увидит Свеа сегодня. Он был бы

рад не видеть её больше никогда, потому что прямо смотреть в эти ясные глаза он не мог. Раймон прекрасно знал, что без Свеа не было бы ничего. Ни гвардии, ни дружбы с Императором. Он прекрасно помнил, что обещал Свеа в ночь обращения, и помнил также, что ни разу Свеа не злоупотребила своим правом. Свеа могла не просто просить, он могла требовать большего. Но именно потому, что она никогда не делала из их отношений сделки, Раймон не мог представить, как станет обманывать её. Как будет смотреть в одни синие глаза и представлять другие – почти прозрачные, похожие на небо зимой.

Он сжал кулак. Есть расхотелось абсолютно, так что Раймон просто поднялся к себе и стал собираться. Он сменил камзол на гвардейскую форму, сложил в дорожную сумку несколько рубашек, которые обычно ждали его в доме Свеа, и другие мелочи, и разбудил Сильвару.

– Пора, – сказал он.

Девушка потёрла глаза и кивнула.

Седлая виверну, он твёрдо решил, что больше никогда не придет в этот особняк, если только Свеа не заставит его силой – так было бы проще для них обоих.

Перекрёсток Ветров встретил Императора и его гвардейцев промозглым ледяным ветром и осколками града, летящими в лицо. Казалось, лето здесь не наступает никогда. Виверны нервничали, и всадникам с трудом удавалось удерживать поводья.

Атрей направил своё животное вниз, но приземляться не спешил. Он провёл виверну на бреющем полёте над самыми верхушками деревьев и позволил ей приземлиться, только когда вдали показались осколки горного хребта, до середины тонущего в холодном тумане.

– Здесь, – Атрей спрыгнул на землю, и золотые косы волос хлестнули его по плечам. У императора были широкие плечи и поистине королевская осанка, но лицо его казалось странно молодым, почти детским. Однако голос звучал твёрдо, как и подобает. – Здесь началась история Империи Крови. Отсюда мы ушли, и сюда, похоже, нам придётся вернуться, – он усмехнулся. – Странная ирония, как ни посмотри.

Гвардейцы молча спешили и, следуя примеру Императора, отпустили рептилий.

Не обращая внимания на свиту, Атрей направился вперёд, к границе тумана, и остальные последовали за ним.

Видимость была ужасная. К тому же вокруг замка царил такой холод, который редко наступает в Гленаргосте даже в середине зимы. Сильвара почти сразу уцепилась за руку Раймона и больше уже не отпускала его. Она то и дело льнула к плечу вампира, которое казалось единственным островком тепла во всей округе.

К замку вышли через полчаса и тут же принялись разбивать лагерь. Первый вечер провели у одного общего костра. Двое гвардейцев отправились на разведку, а Раймон остался охранять императора и миньонов, следовавших за своими сирами.

Пожалуй, это был первый случай, когда Раймон оказался с императором практически наедине, несмотря на то, что множество ночей провёл, охраняя его спальню.

Атрей внимательно смотрел на него холодными голубыми глазами, будто изучал.

– Ты ведь дитя Данага, – произнёс он утвердительно через несколько минут молчания.

Раймон кивнул.

– Ты хорошо знаешь своего сира?

– Не знаю совсем.

Атрей поднял бровь. Раймон прокашлялся.

– Свеа... командор Свеа выиграла его кровь в карты.

Император запрокинул голову назад и расхохотался, сверкнув двумя рядами белоснежных зубов.

– Данаг неизлечим, – сообщил он, – а вот я знаю его хорошо.

Атрей замолк и какое-то время смотрел в огонь.

– Это были странные времена, – сказал он через какое-то время. – Всё казалось таким настоящим... Жизнь... Смерть... Любовь. – Атрей усмехнулся собственным мыслям. – Впрочем, это просто старость. – он отвернулся. – Ами, ты где?

Тут же у костра появилась белокурая девушка, укутанная в меха. От одного её вида Сильваре, одетой в один лишь шерстяной плащ, стало холодно, и она уткнулась лбом в подмышку Раймона.

– Где тебя носит?

Не поднимаясь с земли, Атрей потянул Ами за руку, так что та буквально рухнула к ногам Императора.

– Уже видел? – Атрей мягко улыбнулся, указав глазами на миньона. – Доставили с севера пару дней назад. Говорит, что она какая-то там принцесса, но как стонет... – Атрей облизнулся.

Сильвара теснее прижалась к плечу Раймона. Раймон погладил её по спине и укрыл плащом, заслоняя от взгляда Императора.

– Очень красива, – сказал он вежливо и улыбнулся.

Атрей отвернулся, полностью сосредоточившись на еде.

– Давай, поторапливайся, – Атрей взял девушку за шею и наклонил к своему паху. Та нехотя принялась расстегивать ремень императора, а закончив, припала к высвободившейся расслабленной плоти. Император несколько раз играючи толкнулся в покорный рот, вышел, и, всё ещё продолжая развлекаться, провёл по губам пленницы, а затем ударил по щеке. Девушка старательно подыгрывала.

– А ты? – наигравшись, Император отвернулся от своей еды, позволяя ей заняться делом, и снова повернулся к гвардейцу.

Раймон опустил глаза на Сильвару и встретил перепуганный взгляд готовой расплакаться эльфийки.

Раймон опустил руки на плечи девушки и потянул её вверх. Уткнулся носом в дрожащую венку на тонкой шейке и прошептал:

– Всё хорошо. Сожми руку.

Сильвара уцепилась за его ладонь так, будто это была соломинка, не позволявшая ей утонуть.

Раймон осторожно проколол клыками кожу девушки, подбираясь к венке, и принялся пить маленькими глоточками, растягивая время и делая вид, что глубоко увлечён процессом. Краем глаза он наблюдал, как Ами переходит ко второй части процедуры, и отпустил свою жертву только после того, как насытился император.

Зализав ранки, Раймон отстранился и заглянул в слегка осоловевшие глаза Сильвары.

– Я бы выпил ещё, – император за спиной эльфийки облизнулся, и Сильвара вздрогнула.

А в следующую секунду вдали послышались голоса разведчиков и топот ног.

– Всё хорошо, – шепнул Раймон ещё раз, усаживая Сильвару между своих раздвинутых ног и плотнее укутывая в плащ. Девушка

по-прежнему дрожала и всячески жалась к сиру.

Погладив её по волосам напоследок, Раймон повернулся к разведчикам и стал внимательно слушать доклад.

Исследование замка заняло три дня. Гвардейцы сумели подойти к стенам всего лишь на несколько метров. Дальше начинался магический барьер, который им никак не удавалось преодолеть. Это выяснилось в первый же вечер, и ещё два дня Император проверял на барьере различные заклятья, пытаясь проникнуть внутрь. Удовлетворили ли его эти исследования, никто так и не узнал, потому что с закатом третьего дня весь отряд получил приказ возвращаться к лесу.

Когда они уже стояли на опушке, Император последний раз оглянулся на стены замка. Глаза его наполняла непонятная тоска. Он долго стоял, не двигаясь и будто бы прощаясь.

А затем произошло то, суть чего Раймон понял не сразу, а поняв, бросился к императору, инстинктивно заслоняя его от удара.

Один из трёх гвардейцев – тот самый Лен, которого Раймон знал ещё по службе у Свеа, осел на землю, сжимая двумя руками торчащее из груди лезвие серебряного меча.

Раймон всё ещё пытался понять, откуда пришёлся удар, когда в грудь ему ударила молния, и он едва не сполз на колени, из последних сил вырвав из ножен меч. Однако оружие он в ход пустить так и не успел. Нападавший внезапно замер, слабо раскачиваясь из стороны в сторону, а Император вышел из-за спины Раймона и, подойдя к несостоявшемуся убийце, встряхнул его за грудки.

– Кто приказал? – рыкнул он.

Некоторое время убийца продолжал раскачиваться из стороны в сторону, губы его трепетали, будто он боролся сам с собой.

– Данаг, – прозвучал, наконец, короткий ответ, и Раймон вздрогнул.

Атрей бросил кроткий взгляд на него и тут же снова повернулся к убийце, восстанавливая зрительный контакт. Одним коротким ударом он опрокинул противника на землю и подтолкнул сапогом, проверяя, в сознании ли тот.

Затем опять повернулся к Раймону.

– Тебя могли убить, – сказал он.

– Это моя служба.

О том, что его могли убить, Раймон подумать попросту не успел. Всё происходящее казалось ему естественным, как дыхание.

Атрей подошёл ближе и коснулся пальцами его обожженной груди. Дышать было тяжело и стоять тоже, но Император пока не отдал приказа «вольно».

– Каждый получит по заслугам, – сказал он и кивнул сам себе. – Я доставлю этого несчастного в Гленаргост. Организуй отправку миньонов.

– Слушаюсь, – Раймон убрал в ножны меч и кивнул.

Подхватив убийцу на руки, император вскочил на виверну и пустил её в небо. А Раймон с недоумением оглядел выводок, который ему выпало охранять. Четверо девушек и один юноша были бледны, как снег, и напуганы досмерти. Одна, видимо, та, чей хозяин погиб, собиралась заплакать.

Неизвестно откуда вынырнувшая Сильвара повисла у Раймона на шее и что-то сбивчиво запричитала.

Глава 20. Сир

Проснувшись Свеа от монотонного, но настойчивого стука в дверь. Открыла глаза и прислушалась. За окном шёл дождь – уже который день. С тех самых пор, как Раймон отправился на поиски Грэга, дождь лил не переставая, и солнце больше ни разу не выглядывало из-за туч.

Последняя встреча оставила не просто неприятный осадок. Уже много лет Свеа не чувствовала себя настолько запутавшейся. Её жизнь всегда была размеренной и привычно утомительной. Она не видела для себя особых перспектив: освободиться от Ламии, как она всегда считала, Свеа не могла. Вернуться к любимой работе – тоже. Тем более, что после завоевания Империей эльфийских королевств эта работа потеряла львиную долю своего смысла. И всё же умирать было обидно. У неё были миньоны, которые без неё оказались бы на улице. Были солдаты, которые любили её и вряд ли захотели бы служить новому командиру. Потому жизнь тянулась день за днём естественно и монотонно, а холод подбирался всё ближе к сердцу, затягивая дни ледяной паутиной тоски.

Раймон, появившийся в её доме всего лишь как один из тех, кому она, Свеа, нужна была, чтобы выжить, за пару недель перевернул всё с

ног на голову – и ушёл. Ушёл, потому что сама Свеа убеждала его продолжить карьеру, но от этого не было легче.

Редкие встречи стали наркотиком, цветными пятнами на серости будней, залитых дождём. Только в эти встречи она жила и была почти не одинока.

Часто Свеа думала – что было бы, если бы она не отпустила Раймона? Вряд ли тот смог бы противиться ей. Но тогда Раймон не стал бы тем, кем стал, и Свеа отлично это понимала. А что было бы, если бы она не сдерживала себя и присвоила его в первую же ночь? Ответ был ещё проще. Тогда сама Свеа никогда не стала бы собой, навсегда оставшись любимой игрушкой безумной вампирши.

И всё же в глубине души Свеа всегда надеялась, что однажды их отношения изменятся. Раймон был благодарным мальчиком – всегда. Так что сомнений в том, что однажды он посмотрит на Свеа по-новому, у командора никогда не было. Нужно было просто дать ему время. Дать возможность забыть о своём несчастливом прошлом и освоиться в Империи. В конце концов, это было выгодно и самой Свеа – ведь куда интереснее иметь рядом сильного и самостоятельного мужчину, чем полностью зависимого от тебя мальчишку.

И Свеа ждала. Ждала долго. Она и сама не знала, почему не выдержала именно теперь. Может быть, так подействовал на неё вид взрослеющей Сильвары... А может, сыграло роль смутное предчувствие беды. В конце концов, и Раймон уже не выглядел мокрым и несчастным мальцом, так что у Свеа были все основания считать, что время пришло.

Разговор вышел не просто неудачный. Разговор вышел какой-то... глупый. Свеа могла понять то, что Раймон говорил, но не могла сложить в единую мозаику. У Раймона кто-то был. Это Свеа вполне допускала, но никогда особо об этом не волновалась. Мифическая соперница из прошлой жизни – это смешно. Нельзя вечно помнить первую любовь. Куда опасней Свеа казалось то, что Раймон встретит кого-то в этой жизни, но и это не вызывало особых опасений – Свеа всегда казалось, что они были откровенны друг с другом, и о появлении такой персоны она не могла не узнать.

Тогда почему же было так больно? Свеа не знала. Наверное, просто не могла смириться с тем, что избалованная девчонка заняла в сердце Раймона то место, на которое она сама могла лишь надеяться.

Заняла прочно и навсегда... Впрочем, что такое «всегда» для вампира? Заняла «надолго». И, может быть, если бы Свеа подождала ещё, эта глупая любовь прошла бы, и разговор их состоялся совсем по-другому.

Но изменить что-либо было невозможно. Вот уже неделя минула с тех пор, как закончилась экспедиция, а Раймон не спешил навестить старую подругу. Да и самой Свеа не хотелось смотреть в глаза полуэльфу. Всё было сказано. И красивые слова лишь поставили точку. Оба не верили в их смысл.

Стук усиливался.

Свеа поморщилась, не в состоянии понять, откуда такая наглость у Блэйна. Алмонд никогда не позволял себе будить госпожу, и если даже ему было что-то нужно, всегда заходил молча и так же молча уходил. К сожалению, от его услуг пришлось отказаться. Иметь в доме кого-то, кто принадлежит к семье Ламии, было бы слишком опасно. Тем более, если этот кто-то имеет ключи от всех дверей.

Мальчишка не смотрел ей в глаза, когда получал расчет. Только сказал негромко: «Я понимаю, мэм».

А нового помощника найти оказалось нелегко. Они сменялись один за другим, и все были нерадивы как один. Никто не желал запоминать привычки хозяйки, и все стремились повернуть дела на свой лад. В конце концов, Свеа отказалась от должности адъютанта вовсе и стала искать просто личного секретаря, но и здесь ей не слишком везло. Блэйн работал с ней уже два месяца, но толку от него по-прежнему не было.

Стук затих.

Свеа, облегчённо вздохнув, решила, что можно вернуться ко сну. Однако только она закрыла глаза и погрузилась в шёпот дождя за окном, как из-за двери послышался тихий голос:

– Свеа.... Открой....

Свеа вздрогнула. Голос вначале показался ей незнакомым. Только через несколько секунд она узнала его, и тут же командора прошиб озноб.

Резко встав с кровати, она в два шага преодолела расстояние до двери и, повернув ключ, распахнула её настежь.

Раймон стоял на пороге – промокший насквозь и похожий на побитую собаку. Волосы его прилипли к влажным щекам, а пальцы то и дело сжимались в кулаки.

– Рэй? – Свеа отступила в сторону, пропуская мужчину внутрь, но тот остался стоять. Мучительно долго длилась эта заминка, а потом Раймон протянул руки и прижал Свеа к себе, стиснул так, что хрустнули суставы, и сам уткнулся носом ей в плечо.

Свеа замерла на секунду, а затем опустила руки на спину гвардейцу и так же крепко прижала.

Провела ладонями вниз, к пояснице, а затем снова вверх, вжимая в тело мокрую одежду. Раймон был холодным, как никогда, будто долго купался в ледяном пруду.

– Рэй... Что стряслось? – спросила Свеа негромко у самого уха Раймона. Мучительно хотелось, чтобы Раймон сказал, что передумал. Что понял свою ошибку и хочет повернуть время вспять.

– Данага арестовали.

Свеа вздрогнула. Бестолковые мысли одним ударом вышибло из головы.

Она отстранилась и посмотрела Раймону в глаза.

– Когда? – спросила она уже совсем иначе.

– Взяли под арест в начале недели. До вчерашнего дня длились допросы. А затем был вынесен приговор.

Свеа отстранилась и отошла к окну. Струи дождя всё так же оседали на стекле и чертили едва заметные дорожки сверху вниз.

– Его обвиняют в покушении на Императора, – добавил Раймон. Он подошёл и остановился за спиной командора, больше не пытаясь прикоснуться.

Свеа прижала пальцами глаза и с силой потёрла.

– Бред какой-то, – сказала она. Данаг и попытка убийства никак не вязались в одно. – Его же не могут казнить... Он...

– Он – Древний. Его просто похоронят заживо, как похоронил себя Грэг.

– Значит, слухи подтвердились? – Свеа замотала головой. – Стой, не хочу знать. А что теперь будет с тобой? Император оставит подле себя дитя предателя? Что будет со всеми нами?

Раймон тоже подошёл к окну и покачал головой.

– Я не знаю, – сказал он. – Не знаю и не хочу сейчас знать. Это было... отвратительно, Свеа.

Нам приказали явиться в кабинет для переговоров. Тот, с круглым дубовым столом. Только стола там не было. Просто огромный круг,

начерченный на полу.

В центре – Атрей и Данаг. Так странно... Будто две противоположности. Наш Император, сияющий золотом, и Данаг, холодный, как улыбка ночи.

Атрей зачитал обвинения. Я всем телом ощущал как Данаг... Не злится, нет. Это было странное чувство. Насмешка пополам с отчаянием, приправленная обидой.

Он спросил, с какой стати слово убийцы стоит больше его собственного.

Тогда Атрей объяснил то, что у нас в казармах поговаривали уже давно: только Древний мог отдать такой приказ. Но мы же оба знаем, Свеа, кто из Древних любит такие игры. Все знают об этом. Данаг никогда не применял в политической игре магию крови.

Однако Атрей рассудил иначе. Он отдал приказ произвести арест. Отдал... Мне. Как будто не знал, что Данаг – мой сир.

– Напротив, отлично знал, – перебила его Свеа, и Раймон в недоумении оглянулся на неё. – Это всё очень похоже на Ламию. Но продолжай. Я расскажу, что думаю, когда ты закончишь.

Раймон снова отвернулся к окну и некоторое время смотрел на дождь, заставляя себя снова погрузиться в воспоминания.

– Он приказал мне арестовать Данага. Я посмотрел в глаза сира и понял, что не могу. Просто физически не могу. Он же мой сир, пусть я и не знаю о нём почти ничего. А Атрей продолжал выжидающе смотреть на меня, как будто я мог что-то сделать

И в следующий миг Данаг улыбнулся. Будто лёд, сковавший меня, треснул. Он протянул руки перед собой, предлагая мне надеть наручники.

Свеа... я.... Сделал это. По моей вине будет наказан невиновный. Мой сир. Тот, кто сам сдался на мою милость.

Никто меня не заставлял. Не было никакой магии. Только я решал, сделаю это или нет. И я сделал. Так, как будто не понимал, что Данаг здесь ни при чём.

Раймон прислонился лбом к стеклу и замер. Ладонь его легла рядом, и ногти медленно проскребли по гладкой поверхности.

Спустя пару секунд ладони Свеа легли ему на плечи, и тёплое дыхание коснулось основания затылка.

– Ты не виноват.

Раймон покачал головой.

– Ты слишком строг к себе. Выбора не было. Твой отказ сгубил бы тебя, а может, и меня. Атрей тебя проверял, и от твоего решения зависело только одно – останешься ли ты в фаворе или нет.

Раймон покачал головой.

– От моего решения зависело, стану ли я предателем.

Свеа вздохнула и приникла щекой к плечу гвардейца.

– Я очень удивилась, когда Ламия оставила нас в покое. Всё время ждала, когда она нанесёт ответный удар. Когда ты рассказал, что Атрей вызывал тебя к себе и спрашивал, что ты знаешь о ней, мне стало ясно – она обращалась к Императору. Но он ей отказал. Вряд ли из любви к кому-то из нас. Уж, по крайней мере, не ко мне. Полагаю, его привлекла возможность иметь под боком дитя Данага. Ведь только эта семья неподвластна магии Ламии. Кровь древнее. Именно поэтому я хотела, чтобы Данаг стал моим новым сиром, но он никогда не согласился бы на это. Зная Ламию, могу предположить, что она пришла в ярость, когда он заступился за тебя. Обозлилась ещё и на него. Это покушение разом ставило под удар всех троих – тебя, Данага и Атрея. Если бы Атрей оказался так же безумен, как и она сама, то и мы бы погибли вместе с нашим сиром. Сомневаюсь, что вдвоем мы смогли бы что-то противопоставить всей Империи, а есть ли у Данага другие дети – я не знаю. То, что Император не избавился от тебя как от пособника, а решил проверить – хороший знак.

– Но если бы Данаг не подчинился...

– Если бы Данаг не подчинился, Атрей всё равно увидел бы твою реакцию. Иногда попытка многого стоит. А его скрутили бы всем караулом – всё же он не так силён, чтобы убить дюжину отборных бойцов. Так что ты ни в чём не виноват.

Раймон молчал какое-то время.

– Ты верно сказала, – произнёс он наконец. – Попытка многого стоит. И я не попытался ему помочь.

Снова наступило молчание. А потом Раймон резко развернулся и, притянув к себе Свеа, снова зарылся носом в её плечо.

– У меня такое чувство, – сказал он, – что ты простишь мне всё. Ты единственная, кто всегда прощает меня, даже если то, что я делаю, простить нельзя. Никто и никогда не был ко мне так добр. Ни с кем и никогда я не мог вот так поговорить.

Свеа криво усмехнулась, пряча улыбку в волосах Раймона, и ничего не ответила.

– Свеа... Прости меня ещё раз.

Свеа вздрогнула.

– Прости, что я оттолкнул тебя, и позволь... побыть с тобой. Этой ночью.

В груди глухо заняло.

Свеа закусила губу.

– Конечно, – сказала она тихо, и в следующий миг её лицо оказалось зажато в жарких ладонях, а губы утонули в горячем поцелуе. Свеа расслабилась, полностью отдаваясь на волю сминавших её тело сильных рук. Халат оказался на полу, следом отправились мокрый плащ и мундир и, наконец, её живот оказался прижат к холодному и твёрдому животу Раймона.

Свеа чуть развернулась, будто в танце обходя Раймона полукругом, и потянула его за собой на расстеленную постель. Раймон упал сверху, спружинив руками, и тут же принялся покрывать поцелуями грудь командора.

Раймон действовал медленно, давая возможность привыкнуть к каждому новому движению, и ничто не нарушало тишины, кроме мерного накапывания ливня и редких стонов Свеа.

Ночь казалась бесконечной. Плавные движения сменялись неожиданно яростными толчками, которые тут же замедлялись и упоительно затягивали удовольствие.

– Горячо, – шепнул Раймон, вспомнив давний уговор, и, повторяя давно забытые слова, Свеа ответила:

– Терпи.

Раймон покачал головой.

– Ты моё чудо, – прошептал он. Пальцы Свеа вплелись в его волосы и замерли.

Утром пришла весть о том, что Раймон, сир семьи Раймона, назначен капитаном гвардии Императора.

Глава 21. Возвращение

– Скажите, капитан, сколько уже вы служите у меня?

Раймон нахмурился. Он давно понял, что если император задаёт подобные вопросы – дело не к добру.

– Не очень долго, – ответил Раймон уклончиво, не желая выдавать заинтересованность.

Атрей покачал бокал, наполненный бренди, и сделал маленький глоток.

– Мне кажется, лет тридцать.

Раймон кивнул.

– Примерно так.

И снова коричневая жидкость в прозрачном сосуде плеснулась туда–сюда. Будто размышляя вместе с Императором.

– А до этого?

– До этого служил в гвардейском полку командора Свеа.

Император, до сих пор смотревший на свой напиток, исподлобья взглянул на Раймона.

– Вам приходилось воевать?

– Не совсем. Но на границе я бывал.

– Как вы думаете... Какой идиоткой надо быть, чтобы за тридцать лет так и не прорваться к центральным башням сумеречных?

Раймон подобрался. Теперь за каждым словом нужно было следить с особым тщанием. Атрею никогда не нравилось то, что кампания на западе затягивается. Малейшего повода хватило бы, чтобы обрушить карьеру Свеа в тартарары.

– Я как-то уже говорил вам, ваше императорское величество, что сумеречные эльфы – самый могущественный из эльфийских народов. Я рос в Дорлифене, и там...

– В Дорлифене? – Атрей, наконец, поднял голову. – Хотите сказать, вы родом из долины Цветов?

– Не совсем так... Но поверьте, я знаю, о чём говорю.

– Вы ведь полуэльф, так? По происхождению, я имею в виду.

Раймон кивнул. Скрывать очевидное не было смысла.

Атрей откинулся на спинку кресла и сделал маленький глоток бренди.

– Интересно... Наверняка вы не хотели бы, чтобы ваш народ был завоёван.

– Я никогда не думал об этом, ваше...

– Бросьте это, – Атрей махнул рукой. – Мы знакомы достаточно, чтобы говорить откровенно и без лишних слов. Вы хотели бы, чтобы Долина Цветов присоединилась к Империи?

Свеа шумно выдохнул.

– Я не знаю, Император.

– А если бы вы стали наместником завоёванной провинции?

Раймон вздрогнул.

Десятки мыслей сменяли друг друга у него в голове. Ингрид. Белл. Тауфин. Свеа.

Свеа.

– Простите, Император, но разве командор Свеа не заслужила это назначение?

– Разве командор Свеа что-то завоевала?

– Да, но... Она потратила столько лет.

– И всё впустую.

Раймон молчал.

– Вы могли бы использовать свои знания местности, чтобы закончить эту несчастную войну и прекратить кровопролитие. Тогда большая часть континента будет у нас в руках. Останется только вытащить дреу из их пещер.

– Простите... Император... – Раймон понял, что голос его порядком охрип. – Простите... Я не считаю возможным отказать в этом титуле командору Свеа.

Император сделал новый глоток и задержал обжигающую жидкость во рту, прежде чем проглотить.

– Похвальная преданность. Но глупая, капитан. Очень похоже на вас.

Раймон развёл руками.

– Ничего не могу с собой поделаться. Прошлое слишком важно для меня.

– И всё же подумайте, – Атрей залпом осушил остатки бренди. – У вас есть немного времени.

– И ты отказался? – Свеа подняла брови. – Пожалуй, Император прав. Ты дурак.

– Отлично, – Раймон поставил бокал на стол. – Спасибо большое.

– Нет, ну серьёзно. Ты вообще слушаешь, что я тебе говорю?

– Только если у тебя застёгнут ворот.

– Что?.. – Свеа скосила глаза на привычно расстёгнутый до середины груди китель. – Придурок, – она подхватила с дивана бархатную подушку и запустила её в гостя, но промахнулась.

Раймон встал и, в один шаг преодолев расстояние до кресла командора, подхватил её на руки, так что Свеа едва успела избавиться от собственного бокала.

– Не начинай! – строго сказала она, но на Раймона её слова явно не произвели никакого эффекта. Руки капитана поползли вниз по пояснице вампирши и остановились на заднице. Пальцы крепко сжали аппетитные полушария, затянутые в узкие брюки.

Секунду оба вампира просто смотрели друг на друга, а потом Раймон убрал руки и чуть отстранился.

– Я говорила, – сказала Свеа со вздохом, – что не хочу участвовать в этой войне. Ни командором, ни наместницей... Никем. Так что если ты снимешь с моих плеч эту ношу, я буду тебе только благодарна.

Раймон продолжал внимательно смотреть на неё.

– Дело не только в тебе, – сказал он наконец.

– Ах, да... У тебя же там Большая и Светлая любовь.

– Не смейся! – Раймон снова опустил руки на законное место.

– А ты не лапай меня, когда я о деле говорю!

Свеа вывернулась и отошла к письменному столу, стоявшему у окна. Пальцы её на секунду замерли на ручке верхнего ящика, а затем повернули её и потянули на себя.

– Я надеюсь, ты правильно поймёшь то, что я сейчас сделаю, – сказала она серьёзно и, поддаваясь настроению подруги, Раймон кивнул.

Свеа извлекла из ящика свиток и протянула его перед собой.

– Что это? – спросил Раймон, осторожно приближаясь, но даже не думая принимать бумагу из её рук.

– Прочти. Это письмо мы перехватили случайно, гонец вёз его из башни Синего Дракона.

Раймон осторожно, будто змею, взял в руки свиток и покрутил в пальцах. Печать уже была сорвана.

– Мы думали, это военное донесение, – произнесла Свеа, проследив за его взглядом.

Раймон кивнул и развернул свиток.

«Сим я, Владыка Белл, подтверждаю согласие и довольство нашего дома вашим предложением, – гласили витиеватые эльфийские знаки, выведенные тонким пером на пергаменте. – И я, и сестра моя Ингрид считаем честью заключить с вами союз и будем рады скорейшему его подтверждению. Нас также устраивает назначенный вами день – сердце лета. Да будет ваш путь в сумерках ясен и лёгок».

Раймон поднял глаза от свитка и невольно посмотрел в окно.

– Сердце лета, – пробормотал он и медленно повернулся к Свеа.

– Прости.

Раймон сглотнул. Хотелось разорвать письмо на куски. Обвинить Свеа во лжи и зависти.

И всё же остатки разума подсказывали, что Свеа не станет лгать. Даже ради себя.

Раймон снова опустил глаза на письмо и облизнул губы.

– Свеа... – прошептал он. – Завтра вся моя жизнь потеряет смысл.

Он замолк.

– Почему ты не сказала мне раньше?

– Не хотела, чтобы ты понял меня превратно.

Раймон покачал головой.

– Раймон... – Свеа обошла стол и опустила руки на плечи полуэльфу. – Ты всегда знал, что это случится.

– Я думал, что успею...

– Ты успел.

Раймон посмотрел на Свеа невидящими глазами.

– Ты добился в Империи большего, чем смог бы кто бы то ни было добиться за три десятилетия. Глупо посвящать твои победы той, кому ты не нужен. Твоя жизнь только начинается. Не привязывай её к той, кого ты встретил, когда был ещё ребёнком.

– Я успел... – повторил Раймон медленно, глядя куда-то сквозь собеседницу. Взгляд его Свеа не понравился, но ещё больше не понравилось то, что последовало за этими словами. – Да... – Раймон еле заметно улыбнулся. – Может, не всё... Но ведь мне есть, что ей предложить, как полагаешь, а, Свеа?

Свеа демонстративно ударила себя ладонью по лбу.

– Раймон, ты снова меня не слышишь.

Раймон повернулся лицом к окну.

– Только солнце... надо успеть к ней до полуночи, а солнце мешает. Я знаю, она сама выйдет мне навстречу, если не будет спать.

– Раймон...

Раймон снова повернулся к Свеа.

– Ты поможешь мне, Свеа?

Свеа закатила глаза и устало вздохнула.

– Конечно...

Здесь, в обители Саламандры, было больше скал, чем у башни Синего Дракона. Сами здания вращались в каменные кряжи, разукрашивая их причудливым узором.

Сплошная стена ливня полупрозрачной занавесью накрывала серые глыбы. Капли воды разбивались о гранит и разлетались в стороны множеством колючих брызг.

Раймон всегда любил такие ночи. Ещё в те давние дни, когда он не был ни капитаном лейб-гвардии, ни сиром, а был просто-напросто мальчишкой-полукровкой, приживалой в доме Владыки Тауфина, он всегда выходил во двор и долго стоял, распахнув руки бушующему небу. Он грудью встречал стихию и представлял, как сливается с ней целиком.

А вот Ингрид никогда не выходила с ним. Она любила смотреть на дождь сквозь стекло, сидя в тепле и уюте собственной спальни... и улыбаться.

Раймон отпустил виверну и замер, вглядываясь в узкие, как крепостные бойницы, окна. Он переводил взгляд с одного на другое, пока всполох молнии не озарил небо, и вампир не увидел тонкую фигурку в одном из окон под самой крышей.

– Ингрид... – сердце гулко ухнуло и пустилось вскачь.

Фигурка исчезла.

Магический барьер окружал башню, и Раймон знал, что, попытавшись проникнуть внутрь, лишь поднимет тревогу. Но Ингрид видела его – в этом Раймон был уверен. Значит, теперь выбор оставался за ней. Оставалось ждать.

Минуты тянулись мучительно долго. Казалось, буйство стихии не прекратится никогда. Раймон стиснул кулаки, пытаясь справиться с жаждой броситься вперёд, наплевав на все барьеры. Он уже наметил

траекторию для рывка, когда двери башни внезапно распахнулись. Луч света ударил наружу, и тонкая фигурка колыхнулась на ветру, будто пламя свечи.

– Раймон, – скорее угадал, чем услышал полуэльф бесшумный выдох.

Ингрид протянула руку, будто желая коснуться пальцами призрака того, кого не видела уже три десятка лет.

Раймон молча разглядывал эльфийку, представшую перед ним. Ингрид была точь-в-точь такой же, какой отпечаталась в памяти полуэльфа. Порой Раймону казалось, что их бесконечные дни в поднебесье, запахи цветов и лунные дорожки на глади океана – всё это сон. Не было ничего, кроме Гленаргоста и его вечной ночи.

Теперь он точно знал, что это не так. Ингрид была настоящей. Ингрид была светлой и чистой. Она всё ещё была той, кого Раймон любил.

Тонкие руки легли на шею Раймона, оплетая её будто виноградные лозы. Они казались невесомыми, точно крылья бабочки, и такими же хрупкими.

Раймон стоял неподвижно. Странное чувство завладело им. Ингрид была рядом. Ингрид была прекрасна... И Ингрид была чужой. Фарфоровой статуэткой. Ледяной фигурой, которая растает по весне.

Прошла вечность, прежде чем руки полуэльфа сомкнулись на спине Ингрид и прижали её к груди.

– Ингрид, – произнёс он, проверяя, послушен ли ему голос. Только сейчас он заметил, что Ингрид одета в белоснежное одеяние, расшитое серебром... Свадебное одеяние. – Тебе идёт это... платье... – он убрал руки эльфийки со своих плеч и чуть отступил назад, скрывая лицо в полумраке.

Ингрид молчала. Только ветер шумел в ушах и трепал полы шёлковых одежд... Таких странных и чужих после вечной роскоши Гленаргоста.

– Завтра... – выдавила Ингрид, наконец, и снова замолкла.

– Знаю, – Раймон попытался улыбнуться, но так и не смог.

– Где ты был? Где ты был раньше? – голос Ингрид звенел... укором? Будто не она оттолкнула полуэльфа, когда тот просил её уйти вместе с ним... Раймон подавил всплеск ярости и усмехнулся.

– Помнишь, ты сказала, что мне нечего тебе предложить? – слова слетели с губ сами собой, и Раймон тут же пожалел о сказанном. Он не хотел упрёков. Он пришёл не для того, чтобы искать виноватых. Время было на исходе, и у них оставался только один шанс начать всё с начала.

– Я искал... что предложить, – продолжил он и внезапно понял, что всё ещё не знает, что может дать Ингрид. Понравится ли ей придворная жизнь? Сможет ли он оставаться на службе и при этом отдавать себя Ингрид целиком, как хотел когда-то? Он не знал, но начатую фразу нужно было закончить. И он сказал о том, в чём был уверен. – Надеюсь, особняка в Гленаргосте будет достаточно, чтобы ты в меня поверила?

Наступившая внезапно тишина казалось оглушительной. Даже свист ветра затих, и только капли дождя всё так же мерно шелестели по камням.

Ингрид молчала, и Раймон принялся искать новые слова:

– Ты будешь представлена ко двору Императора. Никогда не будешь знать ни нужды, ни чужой власти. Я не буду ограничивать тебя ни в чем, и ты будешь мой единственной.

Ингрид молчала... мучительно долго, прежде чем спросить:

– Я должна ответить сегодня?

Сердце кольнуло.

– Завтра будет поздно, – сказал Раймон, сдерживая внезапную злость.

Ингрид молчала. Так долго, что Раймону почудилось, что время замерло, и только он чувствует его бег.

– Нет.

Ингрид развернулась и так же легко, будто несомое ветром пламя, колыхнулась в направлении дверей.

Луч света, падавший из прихожей, погас.

Раймону показалось, что он умер.

Глава 22. Конец

И снова бесконечные коридоры резиденции Императора. Снова роскошные портьеры и дорогие портреты кисти лучших художников Империи.

Последнее время Раймон редко бывал при дворе и ничуть не жалел. Лицо его привыкло к свежему ветру, бьющему в лицо. Сплетни придворных больше не докучали. Он весь был погружён в единственное дело, которое его волновало. Пятьдесят лет. Они промелькнули как один миг. И вот дело сделано. Приказ Император выполнен. Только почему не отступает клокочущая злоба в груди? Почему всё ещё хочется разрушать?

Минуя гвардейцев, стоящих на карауле, Раймон одним движением руки распахнул дверь во внутренние покои Императора.

Атрей полулежит на диване, свесив одну ногу на пол, и двое миньонов старательно вылизывают его промежность. В холёных руках кубок с густой алой жидкостью – новое веянье при дворе. Кровь больше не пьют из живых тел. Будто чужая жизнь, перелитая в бокал, перестаёт быть жизнью и становится просто вином.

Атрей на секунду оборачивается к двери. Взгляд Императора фиксирует тёмный силуэт на фоне ярко освещённого коридора. Раймон не удосужился переодеться, явившись сюда в походном костюме и грязных сапогах, но это последнее, что волнует Атрея сейчас. И так же мало волнуют его новости с запада. Куда важнее то, что разворачивается где-то под носом. В каждом углу пахнет предательством, но запах гнили так силён, что Атрей не может определить источник. Ламия продолжает плести интриги. Её речи сладки, как патока, и такие же липкие. Когда-то давно Атрею казалось, что он её любил. А может, то была просто жалость... Странная тяга к незащитному существу, присущая многим мужчинам, исконный инстинкт защищать. Но тысяча лет – слишком много для любви. Даже если она настоящая. И он давно уже не верит в слабость существа ещё более древнего, чем и он сам.

– Это ты, – Атрей отворачивается и снова принимается разглядывать эпическое полотно на стене. Люди убивают людей. Когда-то давно у него была мечта. Власть. Власть над всем обозримым миром. Но мир оказался бесконечен. Чем дальше продвигаются его армии, тем больше народов встречают на своём пути. Зато власть, напротив, до паршивого конечна. И даже Император – лишь муха в паутине интриг.

– Мой Император, – титул звучит насмешкой, но Раймон склоняется в поклоне столь глубоко, что этикет требует ответа.

Однако шевелиться не хочется, и Атрей просто лениво ведёт подбородком, снова оборачиваясь к гостю.

– Я пришёл доложить, что башня Золотого Дракона взята.

Атрей смотрит рассеянно, не сразу понимая, о чём с ним говорят.

– Башня Золотого Дракона, – повторяет он медленно.

– Башня Золотого Дракона, – поясняет Раймон терпеливо, хотя в груди клокочет ярость. – Обитель первого Дома Сумеречного Народа. Дом Золотого Дракона уничтожен, но Башня сохранила своё сакральное значение. Властитель башни властвует над всем Сумеречным Народом.

Зрачки Атрея чуть расширяются, но это все эмоции, которые видит на лице Императора Раймон.

Наступает долгое молчание.

– Поздравляю, наместник, – как звонкие капли ударяются в тишину.

Наместник.

Но титул не приносит радости. Будто горсть песка с лёгким шорохом падает в бездонную могилу его души. Ещё одно звание, ненужное никому.

– Во славу вашу, – и снова глубокий поклон.

– Свободен.

Бесконечные коридоры, гардины и портреты... Тлен... Всё в этом городе пахнет тленом. В городе мертвецов.

Выйдя на воздух, Раймон останавливается. Так странно знать, что дело сделано. Будто груз упал с души. Но что дальше? Он не знает и не хочет пока что знать. Пусть думают другие. Те, кому жизнь ещё нужна.

Легко вскочив на коня, разворачивает его в сторону города – туда, где ему станет хоть немного теплей.

Свеа сидит в своём кресле у камина и читает. Ей тоже всё время холодно, но она всегда молчит.

Сейчас она поворачивает голову на звук и устало улыбается.

– Раймон? – улыбка становится чуть ярче, наполняясь жизнью и расцветая. – Ты в городе? Я не знала.

– Всё кончено, – Раймон проходит в центр гостиной, и Свеа тоже замечает грязные сапоги, но молчит.

– Что – кончено? – улыбка становится чуть напряжённой.

– Война.

Облегчённый выдох, и Свеа закрывает глаза. От близости её лица, такого спокойного сейчас, на миг становится тепло, и Раймон, не в силах сдержаться, протягивает руку и касается пальцами белой щеки. Кожа Свеа бархатистая на ощупь. Эта самая дорогая ткань, которую видел Раймон в Гленаргосте. Но почему глаза её всегда грустны? Все восемьдесят лет глаза её грустны...

– Спасибо... – так тихо, будто эта война была её собственной войной, хотя Свеа давно уже почти не занимается армией. Она помогала поначалу, стараясь сделать переход под новое начало безболезненным для всех, но едва солдаты признали нового командира – подала в отставку. С тех пор Раймон видел её только такой – усталой и потухшей. Двери её дома всегда открыты, но она никогда не встаёт навстречу, будто пламя внутри неё совсем иссякло.

На миг что-то надрывается в груди у наместника. В глазах отпечатываются усталые черты и опущенные веки. Он встаёт и одним длинным движением склоняется к Свеа, чтобы коснуться её губ.

Губы отставного командора холодные, но такие нежные. Они не двигаются, не отвечая на поцелуй, и, чуть отстранившись, Раймон видит тоску в голубых глазах.

– Не делай так, – спокойно и ровно, но этому голосу нельзя не подчиниться.

– Прости, – Раймон опускает голову, не зная, что ещё сказать. Не зная, что нашло на него и как исправить ошибку. Раньше со Свеа было легко. Теперь с ней невероятно трудно, потому что стыдно и больно. И всё же каждый раз, когда он приезжает в Гленаргост, что-то неумолимо тянет его в этот дом. Заглянуть в эти глаза. Коснуться бархата кожи. Отвести взгляд, не смея просить о большем.

– Что теперь? – спрашивает Свеа, чуть отталкивая его от себя, и Раймон с тоской смотрит на соседнее кресло – пустое и холодное.

«Не знаю...» – хочет сказать он, но вдруг понимает, что не эти слова нужны сейчас Свеа.

Он молча подхватывает вампиршу за плечи и, вздёрнув, ставит на ноги.

– Пошли.

– Куда? – во взгляде Свеа лёгкое удивление, но именно это, наконец-то, делает её живой.

Раймону всё равно куда. Аккуратно убирая в сторону плед, он тащит Свеа к выходу.

В парке идёт дождь. Слабый и тихий, будто плачет небо. Они идут по аллеям, неуловимо похожим на Свеа – таким же состарившимся без срока, убранном золотом, но всё равно одиноким. Останавливаются у каких-то беседок. Кормят уток обнаружившимися в кармане Раймона старыми галетами. И там, у пруда, Раймон не выдерживает молчание, хоть оно и приятней в стократ всех чужих голосов.

– Говорят, Данаг на свободе, – соломинка, за которую наместник цепляется, чтобы услышать прежний бархатистый голос, от которого по спине пробежали мурашки.

– И ищет союзников, чтобы свергнуть Императора.

Раймон внимательно смотрит на подругу, ожидая, что та усмехнётся собственной шутке, но Свеа молчит.

Раймон берёт её под локти и чуть поворачивает к себе.

– Свеа... Посмотри на меня.

Свеа вскидывает голову и в самом деле смотрит – открыто и устало.

– Не впутывайся в это. Пожалуйста.

– Почему? – Свеа усмехается. – Потому что тебе придётся меня арестовать?

Слова причиняют боль, но эта боль раскалённой иглой пронзает тьму, залёгшую внутри, будто вспарывая нарыв.

Раймон сжимает пальцы сильнее и со свистом выдыхает, но Свеа просто смотрит ему в глаза, и рана затягивается сама собой.

Раймон облизывает губы и снова повторяет:

– Прости.

Будто её, Свеа, он отправил в кандалы, а не чужую и незнакомую ему Ламию.

Свеа дёргает плечом и отворачивается.

– Неважно. Теперь я ему не интересна. Я не наместница и даже не командующая армией.

Раймон сжимает губы. Новый укол пронзает сердце, но снова наступает молчание, и боль затихает.

– Прости.

Свеа, наконец, усмехается.

– Ты всё время лепишь чушь, Раймон. Просишь прощения, сам не зная за что. Мы оба выбрали свой путь. Так пусть уж он останется таким, каков он есть.

– Мой путь окончен, – Раймон отворачивается, чтобы опереться о перила. Вода внизу шуршит невесомыми струями, а дно кажется таким близким, как будто его можно коснуться рукой.

– Только начат, – руки Свеа ложатся на перила совсем рядом с его собственными. – Теперь у тебя есть королевство, Раймон. Твоё собственное королевство. Играйся с ним. Ты ведь этого хотел.

Раймон вздрагивает.

– Нет... – голос хрипит, и он понимает, что Свеа как всегда права. Он хотел получить игрушку... Не королевство, нет... Единственную куклу, которая будет принадлежать ему – и только ему.

И снова наступает молчание.

– Я поеду туда, – говорит, наконец, Раймон. – Надо уладить всё на месте.

Теперь уже вздрагивает Свеа и качает головой.

– Раймон... – тихо и устало.

Раймон оборачивается, и два взгляда встречаются в прозрачном воздухе осени.

– Раймон, это не поможет. Неужели ты до сих пор не понял...

– Я хочу, – Раймон привычно щурит глаза, как сделал бы, укрощая строптивного офицера.

Лицо Свеа неуловимо меняется. Она будто отпускает вожжи несущей кобылы.

– Хорошо.

И снова тишина. Эти чёртовы паузы, каждая из которых наполнена болью. Нужно что-то сказать, но Раймон никак не может придумать – что.

– Свеа...

Взгляд голубых глаз взлетает от земли и упирается в него.

– Свеа... Ты ведь хотела исследовать их культуру?

Свеа медленно кивает, но тело её так же напряжено.

– Поедем со мной? – звучит как-то по-детски, но Раймону плевать. Чувствовать рядом тонкое плечо командора слишком важно, чтобы думать о словах.

Губы Свеа медленно дёргаются.

– Конечно. Этого я и хотела.

Они гуляют ещё долго, ни говоря больше ни слова, и Раймон так и не может понять, нравится ему эта тишина или нет.

Наконец, аллея снова выводит их дому, и оба останавливаются.

«Я останусь?» – слова замирают на губах, и Раймон заменяет их вздохом.

– Ну, вот и всё.

– Да, всё.

Свеа оборачивается, и Раймон думает о том, как пошла бы ей улыбка. Хотя бы такая, как раньше – не трогающая глаз.

– Когда отправляемся? – и будто сбывается мечта. Улыбка, в самом деле, озаряет изможденное лицо.

– Хочешь, завтра? Успеешь собрать миньонов?

Свеа отворачивается.

– Никого не осталось. Найду кого-нибудь там.

Раймон закусывает губу, пытаясь справиться с рвущейся изнутри тьмой, но не может, и руки сами стискивают плечи спутницы.

– Поехали ко мне, Свеа? Сегодня. А завтра, если будет дождь – с самого утра – туда.

Свеа аккуратно отцепляет пальцы от своих плеч.

– Нет. Спасибо. Мне нужно собрать вещи.

Она отворачивается и уходит в дом, а Раймону кажется, что он уже видел такое когда-то. Только в этот раз боль в десятки раз сильнее.

Дома ждёт Силь. Лежит на диване в гостиной, обнимая книгу и прижимая её к груди. Глаза эльфийки закрыты. Назвать её девочкой не поворачивается язык. Силь уже слишком взрослая для миньона. Раймон замечает это только теперь. Не потому, что стала непривлекательной, нет, напротив, девушка расцвела и превратилась в прекрасный цветок. Лепестки его похожи на отточенные лезвия, а в сердцевине горит тёплое пламя. Просто внезапно в голову Раймону приходит мысль, что быть постельной игрушкой для неё давно уже слишком мало. Пока шла война, думать об этом не было времени, да и отпускать её от себя не хотелось – множество миньонов приходило и

уходило за эти годы, и только Силь была рядом с самого начала. Что-то неприятно колет в груди, и червь сомнения подсказывает – ей и некуда было идти, но Раймон старательно отгоняет от себя нелепые мысли.

Подойдя вплотную, он присаживается на краешек дивана и проводит рукой по виску спящей, чуть задевая пушистые рыжие локоны выбившихся из причёски волос.

– Рэй, – Силь распахивает глаза. На секунду в её глазах мелькает страх, но тут же утихает, едва она узнаёт сира. Часто Раймону приходит в голову мысль, что Сильвара единственная, кто его не боится. – Я уснула. Хочешь есть?

Кормить его Сильвара тоже давно не боится. Даже не морщится, привычно принимая в рот плоть вампира. Однако даже в эти секунды она остаётся гордой и прекрасной, будто происходящее вовсе трогает её.

– Нет, – Раймон качает головой и улыбается. Рядом с Сильварой хочется улыбаться, если не для себя, то для неё.

Девушка расслабленно откидывается на подушку.

– А я нашла ещё одну книгу про героев Священных войн. Смотри, одного из вампиров второго поколения тоже звали Раймоном, и он...

Раймон гладит её по волосам, не слушая убаюкивающей чепухи.

– Рэй...

Сильвара явно смотрит на него уже несколько секунд, ожидая какого-то ответа. А Раймон так и не расслышал вопроса, поэтому просто говорит о том, что хотел сказать сам:

– Завтра мы вылетаем в Долину Цветов.

Пальцы Сильвары, сжимающие корешок книги, белеют.

– Рэй... – почти шёпот, и Раймон смотрит в ответ с недоумением. – Рэй... возьми кого-нибудь ещё?

Раймон хмурится. Он вовсе не хочет другую, и Сильвара видит это, и просто молчит.

Раймон тоже молчит, не желая объяснять свой каприз. Признаваться в том, что Сильвара так же нужна ему там, как и Свеа, и дело тут вовсе не в крови, он не хочет. Свеа... Раймон усмехается внезапной мысли.

– Там будет Свеа, – говорит он будто бы невзначай.

Глаза девушки вспыхивают и гаснут.

– Она стала такой мрачной...

- Это не повод не разговаривать с ней.
- Конечно... я не об этом... Чёрт...
- Не ругайся!

Щёки девушки вспыхивают, и она закусывает губу, сдерживая порыв ответить. Какое-то время снова молчит. Уловка явно удалась, и Сильвара сама уже хочет поехать. Только боится... Чего? Раймон не может понять.

- Хорошо, – сдаётся Сильвара наконец.

Глава 23. Присяга

Свеа появилась только под вечер. Она выглядела немного лучше, чем вчера, но лицо её по-прежнему казалось осунувшимся. К седлу её виверны оказались приторочены кожаные сумки, набитые свитками – кажется, вампирша в самом деле собиралась заняться изучением сумрачного народа.

Едва спустившаяся по лестнице Сильвара тут же бросилась к ней в объятия, так что Свеа вообще не сразу поняла, что происходит, а эльфийка, с головы до ног замотанная в какое-то покрывало, споткнулась и рухнула прямоком ей на грудь.

– Привет, – Свеа мягко улыбнулась, когда Сильвара приникла к ней.

- Свеа!

Раймон встал с дивана и кивнул. Вещи его давно были собраны.

- Идём?

Не обращая внимания на остальных, он направился к выходу.

Линию гор преодолели ближе к полуночи. Почти сразу же сплошная пелена туч, тянувшаяся до самого Гленаргоста, расступилась, открывая взглядам путников чистое небо с маленькими крапинками звёзд и полную луну.

Вдалеке показались верхушки башен, и Раймон почувствовал, как начинает подрагивать стройное тело в его объятиях.

– Силь? – он наклонился и попытался заглянуть эльфийке через плечо. Глаза девушки застилали слёзы. – Всё в порядке?

Силь покачала головой.

- Ветер.

- Осталось немного.

Сильвара кивнула и перехватила его руку на своём плече.

- Рэй... Не показывай меня им, хорошо?

Раймон нахмурился, но кивнул.

– Я просто постою у тебя за спиной, ладно? – продолжила Силь, не заметившая его ответа. – А потом мне ведь не надо будет выходить из твоих покоев.

– Силь, не захочешь – не будешь выходить. Разве я когда-нибудь тебя заставлял?

– Хорошо, – Сильвара кивнула и чуть откинулась назад, опускаясь спиной на грудь полуэльфа.

Когда они миновали внешнее кольцо башен, ветер усилился, будто стоял на страже эльфийского королевства и не желал пропускать туда чужаков. Виверна Свеа шла чуть впереди и краем глаза Раймон видел, как уверенно сжимает поводья тонкая рука – только одна, левая. Правая лежала на эфесе, будто Свеа готовилась в любой миг принять бой.

Однако неожиданностей на пути не оказалось. Они спокойно приземлились и отпустили виверн. Свеа держалась спокойно, будто каждый день оказывалась в окружении врагов. Сильвара принялась крепче кутаться в своё покрывало. Раймон усмехнулся бы этим нелепым попыткам отгородиться за невесомой тканью, если бы не испытывал непреодолимого желания сделать то же самое – натянуть капюшон до самого подбородка и не попадаться никому на глаза.

Около двух дюжин эльфов в разноцветных одеяниях встречали их у входа. Они выстроились двумя рядами, и когда Раймон попал в перекрестье первых двух пар глаз, в голову ему пришла давняя традиция пропускать преступников «сквозь строй».

Сейчас происходило нечто очень похожее. Вряд ли кто-то из присутствующих знал его в лицо, но все взгляды были наполнены ненавистью. Хотелось оглянуться и поймать взгляд Свеа, но Раймон знал, что нужно смотреть в глаза – и смотрел, пока в самом конце ряда не увидел знакомые лица – Тамлин и Твен. Ланга с ними не было.

Раймон стиснул зубы, когда их взгляды встретились. В глазах кузенов промелькнуло узнавание, и Раймон увидел, как ненависть сменяется презрением.

Его рука тоже невольно скользнула к мечу, и он прошёл мимо, заставляя себя не замедлять и не ускорять шаг.

Только оказавшись в просторном круглом зале, занимавшем первый этаж башни Золотого Дракона, Раймон вздохнул с

облегчением.

Свеа шагнула вперёд, становясь с ним вровень и касаясь его плеча своим. Раймон кивнул, давая понять, что ощущает её поддержку.

Здесь народу было куда меньше. Всего несколько дам в струящихся платьях и их спутники. Одна из дам подошла к Раймону вплотную и протянула тонкую руку.

– Наместник, – её взгляд был спокойным и изучающим, и понимание этого прокатилось по телу Раймона волной облегчения. Он взял её кисть и прикоснулся к ней губами. – Я Леди Арэдель, командор Грэм просил меня подготовить ваши апартаменты и показать башню. Желаете ознакомиться со своей резиденцией сейчас?

– Полагаю, – сказала Свеа тихо, – стоит сначала ознакомиться со своим новым двором.

Раймон кивнул.

– Не хочу заставлять ждать благородных гостей.

– Это очень милостиво с вашей стороны, – леди Арэдель вежливо улыбнулась. – Зал Власти готов. Желаете подняться?

– Я найду дорогу, – сказал Раймон. – Пожалуйста, займитесь нашими гостями. И если это возможно – подайте напитки и закуску. Я хотел бы принять их как добрых друзей, а не как просителей.

Во взгляде Арэдель промелькнуло удивление, но она присела в лёгком реверансе и сказала:

– Я распоряжусь.

Больше к новоявленным хозяевам Башни Золотого Дракона никто не подошёл, и Раймон направился к лестнице.

Пролёт за пролётом поднимался он, минуя один этаж за другим, и воспоминания накрывали его с головой. Здесь всё было почти так же, как в Башне Синего Дракона. Немного другие узоры камней и мозаики на стенах, но те же этажи – для слуг, для стражей, для семьи... И самый последний. Этаж, где располагался Зал Власти.

Раймон замер у двери. Одна за другой всплывали в памяти картины его приговоров и наказаний. Он всегда был не только просителем – в зале Владыки он был нежеланным гостем. Теперь же ему предстояло самому занять трон Владыки. Это было странно. Будто круг замкнулся. Впервые с тех пор, как он в последний раз видел Ингрид, его посетило удовлетворение.

Раймон распахнул дверь и вошёл. Здесь всё было чисто, почти стерильно. Только чуткий нюх вампира улавливал запах крови.

– Здесь был убит владыка Сайрен, – сказала Свеа, обходя зал вдоль левой стены, и краем глаза Раймон заметил, как вздрогнула Сильвара. – Телохранитель нанёс удар. Вот так, – Свеа остановилась справа от трона и коротко замахнулась рукой, будто держала в ней кинжал. – Так начался переворот.

Свеа подняла взгляд на Раймона.

– Никогда не ставь в этом месте того, кому не доверяешь.

– Это твоё место... Свеа.

Секунду они смотрели друг на друга, а затем Свеа усмехнулась.

– Думаешь, я всегда буду с тобой?

Стук в дверь не дал Раймону ответить. Наместник развернулся и увидел перед собой Арэдель.

– Наместник, всё готово, – она легко поклонилась, и Раймон кивнул.

Он подошёл к креслу и сел. Свеа осталась стоять, где стояла. Сильвара замешкалась, но, натолкнувшись на вопросительный взгляд Раймона, подошла и встала справа. Покрывало она натянула и в самом деле до подбородка.

– Можете приглашать, леди Арэдель.

Ещё один поклон – и один за другим в залу стали входить гости. Каждого из них Арэдель представляла по имени и по титулу, после чего вошедший произносил короткое приветственное слово – как правило, наполненное ядовитым подтекстом.

В зале уже было двое глав великих домов, когда Арэдель произнесла имя, услышав которое Раймон с трудом заставил себя усидеть на месте.

– Ингрид. Владычица дома Саламандры, – произнесла она, и в комнату вплыла знакомая невысокая фигурка.

Раймон сглотнул.

Ингрид шла, опустив взгляд. Внешне она почти не изменилась, только обычно растрёпанные волосы сейчас были собраны в аккуратную тугую косу. Точёные черты лица, казалось, принадлежали мраморной статуе.

Ингрид подняла глаза, и Раймону показалось, что его сердце остановилось.

Владычица дома Саламандры молчала. Молчала непростительно долго, пока Арэдель не прокашлялась, заставляя обоих братьев очнуться.

– Приветствую вас, наместник, – голос Ингрид непривычно шелестел. – Я пришла засвидетельствовать... Желание... Нашего дома... сотрудничать с вами.

Она склонила голову и, не дожидаясь ответа, прошла на своё место среди глав домов.

Ещё какое-то время Раймон просто смотрел на неё не в силах отвлечься, а когда смог, наконец, сосредоточиться на представлении, зал был уже почти полон, а Свеа настойчивым кашлем напоминала ему, что пришло его время сказать речь.

Раймон прикрыл глаза, вспоминая, как делал это Тауфин.

– Братья...

Нестройный гул прошёл по залу, и Раймон понял, что ошибся, но заставил себя продолжить.

– Братья, – он повысил голос, – я здесь, чтобы сообщить вам радостную новость – пришёл конец войне.

Ещё одна волна нарастающего гула прокатилась по залу.

– Пришёл конец войне, – Раймон повысил голос ещё сильнее, – которая длилась много веков. Больше не будет смертей и разрушений.

Гул не стихал.

– Больше не будет вражды. Не будет ненависти.

Гул рассыпался на множество осколков, смешков и реплик.

Раймон замолк. Он сжал кулаки и обвёл зал взглядом, стараясь заглянуть в глаза каждому.

– Мы можем продолжать предавать друг друга и ненавидеть, но это не вернёт наших потерь. Вы пришли в дом Золотого Дракона...

– Мы пришли, – перебил его один из эльфов и шагнул вперёд. – Чтобы заглянуть в глаза полукровке, который смеет называть себя Владыкой Сумеречного Народа.

– Мы пришли, – ещё один эльф вышел вперёд. – Чтобы спросить по какому праву тот, кто убивал наших братьев, теперь говорит нам о мире.

– Мы пришли...

Третий вышедший вперёд эльф договорить не успел, потому что звонкий голос перебил его:

– Хватит!

Раймон вздрогнул, потому что последний голос звучал не из толпы, а из-за его спины. Алая ткань колыхнулась, и фигура, закутанная в покрывало выступила вперёд.

– Силь... – шепнул он и попытался поймать руку девушки, но запястье Сильвары проскользнуло мимо его пальцев.

– По какому праву спрашиваешь ты, Сурей из дома Морского Змея?

Сильвара рванула покрывало – и в один миг в зале наступила тишина. Она длилась несколько секунд, показавшиеся девушке вечностью, а затем она продолжила.

– Ты хотел взглянуть в глаза своему врагу, Ракиель из дома Шестикрылого?

Сильвара обвела взглядом собравшихся.

– Тогда смотри, Ракиель. Смотри и не отводи глаз от последней урождённой принцессы дома Золотого Дракона.

Она замолкла, глядя в глаза эльфу, первым вышедшему из толпы, и стояла так, пока Ракиель не потупил глаз.

– Ты спрашиваешь, по какому праву, Сурей? – Сильвара обернулась к другому делегату. – По праву родства с Великим Домом Золотого Дракона. По праву супруга младшей принцессы Сильвары и законной владычицы верховного дома Сумеречного Народа. По праву хозяина башни, которую пришлось вернуть истинному владельцу кровью – кровью предателей и кровью друзей. И пусть каждый выберет, кто он – трус, вонзивший кинжал в сердце свою королеву, или верный соратник её семьи. Или, – злая усмешка исказила губы Сильвары, – и в моём праве кто-то желает усомниться?

Она откинула назад косу цвета червонного золота, открывая взгляду толпы своё надорванное ухо, и замолчала.

Тишина длилась почти минуту. Затем прощуршали по мрамору полы чьей-то мантии, и первый из эльфов опустился на колени. Он протягивал перед собой кинжал рукоятью вперёд в древнем жесте воинской присяги.

Секунда – и сосед последовал его примеру, а затем, один за другим, все присутствующие опустились на колени.

Сильвара облизнула губы.

– Я, – сказала она тихо, – Сильвара, дочь Сайрена, объявляю себя Владычицей башни Золотого Дракона не по своей воле, а по долгу крови. Можете встать. Ваша верность принята.

Она шагнула назад и опустила ладонь на плечо Раймона. Только теперь вампир заметил, как дрожит молодая эльфийка.

– И правящим наместником от лица всего моего дома я признаю своего супруга, Раймона из дома Золотого Дракона.

Никто, кроме Раймона, не заметил, как потемнели при звуке этих слов глаза Ингрид.

Глава 24. Принцесса

Когда церемония, наконец, закончилась, и присяги были принесены ещё и наместнику, гости разошлись по группкам – посплетничать и обсудить изменившееся положение дел.

Свеа внимательно следила, кто и что говорит о новом наместнике. Сильвара куда-то исчезла, а Раймон, заметив светловолосую фигуру у самых дверей, поспешил за ней.

Он нагнал Ингрид уже в вестибюле и, поймав её руку, заставил повернуться лицом к себе.

На лице его названной сестры мешалась нечитаемая смесь эмоций.

– Инг... – Раймон сглотнул.

Ингрид облизнула губы. Во всём её теле чувствовалось напряжение, но руки она не вырвала.

– Ты теперь глава дома?

Ингрид прикрыла глаза и кивнула.

– Многих убили на войне. А Бальдер он... не способен править.

– Тебе нужно было уйти со мной.

Ингрид резко открыла глаза и рванула запястье, высвобождаясь из хватки вампира. Глаза её горели непривычным огнём.

– Пойти с тобой? И что было бы, а, Раймон? Я стала бы предательницей, как и ты?

Раймон вздрогнул, неожиданно отчётливо ощутив слова Ингрид как пощёчину.

– Стать твоим миньоном? Или кем я была бы для тебя, супруг Владычицы Сильвары?

Раймон открыл рот, чтобы ответить, но не успел сказать ни слова. За плечом зазвенел колокольчиками переливистый голосок Сильвары.

– Рэй? Вот ты где.

Ладонь Сильвары неожиданно оказалась на его локте, и тонкие пальчики крепко стиснули руку.

– Я искала тебе везде, милый. Нам нужно многое обсудить, – Сильвара перевела взгляд на Ингрид и ослепительно улыбнулась. – Ведь вы не против, Владычица?

Глаза Ингрид вспыхнули.

– Нет, – выдохнула она, а затем, нарушая все правила этикета, развернулась и бросилась прочь.

Сильвара проследила за ней взглядом, и Раймону абсолютно не понравилась улыбка, игравшая на губах рыжеволосой эльфийки.

– Нам точно надо поговорить, – рыкнул он и потянул Сильвару к лестнице.

– Я тебя слушаю, – Раймон развернулся и замер, сложив руки на груди.

Сильвара прокашлялась и бросила на Свеа взгляд, полный мольбы.

– Я тоже, – Свеа упала в кресло и тоже скрестила локти.

Под прицелами двух пар вампирских глаз Силь явно заметно подрастеряла наглости.

– Да я, в общем-то, всё сказала, – она отвела глаза в сторону и сделала вид, что с увлечением разглядывает пейзаж за окном.

Раймон и Свеа переглянулись.

– Её признали, значит, она и правда принцесса, – высказала Свеа общую мысль, и снова оба уставились на Силь.

– А вы не спрашивали! – Выпала она наконец и, развернувшись, метнулась к выходу, но Раймон успел перерезать ей путь.

Схватив новоявленную владычицу за локти, он чуть встряхнул её и твёрдо произнёс:

– Силь! Посмотри мне в глаза!

Некоторое время Силь упорно разглядывала носки своих сапог, а затем вздохнула и всё-таки подняла взгляд.

– Ну, а если бы я сказала, кто бы мне поверил?

Раймон растерянно посмотрел на Свеа.

– Она права, – Свеа пожала плечами. – Мы бы просто решили, что она снова начиталась легенд о драконах.

– Да... – Раймон чуть ослабил хватку, но локти эльфийки не выпустил. – Ладно, предлагаю не заикливаться на прошлом. Чего ещё мы не знаем?

– Пусти, – сказала Силь совсем жалобно. – Не буду убегать.

На сей раз Раймон убрал руки, и Сильвара торопливо принялась растирать больные места.

– Ну, – сказала она, немного успокоившись, – как я и сказала, я младшая дочь Сайрена. Естественно, ненаследная. Отец готовил меня в супруги наследнику Дома Солнца, Аман-Ту. Аман-Ту хотел собрать в союз все эльфийские народы и дать отпор Империи, и, конечно, потомку Короля Драконов не могла не понравиться эта идея. Он думал, вампиры сразу же отступят, увидев нашу силу. Меня учили языкам, чтобы я могла легко общаться с будущим мужем и вести различные переговоры, танцам, этикету, истории... Я никогда не была против, мне даже было любопытно: каков он – легендарный Аман-Ту? Однако все знают, что младшие принцессы часто восстают против своей судьбы. Отец опасался, что так будет и со мной, поэтому ни магии, ни фехтованию меня не учили. Пожалуй, это единственное, что расстраивало меня тогда. Всё было так... – Сильвара стиснула кулаки и отвернулась. – Так... спокойно. И так глупо.

Раймон подошёл и осторожно положил руки на плечи девушке, но та отстранилась.

– Потом пришёл день.... Империя добралась до границ Солнечного королевства. Больше не было времени на обучение. Приехали гонцы от Аман-Ту, и меня спешно снарядили в дорогу. Мы ехали по земле, чтобы не попасться патрулям Империи, и дорога заняла около двух недель. А когда мы приехали... – Сильвара сглотнула. – Когда мы приехали, Аман-Ту был мёртв. Я увидела лицо того, встречи с кем ожидала всю жизнь – холодное и равнодушное, в окружении ветвей священных деревьев.

Сильвара помотала головой, отгоняя воспоминания.

– Что делать – было абсолютно непонятно. Меня сопровождали трое сватов – Каен из дома Салмандры, Дариен из дома Морского Змея и Раэль из дома Ящера. Они стали спорить. Каен предлагал отдать меня в супруги новому королю солнечного народа, но никто не знал,

кто им станет. Король солнечных эльфов был мёртв, как и Аман-Ту. Он не оставил больше сыновей. Наследницей должна была стать одна из его дочерей – Элиана или Виэль. Меня хотели оставить заложницей при Солнечном дворе, но Элиана уже была супругой наместника Империи, и Дариен с Раэлем считали, что она не станет заключать с нами союз. Они также думали, что Виэль в любом случае сделает так, как скажет сестра. Раэль сказал, что раз моя судьба поручена им троим, а союз с другим королевством невозможен, то меня следует отдать самому знатному из эльфов Сумеречного Народа. Все мы знали, что он сам хочет породниться с домом Золотого Дракона. Каен и Раэль стали спорить. Каен выхватил меч, началась схватка, и Раэль убил его. Дариен, до сих пор не вмешивавшийся в склоку, тоже достал клинок и сказал, что Раэлю предстоит ответить перед предками, и... – Сильвара рвано выдохнула. – Когда Дариен убил Раэля, я думала, что он захочет взять меня себе. Было страшно. Я знала, что когда-нибудь буду принадлежать мужчине, но наш союз должны были освятить духи, а мой суженый – стать моим спутником на всю жизнь. Но оказалось, что меня ждёт судьба куда более ужасная. Дариен скрутил мне руки, посадил на коня и повёз прочь. Я не знала, куда мы едем, пока не увидела совсем рядом стены дворцов Гленаргоста. Дариен собирался предать Сумеречный Народ. Он решил продать меня в заложники к кому-то из знатных вампиров. Я плакала, просила его не делать этого... Тогда-то он и сказал мне, что брак с вампиром даст тому право претендовать на престол нашего королевства. Точнее, он сказал так: «Ты же знала, что станешь залогом союза. Но всё ли тебе равно, какого? Твой супруг вряд ли будет более жесток, чем был бы жесток Аман-Ту. Сайвен будет вынужден заключить мир... А если нет, то что ж – королевство достанется твоему супругу уже после его смерти, и ты станешь королевой». Но я не могла так... Да, я должна была стать всего лишь залогом. Залогом объединения эльфийских королевств, а не залогом нашего подчинения врагу. Когда Дариен отправился искать того, кто заплатит за меня, и оставил одну в гостинице, я растянула верёвки и сбежала...

Сильвара снова рвано вздохнула.

– Вот только ничего хорошего из этого не вышло. Денег у меня не было и делать я ничего не умела – разве что... танцевать, – Сильвара усмехнулась. – Я даже пыталась заработать этим, но горожанам мои

танцы не очень нравились, и скоро я оказалась на улице. Я уже знала про миньонов – другие ребята в кабаке, где я танцевала, часто говорили об этом, и о ярмарке. Это было... Ну... Наверное, хуже этого только бордель. Но мне только бордель и оставался, и я решила попытаться. А потом... – Сильвара закусил губу и на секунду замолчала. – Потом я попала тем парням. Они сказали, что эльфам на ярмарку нельзя. Что я и на них могу поработать... Поработать ртом.

Сильвара замолчала, снова пытаюсь справиться с воспоминаниями.

– В общем-то, это всё. Тогда ты меня и нашёл, – эльфийка бросила короткий взгляд на Раймона. – Только когда ты в первый раз попросил меня сделать ну... это... Я вдруг поняла, что со мной случилось то, что и планировал Дариен, только гораздо хуже...

– Замолчи, – Раймон подошёл и крепко стиснул её в объятиях. Тело Сильвары сотрясали беззвучные рыдания, и вампир принялся судорожно гладить её по волосам. – Прости меня. Силь... хорошая моя...

Сильвара прикусила губу и замотала головой.

– За что? Мне всегда было хорошо с тобой. Вряд ли мне где-то могло быть лучше. Поэтому я и решила... Ну...

Раймон положил руку ей на затылок и прижал к своему плечу, выжидая, когда Сильвара успокоится. Разговор не был окончен, но кричать на девушку сейчас не поворачивался язык.

– Всё? – спросил он через какое-то время, и теперь Сильвара кивнула. – А теперь, может, объяснишь мне, с каких пор я твой супруг?

Сильвара на миг закусил губу и осторожно приподняла взгляд на заместника.

– Ну... я же не могла сказать, что я твой миньон. Рэй, если кто-то узнает...

– Я понял, – Раймон снова погладил её по затылку, – но супруг...

Перед мысленным взором его появились потемневшие от злости глаза Ингрид. Раймон снова прижал лицо Сильвары к груди и поверх её плеча встретил искрящийся взгляд Свеа.

– Силь отлично придумала, – сообщила Свеа и улыбнулась, чего Раймон не замечал за ней уже давно.

– А ты и довольна, – в груди слабо колыхнулась злость, но Свеа лишь улыбнулась ещё шире и пожала плечами.

– Если ты всё же уговоришь свою зазнобу... То кто мешает тебе обзавестись второй женой... ну, или наложницей? Сир не ограничен в наборе членов семьи.

Раймон вздохнул. Оставалось объяснить это эльфам...

– Тогда и я остался без миньона... – произнёс он задумчиво, уже отпуская Сильвару и опускаясь на диван.

– Будем жрать друг друга, – Свеа усмехнулась и хлопнула Раймона по руке, лежавшей на подлокотнике, но улыбка тут же сползла с её лица, будто она вспомнила что-то не совсем приятное. – Хотя, вообще-то, это не очень хорошая идея.

– Вы можете приказать привести вам преступников и выпить их в качестве наказания, – предложила Силь, опускаясь в кресло напротив. – У нас ведь нет кодекса, определяющего меру наказания.

– А это мысль, – Раймон перехватил оказавшуюся поверх его руки ладонь Свеа и крепко сжал. – Думаешь, стоит обратиться с этим к Арэдель?

– Не стоит вмешивать в такие дела женщину, – Свеа покачала головой. – Тем более эльфийку. Кто командовал армией на месте?

– Командор Грэм. Он всё ещё должен быть в башне, я собирался поручить ему управление стражей.

– Сейчас разберёмся.

Свеа отправилась на поиски и вернулась минут через пятнадцать. Рядом с ней шёл крепкий вампир в походном доспехе.

– Грэм, – поднявшись, Раймон пожал руку командору.

– Командор... Ваша...

– Просто Свеа.

Грэм облегчённо выдохнул.

– Свеа сказала, вам нужны списки преступников. У меня не всё, значительную часть правосудия тут вершат на местах.

– Это я знаю, – перебил его Раймон.

– Конечно, наместник. Вот. Это досье на тех, чьи проступки эльфы собирались вынести на королевский суд. И тут же полный список имён.

Раймон взял бумагу из рук командора и пробежал взглядом по списку. На губах его заиграла усмешка, а в глазах блеснула злая искра.

– А почему эти люди ещё на свободе? – спросил он жёстко, ткнув пальцем в одну из строчек.

– Я не разбираю их дело детально, но в целом большинство из тех, кто перечислен здесь – благородные эльфы с древней кровью. Владыки доверяют их слову и не считают возможным унижать заключением.

– Хотите сказать, я так же не могу применить к ним эту меру?

– Она нежелательна, – ответила Сильвара за Грэма. – Как правило, используется символическое наказание.

Раймон растянул губы в улыбке.

– Идёмте, проведём суд по всем правилам. А вы, командор, будьте любезны доставить в зал Власти Тамлина и Твена из дома Синего Дракона.

Ждать пришлось недолго – большинство гостей ещё не успело покинуть башню.

Раймон встретил кузенов, сидя на своём законном месте, Свеа и Сильвара, как и прежде, стояли по обе руки от него, а по сторонам собралось немало любопытных.

Эльфов ввели в зал. Руки их были свободны, но обоих придерживали за плечи двое мощных солдат-вампиров.

Раймон молча кивнул на пол, приказывая обвиняемым встать на колени.

Глаза Тамлина сверкнули, но он выполнил приказ. Твен продолжал стоять. Раймон качнул головой, и солдат с силой ударил непокорного эльфа под колено, заставляя рухнуть на пол. Твен опустил голову, но продолжил сверкать глазами из-под бровей.

Раймон опустил глаза на стопку бумаг, которую держал в руках.

– Тамлин, принц младшей ветви дома Синего Дракона. И ты, Твен, принц младшей ветви дома Синего Дракона. Правда ли, что вы оба напали на троих воинов дома Ящера и убили их?

– Это была дуэль, – прошипел Тамлин. – Всё было честно, и Ланг до сих пор не может встать с постели.

– То есть, записано верно, и кровь воинов дома Ящера на ваших руках?

Эльфы молчали.

– Если вам нечего сказать, мне придётся поверить словам свидетелей из дома Ящера, которые считают вас виновными. Лангу

повезло. Его раны послужат ему достаточным наказанием. Пока. Вы же заслужили смерть, как и те, кто пал от вашей руки.

Твен вскинул голову и ядовито усмехнулся.

– Давай. Братоубийца.

– Я не знаю, почему ты называешь меня так, воин Твен. У меня не было и нет братьев, которых я хотел бы убить. Однако, поскольку вы принадлежите к благородному дому, воины которого не раз умирали, защищая свой народ, а в жилах ваших течёт драгоценная кровь драконов, моя супруга просит не лишать вас возможности служить Сумеречному Народу и заменить кару на более мягкую.

Губы Тамлина расплылись в улыбке, а глаза сверкнули, как и глаза брата.

– Вы оба приговариваетесь к лишению чести и гордости. Символом вашей гордости послужат ваши волосы.

Раймон отдал безмолвный приказ солдатам, два клинка синхронно взлетели вверх – и две косы упали на мраморный пол, а волосы братьев рассыпались по щекам. Твен яростно зашипел, изгибаясь и сию секунду рвануться вперёд, но крепкая рука вампира удержала его на месте.

– Символом вашей чести станет ваша древняя кровь. Вы оба отдадите её дому Золотого Дракона и будете отдавать каждый день, пока не заслужите помилования. Вы оба отныне мои миньоны и миньоны моей... – Раймон задумался, – моего командора.

Он кивнул на Свеа и краем глаза заметил, что та отвернулась.

– Суд окончен. И пусть каждый запомнит, что наместник милосерден. Увести.

Упирающихся братьев вывели прочь, а следом потянулись и зеваки.

Раймон встал и повернулся лицом к Свеа. Та всё ещё не желала смотреть наместнику в глаза.

– Свеа? – Раймон попытался поймать её локоть, но Свеа отстранилась. – Что не так?

Свеа на миг поджала губы, прежде чем ответить.

– Никогда я не пила кровь тех, кто этого не хотел.

– Но нам нужна кровь. А добровольцев мы здесь не отыщем. Ты сама обрадовалась такому выходу.

– Выходу, Раймон, – Свеа резко обернулась и нацелила на него обжигающий взгляд. – Меньшему из зол, а не мести, которой ты упиваешься.

Раймон растерянно смотрел на неё с минуту, а затем та скользнула в сторону.

– Я хочу поспать. Разрешите, наместник?

– Да... – выдохнул Раймон вслед уходящей подруге.

Глава 25. Королева

Ингрид стояла на своём балконе, обращённом на запад, и смотрела на изящные контуры башни Золотого Дракона, разрезавшие надвое горизонт.

Прошёл уже месяц с тех пор, когда эльфийские дома принесли вассальную клятву наместнику. Большинству это далось легко – аристократия и так никогда не ладила между собой, и подчиниться чужаку оказалось в какой-то мере проще, чем одному из своих кровных врагов.

Признал власть Империи и дом Саламандры – Ингрид не чувствовала в себе ни сил, ни желания противостоять неизбежному. О том, кто именно олицетворял собой Империю, Ингрид старалась не думать.

В первые же дни пришла весть о том, как Раймон расквитался с кузенами. Хотя Ингрид никогда не ощущала в себе особой любви к детям младшей ветви, ей было жаль леди Айниру. Узнав о позоре сыновей, как рассказывала Ингрид верная Марлин, Айнира в миг поседела. Три ночи она не спала, глядя в окно, а затем ушла – как говорили, в Долину Цветов.

Айнира принадлежала к тому гордому поколению, которое видело тяготы Исхода, а затем пережило многолетнюю непрекращающуюся войну. Она похоронила мужа и брата на этой войне и жила лишь для того, чтобы жили её сыновья.

Ингрид, узнав о судьбе братьев, лишь побледнела. Она смутно чувствовала, что вовсе не Тамлин и Твен интересуют нового наместника. Хотя Раймон вступил в брак, как и она сама, Ингрид непрестанно ощущала незримую связь, протянувшуюся между ними. Вот только что она значила, и что следует ждать от наместника, она пока что понять не могла.

Хуже отреагировал на новости Белл – и это Ингрид тоже немало беспокоило.

Ещё в день приезда Раймона Белл отказался присутствовать на встрече, послав вместо себя братьев. Теперь же у него были все основания утверждать, что сам он присяги не приносил. Этим он и занимался. Распускал слухи и подговаривал дальнюю родню выступить против наместника. Как будто не понимал, что армия, победившая их однажды, сделает это и ещё раз.

Он предлагал и самой Ингрид вступить в заговор, но та отказалась сразу же. За те годы, что она провела в семье Бальдера, Ингрид по-настоящему привыкла считать её своей. Белл собирался рискнуть её прежним домом, но Ингрид не собиралась позволять ему впутывать в это дело Саламандр. Слишком много сил ушло на то, чтобы занять место главы дома у жены ненаследного принца.

Ингрид изо всех сил старалась избегать придворных интриг и не показываться при дворе, ожидая, когда буря утихнет.

– Она не отвечает на мои письма, – Раймон швырнул на стол кипу конвертов, которые исправно возвращались к нему.

Свеа, сидевшая в кресле напротив, вздохнула и поставила на стол кубок с кровью. С миньонами она виделась строго по расписанию, предпочитая забирать их кровь через слуг. Раймон не понимал этой брезгливости – то и дело он вспоминал, как много лет назад Свеа сама учила его питаться и объясняла, что контакт с миньоном – лишь средство выжить.

Не обрадовалась решению Раймона и Сильвара. Это вызывало особое раздражение, потому что Раймону со всех точек зрения было бы удобнее питаться привычной и покладистой эльфийкой, чем каждый раз укрощать своих осуждённых. Позор кузенов принёс ему мгновенное облегчение и чувство падения – ещё одна горсть земли ухнула куда-то в глубину, не в силах заполнить черноту внутри него. Теперь общение с ними вызывало лишь новую злость, но идти на попятную Раймон не хотел.

– Рэй, зачем тебе это?

Раймон столкнулся взглядом с подругой и остановился. Слов не было. Только злость, которая с каждым днём становилась лишь

сильней.

– Опять будешь читать мне нотации? – нахмурился он.

– Я пытаюсь с тобой поговорить. Жаль, если ты воспринимаешь это так.

Раймон нахмурился ещё сильнее и отошёл к окну. Там, в туманной дымке заката, пронзали небо шпили башни Саламандры. Он был в тех местах всего раз, а теперь ступить на эти земли казалось страшнее, чем когда-то – выйти один на один против Древней.

– Ты думаешь, я не понимаю? – спросил он, наконец, прислоняясь лбом к стеклу.

Свеа пожала плечами.

– Я не знаю. Но хотела бы знать.

Раймон стиснул зубы и зажмурился, отгоняя образы, которые видел во сне день ото дня.

– Свеа... Она – моя жизнь.

Свеа заставила себя сохранить спокойствие. Она молча ждала продолжения, но Раймон отодвинулся от окна и направился к двери.

– Я напишу ей ещё раз.

– Рэй! – взвыла Свеа и в два шага перегородила наместнику путь к двери. – Не смей так уходить.

Раймон снова уставился на неё и долго стоял молча. Потом прислонился к стене и закрыл глаза.

– Кем ты была до обращения, а, Свеа?

– Ты знаешь, я была исследователем.

– Я не об этом... Неважно, кто ты, военная или учёный... Значение имеет лишь то, кто ты для людей вокруг тебя.

Свеа фыркнула и тоже прислонилась к стене рядом с Раймоном.

– Ничего глупее я в жизни не слышала.

– Но это так. Что останется от нас, кроме памяти?

– Книги. Земли. Золото.

Раймон покачал головой.

– Всё это ничто, когда тебе некому это оставить.

Он закусил губу и на миг помолодел на несколько десятков лет, а затем отвернулся и снова отошёл к окну.

– Когда я попал в Дом Синего Дракона, я был никем. Никем, потому что никто не знал моего имени. Никого не интересовало, что я

и кто я. И она, Ингрид, дала мне имя. Она сказала, что я буду её – и я понял, зачем я нужен. Понимаешь...

Свеа отвернулась.

– Понимаю, – сказала она тихо, но Раймон, кажется, не слышал.

– Когда всё вокруг не имело смысла... Когда вокруг было лишь презрение – заслуженное презрение, потому что и сам я знал, что я никто... Она смотрела на меня – и я знал, что я существую. Весь мой мир начинался и заканчивался ею, и только в её памяти я жил. В её глазах.

Свеа вздохнула.

– Это было давно, Раймон... – сказала она тихо.

– Это было всегда. Это было моё рождение. Всё, что я делал потом, было для неё. За неё я готов был терпеть побои и унижения, драться и идти на смерть... я ни разу не пожалел ни о чём, что сделал для него до того дня, когда увидел её с Бальдером... Но и тогда я не мог понять, что происходит со мной. Мир раскололся на реальность и сон, и Ингрид, которая не смотрела на меня, была частью сна, наваждением, оковами магии крови или древним заклятьем. Всё, чего я хотел – вернуться к ней. Вернуться, чтобы она снова посмотрела на меня – и увидела. Чтобы я родился заново в её глазах.

– Восемьдесят лет, Раймон...

– Да... – Раймон опустил голову. – Восемьдесят лет дороги домой... Домой, где не осталось ни любви, ни друзей... Домой, где её глаза всё так же смотрят сквозь меня. Будь я хоть самым Императором, наверное, они смотрели бы так же... Но я не могу понять... – Раймон внезапно обернулся на Свеа и поймала его взгляд. – Не могу понять, почему? Что со мной? Я был мальчишкой-полукровкой, бродягой, никчёмным приживалой. Но и тогда я значил для неё больше, чем теперь. Я бы отдал всё за возможность снова стать её псом, но ей не нужно это, и я не перестаю задавать себе вопрос – а было ли нужно когда-то? Может, если бы я знал ответ, мне было бы легче...

– Тебе не было бы легче.

Свеа резко шагнула к нему, но что-то остановило её руку, и она так и не решилась коснуться плеча друга. Будто невидимая стена выросла между ними.

– Тебе не станет легче, Раймон, пока ты не перестанешь оглядываться назад. Вот он, смотри, – она всё же дёрнула Раймона за

плечо, снова разворачивая лицом к окну. – Вот он – твой дом. Твоя мечта. Камни и пепел. Не ты виноват в этом. Просто никогда не было этого дома.

– Но тогда не было и меня! – Раймон вырвался из рук Свеа и снова посмотрел на неё. – Разве ты не можешь понять... Я только там и жил. Всё, что я помню хорошего, связано с Ингрид. Закрывая глаза, я вижу синее небо, её развевающиеся на ветру волосы... И ту ночь, когда мы почти принадлежали друг другу. Когда она предложила себя мне. Предложила сама. Или ты скажешь, что и этого не было? Что это лишь сон?

– Предложила себя тебе... – Свеа неожиданно горько усмехнулась. – Так много стоит честь невинной девчонки, которая ещё не знает, что отдаёт. Так, Раймон?

Раймон кивнул, ещё не понимая, к чему клонит Свеа.

– Жаль, что я давно уже не девчонка... – сказала она и отвернулась.

Раймон не знал, что ответить. Свеа казалась неумолимо далёкой и близкой в то же время. Хотелось говорить с ней, потому что только она и могла слушать – и в то же время говорить было мучительно стыдно.

Он открыл рот, но произнести так ничего и не успел, потому что дверь открылась без стука, и на пороге показался запыхавшийся адъютант Грэма, Шарль.

– Наместник! – выпалил он, складываясь в два раза и пытаясь отдышаться. – Наместник, королева ранена. Очень тяжело.

Раймон не сразу понял, о ком идёт речь. А поняв, тут же бросился к дверям.

У Сильвары никогда не было собственной виверны. Она подозревала, что если бы попросила у Раймона нечто подобное, тот наверняка не был бы против, но сама эльфийка никогда не стремилась остаться в землях Империи в одиночестве. То недолгое время, которое она провела в Гленаргосте без охраны, ничуть ей не понравилось, и она абсолютно не стремилась его вернуть. С Раймоном было спокойно. Он давал Сильваре читать сколько влезет, не дёргал по пустякам и всегда старался смягчить её настоящие обязанности. А, кроме того, в

его доме и в доме Свеа Сильвара давно уже чувствовала себя как за каменной стеной и абсолютно не хотела из-за этой стены выбираться.

Силь не горела желанием и возвращаться на родину. Особенно после того, как услышала о смерти отца. Она отлично понимала, что теперь её кровь станет поводом охотиться на неё пуще прежнего, а в одиночку она никак не справится с интригами, которые будут плести вокруг последней из рода Золотого Дракона.

Объявить Раймона супругом показалось ей просто потрясающей идеей. Идея эта осенила её мгновенно, когда она увидела презрительные взгляды, направленные на её благодетеля. Хотелось выйти вперёд и сделать что-то этакое, в духе героев древности... Вынуть из ножен меч и отсалютовать им врагам... Или воздеть руку и призвать силы тьмы! Но у Сильвары не было ни меча, ни старинного гримуара, и она воздела то, что смогла – своё порванное в далёком детстве ухо.

Потом было страшно. Но отступить не хотелось – ведь герои легенд так не поступают. А когда напыщенные послы стали падать на колени один за другим, Сильварой овладело незнакомое ей ранее озорное торжество.

Она была королевой. Настоящей королевой. Пусть младшей – но ведь это только к лучшему. Все серьёзные дела оставались на совести Раймона, а она, Сильвара, могла просто наслаждаться красотой и гармонией своего собственного королевства.

Немного озадачило девушку решение Раймона относительно миньонов. Она давно уже не воспринимала своё место при наместнике как уничижительное – в конце концов, Раймон засыпал её подарками в Ночь Звезды, предупреждал, когда уезжал надолго, и всячески считался с её интересами.

Теперь вдруг выяснилось, что положение миньона – позорное и приличествует только преступнику. Сильвара не решилась спросить об этом у Раймона, тем более, что последнее время у наместника абсолютно не было времени. Тот был уверен, что Сильвара пропадает где-нибудь в библиотеке с кипами книг.

А Сильваре внезапно надоели книги. Она сама теперь была героиней легенды, и чужие выдуманные миры казались ей плоскими и иллюзорными.

Первым делом она попросила Арэдель обеспечить её слугами. Особенно приятным оказалось то, что теперь они подчинялись лично ей, а не отцу или супругу. Арэдель, кажется, пыталась задать Раймону вопрос о том, какие привилегии полагаются его «супруге», но тот лишь махнул рукой и велел делать всё, что бы Сильвара ни попросила.

Сильвару такое доверие немало обрадовало. Она возвращалась к той жизни, о которой давно забыла. И вторым её приказом было приобрести для неё виверну. Сама она в ездовых животных не понимала ничего и смиренно воспользовалась помощью наставника, которого рекомендовала ей леди Арэдель. Этот же наставник провёл с Сильварой несколько пробных полётов. Управление рептилией давалось девушке неожиданно легко – как сказал наставник, душа её была чуткой, а мысли яркими, и виверне это нравилось.

Теперь почти все свои дни Сильвара проводила, кружась на новеньком летуне над башнями Золотого Дракона, а потихоньку осмеливалась и покидать его пределы – конечно, только с охраной. Тут она тоже рисковать не собиралась. Поскольку Арэдель она почти не знала, а у Раймона никогда не было для неё времени, Сильвара обратилась за помощью к Свеа. Та нахмурилась – отпускать Сильвару далеко ей не хотелось, но просьба выглядела более чем разумной, и Свеа порекомендовала ей двоих старых гвардейцев, преданных лично ей. Когда Сильвара согласилась, Свеа быстро и легко устроила им новое назначение, и теперь Сильвара по ночам рисковала долетать до самой границы.

В ту ночь небо затягивали тучи, и даже эльфийское зрение не позволяло Сильваре видеть дальше пары метров перед собой. Она искренне надеялась, что охранники ориентируются лучше неё, и далеко лететь не решилась – всего лишь сделала, как ей казалось, пару кругов над башнями и по дуге прошла над ближайшим холмом.

Однако, когда виверна вынесла её из-за покато́й верхушки холма, оказалось, что шпилей рядом нет, как и охраны. Длилось это совсем недолго, и Сильвара поспешила развернуть животное назад.

Уже в повороте она почувствовала, как что-то ледяное врежется ей в бок, и пронзительно закричала. Виверна дёрнулась, непривычная к такому, но тут же выровнялась. В следующую секунду боль повторилась, но теперь она прорезала спину под рёбрами. Сильваре показалось, что она заваливается набок, а земля неумолимо

приближается, но тут же чьи-то руки подхватили её, послышались грубые окрики, и тьма окончательно заволокла всё кругом.

Глава 26. Хранительница

Раймон замер, молча и холодно глядя на лежащую перед ним девушку.

Сильвару пришлось положить на живот – обе раны оказались на спине. Её только что принесли, и теперь дворцовый лекарь хлопотал вокруг эльфийки, пытаясь безболезненно выдернуть хотя бы одну стрелу. Силь же дёргалась при каждом прикосновении и норовила закричать в голос.

– Тихо, тихо, – Свеа уселась в изголовье кровати и погладила её по макушке. – Силь, не дури.

– Больно... – Сильвара поймала запястье Свеа и сжала обеими руками.

– Так надо, малышка...

Раймон отвернулся. Слушать неразборчивые лепетания Сильвары и такие же бессмысленные утешения Свеа не было ни желания, ни сил.

Наместник отозвал Шарля в сторонку и спросил:

– Почему нет Хранителя?

Шарль прокашлялся.

– Хранителей очень мало, наместник...

– Я не так поставил вопрос, Шарль. Когда будет Хранитель?

Шарль вздохнул.

– Ближайшая, к кому мы можем обратиться – Хранительница дома Саламандр. Мне показалось, вас не устроит такой выбор. Ходят слухи...

Раймон сверкнул на него взглядом, и Шарль замолк.

– Чтобы через пятнадцать минут тут была Хранительница. Хоть из пасти самого Золотого Дракона.

– Да, наместник, – Шарль поклонился и двинулся прочь.

Раймон ещё какое-то время наблюдал, как носится лекарь с перевязкой, а Свеа осторожно гладит девушку по голове. Одну стрелу кое-как удалось извлечь, и теперь она лежала на столе, перепачканная кровью. Вопреки обыкновению, вид крови Сильвары не вызывал никакой жажды.

Раймон взял стрелу и повертел её в руках. Оперение серое. Никто из домов не брал на себя ответственность за покушение и не пытался

подставить других. И всё же стрела казалась смутно знакомой.

Закончить мысль он не успел. Дверь открылась, и на пороге показалась Ингрид – растрёпанная и всклокоченная, будто её вынули прямиком из постели.

– Что здесь... – Ингрид замерла, увидев перед собой распростёртое на кровати тело.

Наместник прокашлялся.

Ингрид сделала пару шагов вперёд, протянула руку, будто желая коснуться раненной, и только потом посмотрела на Раймона.

– Сожалею, что пришлось вас разбудить, Хранительница...

Ингрид не стала слушать. Она молча опустилась на край постели и принялась разматывать только что наложенный бинт.

– Вытащите стрелу, – приказала она, и в голосе Хранительницы прозвучали незнакомые Раймону интонации.

– Нет!

Сильвара дёрнулась, натолкнулась на руку Ингрид и снова упала на постель. Мягкая рука Ингрид скользнула по её плечу, успокаивая.

Ингрид подняла глаза на Свеа, сидевшую напротив.

– Стрелу нужно вынуть. Иначе я никак не помогу.

– Мы знаем, но это не так просто. Силь боится...

– Вы же вампиры, – фыркнула Ингрид. Раймон был уверен, что Хранительница вот-вот посмотрит на него, но этого так и не произошло. Слова Ингрид обращались к двоим, но говорила она только со Свеа. – Ваша хвалёная магия может хоть что-то?

Свеа нахмурилась и опустила взгляд на Сильвару.

– Свеа, не...

Договорить она не успела.

Свеа повела в воздухе рукой, и Сильвара замерла, становясь послушной, как кукла.

Ингрид закусил губу и потянула на себя вторую стрелу. Сильвара не сопротивлялась, хотя спина её покрылась испариной. Засел снаряд крепко, и когда кончик, наконец, показался на глаза, Ингрид вздохнула с облегчением. На секунду она опустила веки, бросила на стрелу кривой взгляд и вернулась к спине Сильвары.

– Что-то не так? – спросил Раймон, подходя вплотную.

– Мифрил, – пробормотала Ингрид совсем тихо, но Раймон услышал и вздрогнул. Мифриловые стрелы использовали только в

одном доме, и оба они знали в каком.

Как загипнотизированный он наблюдал за движениями тонких рук и пытался осмыслить то, что только что узнал.

Белл ненавидел его – в этом не было ничего нового. Белл наверняка был обижен за кузенов, а в Башне многие поговаривали, что он не признаёт принесённую ими присягу.

И в то же время...

Белл мог ненавидеть вампиров и презирать его лично, но убивать ни в чём неповинную эльфийку... Совсем девчонку.

«Впрочем, – подумал Раймон и усмехнулся, – и в этом ничего нового нет».

Ингрид закончила. На Раймона она по-прежнему не смотрела.

– Она очень слаба, и ей нужен покой. Могу я всё-таки узнать, что произошло?

Раймон и Свеа переглянулись.

– Мы и сами толком не знаем ничего, – ответила Свеа за двоих.

Ингрид недовольно поджала губы, но промолчала.

– Мы благодарны за помощь, – сказал Раймон. Слова давались с трудом. Как будто это Ингрид была повинна в произошедшем. – Шарль проводит вас домой.

Ингрид на секунду заледенела, а затем стремительно вскинула взгляд на наместника.

– Я хочу, чтобы Вы проводили меня, – сказала она твёрдо.

Наступившая тишина показалась Раймону тяжёлой, как промокшая парусина. Ещё час назад он мечтал, чтобы Ингрид попросила его о чём-то подобном, но теперь, рядом с тяжелораненой Сильварой, всё приобретало совсем иной смысл.

Ингрид смотрела на него... Смотрела холодно, как всегда, но на миг в её взгляде промелькнуло что-то новое. Мольба.

– Хорошо, – сказал Раймон твёрдо, и Свеа едва удержалась от того, чтобы застонать.

Наместник открыл дверь, приглашая Ингрид выйти, и они молча спустились на первый этаж. Раймон приказал оседлать виверну, но Ингрид остановила его.

– Не надо. Дальше я сама.

– До дверей тебя мог проводить и Шарль.

Ингрид стиснула кулаки. На Раймона она уже не смотрела, и наместник собирался было вернуться в башню, но рука Ингрид внезапно легла ему на плечо.

– Стой.

Раймон остановился. Он ждал, но продолжения не было слишком долго, так что, не выдержав, наместник повернулся к Ингрид и чуть развернул её к себе, заставляя всё же посмотреть в глаза.

Ингрид стиснула зубы. Гордость тисками сдавила грудь, не позволяя вздохнуть, не то что заговорить.

– Мы оба знаем, – выдавила она, наконец. – Чья это стрела.

– Да, – сказал Раймон ровно, всё ещё разглядывая голубые глаза, которых не видел столько лет.

– И что будет теперь?

– Люди Белла пытались убить мою... супругу. Они должны заплатить, иначе все будут думать, что в нового короля можно стрелять.

Ингрид сглотнула.

– Они – твоя семья, – сказала Ингрид тихо.

Раймон поднял брови. В этот миг он чувствовал своё родство с сумеречным народом меньше, чем когда бы то ни было. Одно за другим в памяти всплывали незаслуженные наказания, но даже тот день, когда его бросили к вампирам, казался наивной шуткой по сравнению с тем, что сделали с Сильварой.

Сильвара боялась боли. Она была к ней неприспособлена так же, как и ко всей жизни за пределами дворца. И Раймон не сомневался, что Ингрид должна понимать это лучше, чем кто бы то ни было. Только поэтому Раймон никогда не таил злобы на свою названную сестру – он знал, что такие, как она, слеплены из другого теста. Их нужно оберегать. За них нужно мстить, потому что сами они не смогут отомстить за себя.

Слов, чтобы выразить всё это, не было.

– Белл заплатит, – сказал он и убрал руку со щеки Ингрид.

– Он мой брат.

– Да. Наверное, это так.

Ингрид закусила губу.

– А если я попрошу тебя?

Раймон не шевельнулся. Он подумал, что должен бы испытать радость. Ингрид собиралась его просить. Ингрид видела его. Наконец. Но то чувство, которое наполнило его пустоту до краёв, больше походило на чёрное, желчное удовлетворение.

– Попроси, – сказал он мягко.

Ингрид продолжала кусать губу. Даже теперь она не могла сделать этого.

– На что ты пойдёшь, чтобы спасти брата, а, Инг? – Раймон едва заметно улыбнулся. – Пойдёшь ли ты на то же, на что пошла ради власти? Влезешь ли ко мне в постель?

Ингрид замахнулась, чтобы ударить его, но Раймон поймал запястье эльфийки налету и поцеловал.

– Что? Ты хотела заплатить мне куда меньше? Думала, я сделаю всё для тебя, стоит тебе заглянуть мне в глаза, чуть приспустив ресницы, как ты делала это со всеми и всегда?

Ингрид попыталась отшатнуться, но не смогла. Рука Раймона держала крепко. Ингрид с ужасом смотрела в чёрные глаза, но не могла разглядеть в них ничего. Ничего, кроме темноты.

– А если... Если я лягу с тобой... Ты простишь его?

Раймон только теперь убрал руку.

– Если ты сделаешь это, Ингрид... Ты будешь выглядеть жалко.

Раймон отвернулся и пошёл к башне. Ветер хлестал его плащ. Приближалась гроза.

– Впрочем, попробуй, – бросил он через плечо, – возможно, это меня развлечёт.

Дверь за спиной наместника захлопнулась. В вестибюле было тепло и светло. Пожалуй, даже слишком светло.

Свеа стояла у лестницы, сложив руки на груди, и задумчиво смотрела на наместника.

– Что произошло? – спросил старший вампир.

Раймон покачал головой, разгоняя странное марево кошмара.

– Я знаю, кто стрелял во Сильвару, – сказал он.

Свеа серьёзно кивнула, показывая, что готова слушать дальше.

– Это Дом Синего Дракона. Только ничего сейчас не говори, Свеа, хорошо?

Свеа, как раз скривившая губы для ядовитого замечания, кивнула и промолчала.

– Доказательства есть? – спросила она вместо заготовленной шпильки.

– Стрелы. Но мы не можем обвинить целый дом.

Свеа кивнула.

– Нужно выяснить, кто именно в этом замешан и от кого исходил приказ.

– Я знаю от кого, – Раймон рванулся вперёд и едва заставил себя остановиться. Ярость была так сильна, что ему было уже всё равно, кто падёт её первой жертвой. – Приказ отдал Белл, – сказал он уже спокойнее. – Этого я доказать не могу, но знаю точно.

И снова Свеа кивнула.

– Я уеду на пару дней, – сказала она. – Попробую выяснить всё.

Свеа шагнула вниз, но Раймон поймал её плечо.

– Только не рискуй зря. Возьми охрану.

Свеа фыркнула.

– Да, сир.

Через секунду она уже снова была серьёзна.

– Ты переживаешь из-за Сильвары, Рэй. Я тоже. Но не забывай о том, что для них она – королева. И единственная, кто делает твою власть здесь законной. Спускать этого нельзя.

– Я знаю, – перебил её Раймон. – Он ответит. За всё.

Глава 27. Владыка.

Первые лучи солнца выбивались из-за горизонта. Голубые перья облаков рассеивали их, создавая невероятный мираж.

Свеа направила виверну вниз и заложила круг над стенами башни Синего Дракона. Двое охранников повторили её манёвр, а затем вся троица зависла над парадными воротами.

– Ксавье, – позвала Свеа негромко, и один из её спутников тут же подвинул свою виверну на два метра вперёд. – Ты останешься снаружи. Найди укрытие, из которого тебе будет хорошо видно всё, что происходит в башне. Если до вечера мы не появимся – возвращайся к Раймону.

– Да, командор.

Свеа поморщилась, но промолчала.

Виверна сопровождающего повернула в сторону и скрылась среди холмов.

– Полетели. Поздороваемся.

Свеа вывела виверну на открытое пространство и демонстративно заложила ещё несколько кругов, позволяя всем бездельникам сбежаться и образовать у ворот немалую толпу. Только после этого она опустила виверну на землю и стала ждать, не покидая седла.

Охрана появилась через полминуты. Проигнорировав нацеленные на неё луки и выставленные в её сторону копья, Свеа сообщила:

– Делегация от её величества Сильвары. С кем мне следует говорить?

В толпе произошло шевеление. Охрана не двинулась с места, продолжая держать визитёршу на прицеле. Однако ещё через пару минут двери центральной башни открылись, и на пороге показался эльф в такой же воинской одежде, но опоясанный синей шёлковой лентой.

– Капитан Дариэль. С кем я говорю?

– Моё имя Свеа. Уполномоченный представитель королевы Сильвары.

По лицу эльфа пробежала тень. Свеа не сомневалась, что того смутило упоминание «королевы Сильвары». Значит, капитан был уверен, что малышка уже покоится в могиле.

– Я хочу видеть владыку Белла, – сообщила Свеа.

– Владыка Белл не принимает.

Свеа нахмурилась, приготовившись продолжить спор, но не успела: двери снова раскрылись, и вылетевший оттуда мальчишка потянул капитана за плечо и зашептал что-то ему на ухо, прикрывая рот рукой.

Гонец снова скрылся в дверях, а капитан отодвинулся в сторону и легко поклонился.

– Прошу, – предложил он, указывая на дверь, но едва Свеа спешила и отпустила виверну, стражи вновь преградили ей дорогу.

– Оставьте оружие здесь, посол. В нашем доме царит мир.

Свеа ответила не сразу. Расставаться с мечом не хотелось абсолютно, даже при том, что она знала, что в одиночку вряд ли прорвётся с боем. И всё же именно это стало решающим аргументом. Сделав над собой усилие, она отстегнула ножны и протянула их перед собой, давая понять, что оружие отдаст только лично в руки капитану.

Дариэль подошёл и с поклоном принял клинок.

Свеа бросила взгляд на сопровождающего, и тот точно так же отдал капитану свой меч.

Только после этого стражи расступились, и Свеа смогла пройти в Башню.

Архитектура башни была проста – видимо, все они были похожи друг на друга. Сопровождаемая враждебными взглядами охраны, стоящей у каждой дверей, Свеа поднялась на верхний этаж и остановилась у дверей зала Власти. Здесь охраны было вдвое больше, и Свеа видела, что в других концах коридора тоже стоит стража.

Она распахнула двери и вошла.

Белл сидел на кресле, похожем на то, что уже видела вампирша. Только барельефы на подлокотниках отблескивали не золотым, а синим.

– Приветствую тебя, – Свеа поклонилась и остановилась на некотором расстоянии от Владыки.

Белл молчал. Свеа отметила, что для эльфа он выглядит довольно взрослым, если не сказать старым. Под глазами его залегли морщины, а губы были плотно сжаты.

Белл так же беззастенчиво разглядывал гостью.

– Зачем ты здесь? – спросил он, когда молчание откровенно стало затягиваться.

– Я пришла говорить с тобой от лица Владыки всех эльфов.

– Владыки, – Белл фыркнул.

– Владыки, – повторила Свеа ровно.

– Кого ты называешь Владыкой? Жалкого предателя?

Рука Свеа опустилась туда, где должен был находиться эфес, и замерла.

– Я называю Владыкой, – продолжила она так же спокойно, – наследницу дома Золотого Дракона. О наместнике же мы можем поговорить отдельно.

Белл снова фыркнул. Свеа увидела, как сжимается в кулак его рука, лежащая на подлокотнике. Взгляд Белла устремился куда-то вдаль, сквозь вампиршу.

– Он должен был прийти сам, – сказал Белл тихо.

– Если бы это и было уместно, её величество серьёзно ранена и не может покидать дворца.

Белл со злостью посмотрел на Свеа.

– Не валяй дурака, упыриха. Мы оба говорим о Раймоне, – последнее слово дышало ядом. – А до вашей девчонки мне нет дела.

– Я была бы рада, если б это было так, – ответила Свеа спокойно, – но меня сюда привели не дела Раймона, а несчастье, приключившееся с законной королевой.

Белл снова фыркнул.

Свеа засунула руку под плащ. Тут же караульные у дверей заняли боевую стойку, но, помедлив лишь секунду, Белл дал им отмашку, и те опустили оружие.

– И чего ты хотела добиться? – спросил Владыка.

Свеа замешкалась. Она ожидала, что Белл попытается отрицать свою причастность к покушению, но тот не реагировал никак.

– Я хотела узнать, кто из ваших людей не послушал вас и выпустил эту... – Свеа вынула всё же из-за пазухи стрелу. – Эту стрелу в нашу королеву.

Белл пошевелился, удобнее устраиваясь в кресле.

– Стрелу пустили по моему приказу, – сказал он, откидываясь на спинку трона. – Ты это знаешь, и это знаю я.

– Довольно откровенное заявление, – заметила Свеа.

– Оно предназначалось не тебе.

Свеа промолчала, пытаясь понять, чего же добивается Белл.

– Но он придёт ко мне, – продолжил Владыка. – Стража...

Он качнул головой, и двое стражников рванулись к Свеа. Вампирша едва успела придушить одного из них, а другому впиться в горло зубами, когда ещё четверо ворвались в раскрывшиеся двери.

Свеа отшвырнула от себя жертву и рванулась к нападавшим. Она сделала всего пару шагов, прежде чем летящие справа и слева стрелы заставили её упасть на мраморный пол.

Краем глаза она заметила полыхающее огнём тело сопровождающего.

Ксавье прождал несколько часов. Он мог бы потерять бдительность, если бы не успел прослужить под началом Свеа более десяти лет и не знал теперь, что командор не отдаёт приказов напрасно.

Когда солнце уже коснулось противоположной стороны горизонта, вампир увидел, как несколько стражей волокут по двору утыканное стрелами существо. Золотые волосы закрывали глаза, но он

знал командора достаточно, чтобы не сомневаться. В первый миг рука инстинктивно рванулась к мечу – и тут же опала. Свеа отдала приказ. И приказ был отдан не зря.

Кликнув виверну и не думая о том, что впереди его ожидает ещё не спустившееся солнце, Ксавье бросился назад, к башне Золотого Дракона.

Раймон слушал доклад молча, и только тот, кто знал его всю жизнь, мог бы заметить, как мрачнело лицо наместника с каждым словом.

Он отвернулся к окну и прислонился к стеклу лбом. Никогда ещё Раймон не чувствовал себя таким одиноким. Впрочем, нет. Он был таким одиноким давным-давно, в доме Синего Дракона. С тех пор, что бы он ни делал, рядом всегда был кто-то, кто готов был выслушать и простить. Свеа. Или Силь.

Только сейчас он заметил обступившую его пустоту. Раймону всегда было легко принимать мгновенные решения, которые не позволяли думать. Так он заступился за Тауфина. Так он заслонил собой Императора. Сейчас было так и не так одновременно. Он должен был решать сам, и у него было время обдумать решение со всех сторон. Но каждая потраченная минута могла быть минутой страданий для Свеа.

А медлить смысла не было – он понял это внезапно. Он знал, кто виновен в покушении и некому было сказать, прав он или виноват.

– Войско готово?

– Всегда, наместник! – выдохнул Ксавье.

– Передай Грэму, пусть выступает к башне Синего Дракона. Я хочу, чтобы до утра он выжег там всё дотла. Белла пусть доставит ко мне. Живым.

Ксавье поклонился, но почему-то мешкал, и Раймон нетерпеливо оглянулся к нему.

– Простите... наместник... А Свеа?

Раймон поморщился.

– Само собой. Свеа тоже ко мне.

Раймон даже не пытался уснуть, хотя мысли толком и не лезли в голову. Всё время вспоминалось улыбающееся лицо Свеа, хотя он уже

и не мог вспомнить, когда видел её такой. Потом перед глазами вставала спина Сильвары, истыканная стрелами. А затем смеющееся лицо Белла – совсем молодого, такого, каким Раймон запомнил его с их последней встречи.

Он мерил шагами комнату, то и дело замирая на месте и глядя в камин, озарённый магическим пламенем. А затем снова срывался вперёд, чтобы сделать ещё два шага и замереть.

Перед самым рассветом раздался стук в дверь.

– Да! – крикнул Раймон, уверенный, что в коридоре его ждёт гонец от Грэма. Сотни виверн вполне должно было хватить, чтобы уничтожить то, что он привык считать своим домом, и Раймон рассчитывал получить вести с поля боя к утру.

Однако, когда дверь открылась, на пороге стоял вовсе не Грэм и не кто-то из адъютантов.

Ингрид, прекрасная и холодная, всплыла в гостиную и прикрыла за собой дверь.

Она остановилась, кусая губы, от чего те становились ярко-розовыми, как спелая клубника.

«Что ты здесь делаешь?» – хотел спросить Раймон, но вид этих губ остановил его, он будто бы разом забыл все слова.

– Раймон... – Ингрид снова прикусила губу, прежде чем смогла заговорить. – Я думала о нашем разговоре.

Раймон молчал. Почему-то то, о чём думала Ингрид, сейчас абсолютно его не волновало.

– Ты изменился, – выдохнула Ингрид, и Раймон снова промолчал. Ответ знали они оба: восемьдесят лет – это целая жизнь.

– Раймон, – продолжила Ингрид, – что бы ни было между нами... Между нами всеми... Он наш брат.

Раймон отвернулся к окну. Отсюда башни Синего Дракона видно не было, но он будто наяву видел, как вырывается пламя из её бойниц.

– Отпусти его! – то ли приказ, то ли мольба, но в одной этой фразе было больше, чем Раймон слышал от Ингрид за всю жизнь. А потом лёгкий шорох ткани заставил наместника замереть, опасаясь обернуться и увидеть то, что он мог только представлять.

– Ты сказал... – Ингрид бесшумно приблизилась и, опустив руку на плечо Раймона, огладила его. – Сказал, что может быть... Если...

Раймон развернулся рывком, уже в повороте перехватывая тонкую кисть, так что Ингрид вскрикнула от боли и тут же закусил губу.

– Зачем? – выдохнул наместник во влажные, пахнущие жасмином губы.

– Он мой брат...

Раймон усмехнулся и чуть отстранился.

– За каждого по разу... стала бы ты?

Ингрид смотрела непонимающе, но в её глазах было нечто удивительно неземное, делавшее её осколком света или льда, застрявшим в ночи.

Раймон потянул эльфийку за руку и развернул к себе спиной. Ингрид снова вскрикнула – она явно ожидала другого. Всё её тело сотрясла дрожь, когда рука Раймона прошла по белой гладкой ягодице. Ингрид тут же издала рваный всхлип.

Ингрид затрясло. Она попыталась вырваться, но тягаться с вампиром не было никакого смысла. Хранительница рванулась ещё дважды – Раймон спокойно удерживал её одной рукой.

– Представляю, как это было у вас с Бальдером... Он давал тебе то, чего ты хотела, а Ингрид? Он непохож на того, кто мог бы тебя взять...

Ингрид задохнулась от неожиданности и стыда.

– Но ты всё равно выбрала его...

Вывернув назад левую руку Ингрид, а затем и правую, Раймон перехватил оба запястья одной рукой. Другой он развёл в сторону полы камзола и принялся расстёгивать ремень. Ингрид тихо всхлипывала внизу, но кровь, стучавшая в виски Раймона, заглушала всё. Высвободив собственную плоть, он ворвался в мягкое покорное тело одним долгим движением, закрыл глаза и резко выдохнул.

Тьма внутри отступала. Пустота заполнялась с невероятной скоростью, и когда он качнул бедрами, в этом было больше удовлетворения, чем во всех титулах Империи.

– Ты не...

Раймон усмехнулся и, не переставая двигаться, наклонился к уху Ингрид.

– Что же я не? – спросил он, обжигая горячим дыханием нежную кожу.

– Не... по... – Ингрид тихо охнула и замолкла. Раймон видел, как по щекам её катятся слёзы, но они казались такими же нереальными, как и всё вокруг.

Наместник закрыл глаза, оставив себе лишь одно удовольствие – чувствовать тугое горячее нутро, принимавшее его раз за разом. Он не целовал и не ласкал Ингрид, как это было когда-то. Он брал её так, как не стал бы брать даже шлюху в имперском борделе – но именно так он хотел. Почувствовать, как туго сжимаются мышцы. Услышать, как тихо плачет под ним его мечта, его идол... Его прошлое.

Протяжно выдохнув, Раймон вошёл до предела. Тело обмякло, но разум оставался всё так же воспалён, будто и не было ничего. Он чувствовал, что мог бы повторять это ещё и ещё, пока не упал бы без сил. Эту жажду невозможно было утолить.

Наместник наконец отпустил руки Ингрид, и те безвольно обвисли по сторонам.

– Мне понравилось, – бросил он и отошёл, чтобы застегнуться.

Ингрид не вставала. Только когда Раймон уже отошёл к самой двери, Хранительница тихонько позвала:

– Рэй...

Она никогда не называла Раймона так, и оттого, что Ингрид использует имя, которым звали его только Свеа и Силь, стало неожиданно противно.

И всё же Раймон остановился.

– Ты... отпустишь... его?..

Уголок губ Раймона нервно дёрнулся.

– Белл будет жить. Это я тебе обещаю.

Раймон сидел на троне в зале Власти и нервно постукивал пальцами по подлокотникам.

Ярость отступила, но ощущение лихорадки не проходило.

Белл был здесь. На коленях. Он смотрел на него взглядом, полным такого знакомого презрения. Даже теперь Раймон не мог добиться от него большего, но теперь от этого не было больно.

– Пригласите Хранительницу, – бросил он вполголоса, наклоняясь к стоящему по левую руку Шарлю.

Адъютант кивнул и торопливо вышел прочь.

Раймон сосредоточил взгляд на недавнем Владыке. Странная истома прошла по всему телу, будто он смог, наконец, покинуть седло после многочасового полёта.

– Ты посмел, – сказал он тихо, – напасть на моего посла.

– На твоего по... – Белл поперхнулся насмешкой, когда сапог одного из солдат, державших его за руки, уткнулся под ребро.

– На командора Свеа, – сказал тихо Ксавье, державший Белла за другой локоть, и сильнее заломил ему руку. Белл выдохнул, пытаясь сдержать стон.

Раймон усмехнулся, но в этот момент усмешка его больше походила на оскал.

– Почему ты всегда бьёшь безоружных, а, Белл?

– Пошёл... – новый удар под ребро заставил его замолчать.

– Тут любой разорвёт тебя на части даже без приказа. Так что лучше говори по делу, Белл. У тебя больше нет дома, а значит, ты не можешь быть мне полезен.

Белл молчал, с яростью глядя на наместника снизу вверх.

– Я хотел... – сказал он, и когда сапог конвоира снова ткнулся ему под ребро, Раймон знаком приказал солдату прекратить. – Хотел заглянуть в твои глаза, полукровка.

Губы Раймона дёрнулись. Вопрос, вертевшийся на языке, потонул в тумане ярости, но он сжал кулаки и заставил себя сдержаться.

– Чего же ты ждёшь... ублюдок?

Раймон выпрямился, выигрывая время, и в этот миг, наконец, открылась дверь, и на пороге показалась Ингрид.

– Я жду её, – сказал Раймон и улыбнулся. На Ингрид он не смотрел. – Твоя сестра отдала своё тело в обмен на твою жизнь. И ты будешь жить, Белл. Даже если я ещё пожалею об этом.

Белл зло усмехнулся.

– Вот и всё, чего ты хотел...

– Пятьдесят плетей ему, – приказал Раймон, не дожидаясь, пока тот договорит. – Затем позвольте Хранительнице ему помочь – если он пожелает. И пусть идёт на все четыре стороны, – Раймон ещё крепче сжал подлокотники. – Но пусть гонцы трубят у всех ворот – тот, кто даст ему кров, разделит его участь.

Краем глаза Раймон заметил, как Ингрид вздрогнула. Хранительница и без того стояла бледная, как мел, опираясь плечом о

стену, а теперь, кажется, и вовсе собралась грохнуться в обморок.

Раймон улыбнулся и прямо посмотрел на неё.

– Видишь, Инг, я выполнил свою часть сделки.

Не говоря больше ни слова, Раймон встал и направился к выходу.

В комнате Свеа было холодно. Едва войдя, Раймон ощутил, как снова приливает ярость от этой мысли – и тут же отступает, когда чуть приподнимаются короткие ресницы вампирши. Будто теплой волной вымывает грязь и желчь.

Раймон шагнул к постели вампирши. Опустившись на краешек матраса, он поймал и крепко сжал тонкую, почти прозрачную руку. Ладони Свеа были сухими и холодными.

– Просто пара стрел.

– Как всегда... – Раймон покачал головой.

– Я не орала, когда их вытаскивали.

– Я знаю, – Раймон усмехнулся и крепче сжал её пальцы. – Ты ела?

Свеа какое-то время не двигалась, а потом покачала головой.

– Что же ты делаешь, командор?

Свеа фыркнула и поморщилась.

Раймон коротко поцеловал её руку. Отпустил и скинул на пол камзол, а затем развязал жабо и принялся расстёгивать рубашку. Свеа смотрела на него задумчиво, будто видела это всё в первый раз.

Заканчивая раздеваться, Раймон сбросил сапоги и, чуть подвинув Свеа в сторону, устроился на кровати рядом с ней.

– Давай, – он чуть приподнял вампиршу, прижимая её губы к своей шее. Свеа медлила секунду, а потом впилась в его тело зубами и принялась мягко посасывать.

– Твоя кровь горькая, – сказала она через некоторое время, отстраняясь.

– Это от усталости.

Свеа не ответила. Раймон крепче прижал её к груди и понял вдруг, что мысли исчезли. Все до одной. Он положил голову на плечо подруги и уснул, хотя вовсе не собирался спать.

Глава 28. Хранительница

Ингрид не запомнила, как добралась до дома. Её трясло, и несколько раз она думала, что вот-вот вывалится из седла, и только преданная виверна каждый раз спасала её от гибели.

В башню она вошла молча, не замечая стайки слуг, выскочивших навстречу и попытавшихся её раздеть. Их руки казались назойливыми, а голоса вызывали мигрень.

Только упав на кушетку у себя в спальне, она начала осознавать, где находится. Перед глазами всё ещё стоял край стола, в который она уткнулась лицом по воле сильных и злых рук.

Ингрид свернулась калачиком и заплакала.

Она не знала, сколько это длилось. Ингрид плохо помнила, когда плакала в последний раз. Сначала, в детстве, у неё не было настолько серьёзных поводов, чтобы лить слёзы, а потом никогда не было на это времени.

Рыдания смешивались с шорохом дождя за окном, и Хранительнице казалось, что весь мир наполнен водой. Она то и дело сжимала пальцы, силясь успокоиться, но это не помогало, слёзы лились сами собой.

Поглощённая собственной болью, Хранительница не заметила, как тихонько открылась дверь, и вошёл её супруг. Бальдер молча стоял, прислонившись к косяку, и не двигался, глядя на свернувшуюся комочком эльфийку. Внешность Ингрид потеряла привычный лоск. Она казалась мокрым мышонком, зажавшимся в уголке дивана.

Только когда рыдания начали стихать, Бальдер решился приблизиться. Он так же бесшумно опустил руки на плечи Хранительницы – и тут же тело Ингрид сотрясла новая череда рыданий.

– Инг...

Ингрид вздрогнула последний раз и заледенела.

– Не называй меня так, – сказала она, сама не зная, почему это короткое имя так разозлило её.

– Ингрид...

Бальдер наклонился к ней сзади и притянул к груди.

– Новости уже разлетелись? – спросила Ингрид, и в голосе её был лёд, как будто не она рыдала в одиночестве всего секунду назад.

Бальдер долго молчал, прежде чем ответить:

– Да.

Плечи Ингрид всколыхнулись и опали. Она всё ещё не могла поверить в то, что произошло. Она шла в башню Раймона в уверенности, что тот уступит ей – как уступал всегда, сжалится и смягчится. Но что-то сделалось с другом её детства – что-то недоброе настолько, что Ингрид затруднялась представить это.

«Он стал вампиром», – подсказывал разум, но почему-то Ингрид казалось, что дело не в этом.

Власть вампиров пока не принесла сумеречному народу никакого зла. Не было ни публичных расправ, ни жестоких забав, которых можно было ожидать от захватчиков. Только один дом пострадал всерьёз – и это был дом, где Ингрид родилась и выросла.

Это не укладывалось в голове. Когда Ингрид отказывала Беллу в помощи, она не думала, что всё может пойти так далеко. Что Раймон позволит умереть тем, кто когда-то был её семьёй. Она боялась мести – особенно после позора, постигшего кузенов – но не думала, что эта месть может быть настолько холодной и равнодушной.

Она узнала об атаке на Башню Синего Дракона около полуночи. Её просили о помощи, и это был не Белл – просто один из младших воинов клана, которых Ингрид знала в детстве так много – Шариэль. А Ингрид не знала, что делать. Она хотела бы обратиться за помощью к Бальдеру, но это было бесполезно – супруг знал о войне ещё меньше её самой. Она же не хотела рисковать ещё и новой семьёй. Шариэль писал, что армия врага надвигается на башню, и армия эта в десятки раз больше, чем войско, которое могут собрать они сами. Но он не писал, чья эта армия – а Ингрид тогда ещё и помыслить не могла, что ей управляет Раймон.

Зачем? Ведь он получил, что хотел. Королевство лежало у его ног, разве был ему прок в том, чтобы истреблять выживших.

Ингрид сделала единственное, что могла сделать, не рискуя другими – отправилась к Раймону просить заступничества. Просить так, как тот должен был услышать, потому что даже она не была настолько самоуверена, чтобы второй раз повторять свою просьбу голословно.

Дальше мысли путались. Всё случившееся казалось кошмаром. Она готова была сделать то, что они с Раймоном так и не сделали много лет назад – готова, несмотря на супруга и все те годы, что разделили их. Но она не думала, что станет просто вещью в руках

наместника. В руках совсем чужого существа, в котором не было и грамма от её названного брата.

Слёзы снова начали душить Ингрид, но она затолкала их поглубже внутрь себя. Не нужно было Бальдеру видеть этих слёз. Не нужно было знать ему, отчего так больно супруге. И без того слишком много вопросов теперь стояло между ними, и Ингрид проглотила тугой комок в горле, чтобы спросить:

– Что теперь?

Бальдер молчал. Руки его на плечах супруги будто бы закаменели.

– Давай, Бальдер, говори, я хочу знать, что ты думаешь.

Она подняла глаза, но Бальдер тут же отвернулся.

– Глава дома Саламандры, – сказал он наконец медленно, – не может быть...

Бальдер замолк. Ингрид вспыхнула и, стиснув зубы, процедила:

– Ну же, договаривай, Бальдер. Кем не может быть твоя супруга?

Бальдер молчал.

– Не может быть шлюхой, ты хотел сказать?

– Прости, – ответил Бальдер холодно и убрал руку. – Ты знаешь, как все мы относились к тебе. Но тебе следовало думать о чести твоего дома, когда ты...

И снова Ингрид вспыхнула, но промолчала.

– Демоны, Ингрид, о чём ты вообще думала?

Ингрид покачала головой.

– Ты знаешь достаточно, чтобы понять. Он хотел убить моего брата. О чести моей семьи ты не подумал?

– Мы – твоя семья! – Бальдер резко развернулся и впился в неё неожиданно жёстким взглядом. Ингрид отвела глаза.

– Ты предала нас, Ингрид, и всем нам придётся осмыслить это.

Ингрид стиснула зубы.

– Да, – процедила она, – нам всем придётся многое обдумать.

Наутро Свеа была уже почти здорова. Когда Раймон проснулся, она сидела в кресле у окна и перелистывала какие-то бумаги. Лицо её было хмурым и уставшим.

– Свеа... – тихонько позвал Раймон, переворачиваясь на бок и пытаясь заглянуть за уголок бумаги. Свеа попросту вынула лист из

пачки и, не глядя, передала ему.

Раймон перечитал какие-то цифры о количестве погибших и отложил бумагу в сторону.

– Свеа, как ты себя чувствуешь?

– Я в порядке, – Свеа наконец посмотрела на него. – А ты?

Раймон пожал плечами.

– Небольшая потеря крови меня не убьёт.

– Я не об этом. Ночью ты убил всех тех, кому так стремился доказать своё превосходство. Тебе... легче? Или наоборот?

Раймон отвернулся. Он не знал, что сказать. Было ли ему легче? Тьма немного отступила, но он вовсе не был уверен, что дело в гибели дома Синего Дракона. Представлять пожарище было... возбуждающе. Тьма разливалась по всему телу и наполняла его до краёв, давая какую-то новую, доселе неведомую силу. Но легче ему не было. Напротив, место отступившей на время тьмы заняла горечь. Списки убитых не говорили Раймону ни о чём – за время войны он привык видеть их и не считать потерь. Но цель, которой он жил все прошедшие годы, потеряла смысл. Нужно было придумать новую цель, но ничего вокруг не порождало желания жить и бороться так, как он делал это раньше.

– Они едва не убили тебя, – сказал наместник вслух. – Я сделал то, что должен был.

Свеа покачала головой. Снова уткнулась в бумаги, изучала их какое-то время, а затем отложила в сторону.

– Но ты отпустил Белла.

– Да.

– Почему?

Раймон отвёл взгляд.

– Думаю, ты уже слышала от слуг.

Свеа прицокнула языком.

– Я надеялась, что всё не так плохо, и ты расскажешь мне свою версию.

– Нет другой версии! – Раймон вскочил и замер, не зная, что собирался сделать только что. Он нависал над Свеа и чувствовал ту же самую чёрную злобу, которая наполнила его ночью. На секунду ему показалось, что он собирался вздёрнуть Свеа и... И что? Ударить?

Спустя миг это уже казалось ему невозможным, и он снова отвёл глаза, а затем опустился на колени у кресла Свеа и обнял её за бёдра.

– Я устал, Свеа.

Свеа покачала головой. Она запустила руку в мягкие густые волосы наместника и провела пятернёй вдоль шелковистых прядей.

– Здесь я ничем не могу помочь.

Поколебавшись секунду, Раймон опустил голову ей на колени.

– Я взял её силой. Хотя она сама пришла отдаться мне и просила спасти её брата. Я не знаю, что на меня нашло. Я так хотел сломать её. Уничтожить. Раздавить эту фарфо... – он замолк, внезапно осознав, что хотел сказать, и тут же заметил, какими мёртвенно неподвижными стали руки Свеа у него на затылке.

– Зачем ты говоришь это мне? – спросила вампирша медленно.

Раймон едва заметно покачал головой и накрыл ладонь Свеа своей.

– Не знаю, Свеа... Прости.

Свеа прикрыла глаза и постаралась расслабиться.

– Ничего. Тебе просто нужно было кому-то сказать.

– Нет, – Раймон чуть сжал ладонь, – я просто думаю, что ты должна была узнать. Иначе... Не знаю.

Оба замолчали – и молчали так довольно долго, пока дождь за окном не стал утихать.

– Что теперь? – спросила Свеа через какое-то время.

Раймон не шевелился. Он не знал, что сказать. Огромное и некогда величественное королевство было у него в руках, но ему было всё равно. Всё, чего он добивался с таким трудом, потеряло смысл.

– Дом Саламандр, – уцепился он наконец за промелькнувшую в голове мысль.

Свеа напряглась, и Раймон поспешил добавить:

– Они убили семью Сильвары. Они могут попытаться свергнуть короля ещё раз.

– Ты собираешься убивать всех, кто может восстать против короля? – Свеа устало откинула голову на спинку кресла.

– Нет. Только Саламандр. Я должен доказать их вину и казнить всех, кто причастен к заговору. Я думаю, Сильвара будет рада.

Свеа открыла глаза и чуть развернула голову наместника, заставляя посмотреть себе в глаза.

– Дело в Сильваре... Или в Ингрид?

Раймон неожиданно сильно сжал ладонь вампирши и тут же заставил себя ослабить хватку – один палец за другим.

– Дело в Сильваре, – сказал он твёрдо.

Свеа снова закрыла глаза и расслабилась. Она не верила. Но спорить не было ни желания, ни сил.

Прошла почти неделя с тех пор, как был уничтожен дом Синего Дракона. Раймон попросил Грэма подобрать людей, которые могли бы завести знакомства в доме Саламандры, и теперь ждал результатов. Зная, как был устроен любой двор, он не сомневался, что в доме найдутся те, кто хочет заключить сделку с Империей.

Письмо от такого «недовольного» пришло на седьмой день ожидания. Подписи на нём не было – только плотный конверт и небольшой листок бумаги внутри с указанием места и времени встречи.

– Это может быть ловушка, – заявила Свеа тут же.

Раймон усмехнулся.

– Ты это говоришь после своей выходки?

Свеа пожала плечами.

– Всё было продумано, и Ксавье успел сообщить о тебе. К тому же не думаю, что мне что-то угрожало всерьёз... – она замешкалась, не зная, стоит ли ворошить прошлое, а потом всё же решилась. – Белл хотел выманить тебя. Я попала под руку случайно.

Раймон усмехнулся.

– Мне лестно, если столько сумрачных вдруг захотело поговорить со мной лично. Но рисковать я не собираюсь. Ты пила мою кровь совсем недавно и наверняка сможешь проследить за всем на расстоянии. Отряд солдат тоже не помешает, только разместим их чуть поодаль. Если что – ты дашь им сигнал.

На первый взгляд план казался разумным, и Свеа кивнула.

В назначенное время – в час восхода луны – Раймон ждал свою визави на берегу Хрустальной бухты. Первые лучи ночного светила коснулись поверхности воды, когда он различил вдали силуэт в серо-голубой мантии и вздрогнул. Он узнал бы его из тысячи.

– Ингрид...

Раймон стоял, не в силах поверить своим глазам. Только когда Ингрид оказалась на расстоянии вытянутой руки от него, Раймон на миг подумал о том, что это точно ловушка – но мысль тут же выветрилась, едва он разглядел покрасневшие глаза Хранительницы.

– Ингрид... – повторил он растерянно.

– Раймон, – Ингрид коротко кивнула. Голос её не был холоден, и это удивляло. Скорее он был спокоен, как гладь моря вдалеке.

Раймон молчал, ожидая продолжения, и Ингрид протянула ему конверт.

Раймон принял его и торопливо вскрыл. Внутри оказалось письмо, которое мало о чём ему говорило. Письмо предназначалось Беллу.

– Что это? – спросил он.

– Это малый кусочек переписки одного человека из моего дома с... – голос её дрогнул.

– Я понял, – торопливо перебил её Раймон. – Что это значит?

– Имя этого человека я назову позднее... Может быть. И ещё несколько писем присоединятся к этому.

Раймон задумчиво смотрел на давнюю знакомую, пытаясь понять, что заставило ту прийти.

– Что ты рассчитываешь получить?

Ингрид на секунду сжала губы, показавшиеся неожиданно тонкими.

– Немногое, – сказала она.

– Говори.

– Во-первых, я хочу, чтобы пострадали лишь те, кто замешан в заговоре. Не так, как было в прошлый раз.

– Это уже немало.

– Тем не менее, это не всё.

Раймон выжидающе смотрел на неё, а Ингрид замолкла, подбирая слова.

– Ты когда-то предложил мне уехать отсюда.

Раймон почувствовал, как по коже пробегает озноб.

– Так вот, я согласна. Я хочу, чтобы ты забрал меня в Империю.

Раймон сжал письмо, едва не разрывая бумагу в клочья.

– После всего? – произнес он, и голос его сорвался на шёпот.

Ингрид облизнула губы.

– Мы причинили друг другу много боли. Я знаю это. Но ты слышал, о чём я прошу.

– Почему?

Ингрид закусила губу и долго молчала, но Раймон ждал.

– Какое это имеет значение? – спросила Хранительница наконец.

Раймон молчал, но и Ингрид не желала продолжать.

– Никогда не будет как прежде, – сказал Раймон наконец. – И я не Бальдер.

– Я знаю, – оборвала Ингрид и вскинула на него взгляд. – Потому и прошу.

– Я не стану больше потакать тебе. Ты будешь принадлежать мне, Ингрид. Не наоборот. Ты всё равно этого хочешь?

Ингрид закусила губу и медленно кивнула.

– Хорошо, – выдохнул Раймон, стараясь не показывать волнения. – Принеси мне письма. Завтра вечером здесь же.

– Нет! – Ингрид сжала кулаки.

Раймон изогнул бровь.

– Нет, – повторила Ингрид уже спокойнее. – Завтра утром. В башне. И больше я не вернусь... Домой.

Раймон медленно кивнул.

Глава 29. Наместник

К концу месяца Сильвара уже полностью пришла в себя. Впрочем, пользоваться виверной ей по-прежнему запрещалось. Молодая королева прекрасно понимала разумность этого решения, но в итоге ей приходилось целыми днями бродить по этажам в поисках занятия. Она будто бы вернулась в собственное детство, когда няньки и слуги носили её на руках и кормили с серебряной ложки – вот только в давно знакомых залах не было больше ни братьев, ни отца.

От этого Сильваре неизменно становилось тоскливо и всё больше хотелось снова сесть в седло. Башня угнетала её, и она даже начала скучать по Гленаргосту. Там, потакая прихотям любимого миньона, Раймон собрал немалую библиотеку, и хотя большую часть книг Сильвара знала наизусть, стены библиотеки давно стали ей родными.

В башне Золотого Дракона тоже была библиотека, но в ней почти круглосуточно работала Свеа. Сильвара знала, что бывший командор собиралась заняться изучением истории Исхода, но до сих пор ни разу не видела, чтобы та работала с книгами. Обычно она просто доставала

их, складывала на столе... А затем начинала копаться в отчётах и документах о состоянии дел в провинции.

В очередной раз заметив внимательный взгляд королевы, которая тоже никак не могла сосредоточиться на книге, Свеа подозвала её к себе, и начала объяснять, какие цифры и что значат. Хотя Сильвара легко запоминала имена и события, здесь она разобралась не сразу. Однако Свеа не отставала, а поскольку эльфийке всё равно нечего было делать, она начала понемногу вникать в дела королевства, королевой которого себя назвала.

Постепенно ей становилось интересно. Расстановка сил в других домах, численность армий и интересы других Владык – всё это было как в историческом романе, и когда Свеа тыкала пальцем в очередной документ, Сильваре нередко вспоминалось, что она где-то о подобном уже читала.

– Владыка Валькирий уже третью сотню лет отказывается подписывать договор с владыкой Горна, – рассказывала ей Свеа об очередной проблеме. – По обе стороны от переправы через Вельн стоят их войска, и мы не можем наладить торговый путь, по которому могли бы доставлять продовольствие из Империи в разорённые районы. Можно было бы проложить маршрут севернее, но, я боюсь, зимой там будет не пройти.

– Конечно, не пройти, – согласилась Сильвара. – В «Легенде о Снежном Ветре» Амриэль погибла именно там. Именно тогда и началась война между Валькириями и Горном.

Свеа изогнула бровь и подняла глаза на Сильвару, но та, похоже, ушла куда-то в собственный мир.

– Владыка Валькирий Бравиэль взял в жёны Амриэль, дочь Владыки Горна... не помню, как его звали. Остров Шуаль в самом центре реки должен был отойти Валькириям в качестве приданного. Но когда Амриэль везли этой самой тропой, на отряд напали варвары с севера. Они часто высаживались тогда в наших краях. Невесте удалось сбежать, и она тридцать дней скиталась по заснеженным пустошам. Только следующим летом стражи Бравиэля нашли плывущее по реке перо из её волос. Саму принцессу больше никто не видел. Однако Бравиэль всё равно объявил Шуаль своей землёй. Владыка Горна был оскорблён и начал войну, которая длилась почти столетие и

закончилась лишь с приходом носферату в наши земли. Однако Шуаль по-прежнему не принадлежит никому.

Свеа наморщилась.

– Сто лет убивать друг друга ради острова, как это... по-эльфийски.

– Не ради острова, – поправила её Сильвара. – ради чести прекрасной Амриэль.

Свеа снова изогнула бровь, но разубеждать королеву не стала. Она опять уткнулась в бумаги, размышляя о том, как быть с подобным упрямством.

– Впрочем, – сказала Сильвара через несколько минут, – это всё равно глупо. Ведь душа Амриэль с её смертью обрела новое тело. Она вселилась в того, кто родился в час её смерти, спустя тридцать дней после гибели отряда. И если бы Бравиэль не думал так много о своём острове, он мог бы отыскать эту эльфийку и взять в супруги.

Свеа подняла глаза на королеву и какое-то время молчала.

– Шутишь?

Сильвара пожала плечами.

– Ну, так поступил Аймур...

– Стой! – перебила её Свеа. – По эльфийским законам это будет считаться законным?

– Что? – Сильвара моргнула.

– Ну... Если Бравиэль женится на такой девушке?

Сильвара пожала плечами.

– Наши предки верили, что дух важнее тела.

– И если мы найдём эту самую Амриэль, владыка Горна успокоится?

– Он должен, – уверено сказала Сильвара. – Если нет – круг Владык сможет обвинить его в неуважении к Предкам и подвергнуть испытанию Воли.

– А круг Владык наверняка захочет его обвинить, даже если сами они не очень-то верят в переселение душ, – продолжила за неё Свеа. – А что, трудно отыскать такую девушку?

– Рождение любого эльфа заносится в реестр на третий день, и тогда же он наделяется именем. Реестр где-то здесь.

Свеа усмехнулась.

– Силь, ты его найдёшь?

Сильвара пожала плечами и молча ткнула пальцем в полку со свитками напротив.

Свеа встала и отправилась изучать указанный шкаф, а Сильвара уселась на её место и продолжила перебирать бумаги.

– Что это? – спросила она через некоторое время, и Свеа чуть обернулась, высматривая, что попало к ней в руки. – Ахти из дома Саламандры, Туйонен из дома Саламандры... – Сильвара подняла глаза на Свеа. – Это же приглашение на погребальный обряд... нам троим.

Свеа торопливо вернулась и, отобрав у неё листок, убрала в сторону.

– У них что, эпидемия? – спросила Сильвара. – Двенадцать человек за три дня. Я думала, война закончилась...

Свеа прокашлялась.

– Раймон тебе не сказал?

– Не сказал что?

Свеа постучала пальцами по столешнице.

– Свеа!

– Это убийцы твоего отца, – сдалась Свеа.

Сильвара побледнела.

– Как... Как с.... – она не смогла договорить, но Свеа поняла и так.

– Нет, – торопливо возразила она. – Только те, кто был на самом деле виновен.

Сильвара ошарашенно покачала головой и откинулась на спинку кресла. Глаза её казались огромными как никогда.

– Он не был таким, – сказала Сильвара тихо. – Как... Как он мог?

Свеа отвернулась. На сей раз ответить ей было нечего. Она и сама прекрасно видела, как меняется Раймон. За прошедший месяц он стал жёстче, чем за все прошедшие восемьдесят лет.

– Он теперь наместник, – сказала Свеа просто и невольно прижала к груди ещё одно письмо из Гленаргоста, которое она решила Раймону не отдавать. Данаг просил приехать. Почему-то Свеа не хотелось этой встречи. Что бы ни задумал Древний, Раймон сейчас был не в состоянии принимать взвешенные решения.

– Но зачем...

– Сильвара, – Свеа резко развернулась. – Заговорщики должны знать, что их ждёт кара.

Сильвара растерянно покачала головой.

– Я хочу поговорить с ним.

Свеа пожала плечами.

– Попробуй. Я это делать устала.

Ингрид стояла у окна лицом к комнате и нервно комкала в пальцах платок. Сир должен был прийти с минуты на минуту, но почему-то задерживался. Их встречи проходили как по расписанию – каждый третий день, и Ингрид отлично понимала, что оставшиеся два дня Раймон ходит с той же целью к её кузенам.

Хотя Ингрид находилась в неизмеримо лучшем положении – у неё была собственная спальня на этаже для прислуги, и она могла обедать на кухне вместе с горничными, в то время как два других миньона не покидали темницы – в остальном всё происходящее казалось ей дурным сном. Раймон, её любимый брат Раймон, не был способен на то, что происходило сейчас. И хотя ещё тогда, когда она принесла Раймону первую часть переписки, Ингрид знала, что Раймон изменился, она всё же не могла представить, во что выльется её решение.

Впрочем, оставаться в доме Саламандры было невозможно. Бальдер ясно дал ей понять, что её главенство будет обсуждаться в кругу Владык. В том, какое решение будет вынесено, сомнений не было. Ей предстояло Испытание Воли и Ингрид боялась.

В любом случае, даже если бы она прошла испытание, её репутация среди владык и среди собственного окружения была подорвана навсегда. Оставалось только покинуть королевство и попытаться начать всё там, где никто не знает её. И единственным, кто мог помочь ей в этом, оказался тот, кто её погубил.

Ингрид шла на встречу, стиснув зубы, и, так же стиснув зубы, принимала все условия. Какова же была её ярость, когда оказалось, что в ближайшее время Раймон не собирается отправляться в Гленаргост – и тем более отправлять туда её.

– Ты слишком ценное приобретение, – сказал наместник тогда, и в глазах его таилось что-то, чего Ингрид не видела до сих пор.

А потом начался кошмар.

Раймон милостиво позволил ей провести первую ночь в собственной спальне – безусловно, Ингрид была более чем разочарована тем местом, которое она заняла в новом доме. Раймон мстил, но тогда Ингрид думала, что это всего лишь проверка. Тем более что на вторую ночь Раймон позвал её к себе.

Тут уже Хранительница была уверена в своих силах. Правда, без собственной купальни она немного потеряла в лоске, и всё же не сомневалась в своих силах. Она готовилась соблазнить. Соблазнить не потребовалось.

Едва Ингрид вошла, Раймон взял её за плечо и надавил, заставляя опуститься на колени.

Ингрид подняла глаза, не в силах поверить в происходящее, и встретила взгляд Раймона – жаркий и почти безумный.

Ингрид попыталась встать. Раймон с силой надавил на её плечо. Ингрид показалось, что она теряет сознание.

По щекам побежали слёзы – самое верное средство, которое не отказывало Ингрид до сих пор.

Раймон слёз не видел. Он будто замороженный наблюдал он за падением своего кумира. Наместнику потребовалось не больше минуты.

– Свободна, – сообщил Раймон и оттолкнул Хранительницу когда получил своё.

Ингрид ушла к себе. Она долго лежала на боку в своей маленькой комнатке и пыталась осознать – что произошло и что делать теперь?

В следующий раз всё было дольше. Ингрид снова плакала, но Раймон не заметил её слёз и теперь. Когда всё кончилось, Раймон наклонил её к себе и рванул зубами шею. Он пил, пока Ингрид не потеряла сознание, и очнулась Хранительница уже у себя.

С тех пор кошмар не прекращался. Поначалу Ингрид надеялась, что сможет поговорить с наместником и тот вспомнит, как много связывает их, но Раймон не говорил с ней. Он не уговаривал и не заставлял. Ингрид просто заходила к нему в комнату и понимала, что тело ей не принадлежит.

Каждой встречи Ингрид ждала, как похода на эшафот – зная, что отменить её нельзя. Как правило, Раймон уже ждал её. Только в этот раз его не было, и Ингрид стояла какое-то время, комкая платок и

пытаясь понять, что сулит ей перемена в расписании. Она была уверена, что на лучшее надеяться не стоит.

Раймон вошёл, и Ингрид почувствовала, как привычно слабеет тело. Как руки тянутся к застёжкам, и сползает шёлк платья вдоль плеч. Она попыталась заговорить, но язык не слушался, и ей удалось издать лишь невнятный хрип.

Раймон подошёл и огладил её по спине – непривычная ласка, которой Ингрид удостоилась в первый раз.

– Иногда мне хочется знать, – сказал Раймон, внимательно разглядывая свою жертву. – Думала ли ты об этом, когда я разливал вино в два бокала – твой и Бальдера? Представляла ли ты, как прогибаешься подо мной, как раздвигаешь ноги и ждёшь, покорная и готовая ко всему?

Ингрид хотела бы ответить, но не могла. Опять по щекам бежали бессильные слёзы, и Ингрид не могла бы остановить их, даже если бы захотела.

– Не надо... – прошептала она и сама удивилась тому, что может говорить. – Пожалуйста, Рэй... Зачем?

Раймон не отвечал.

– Не надо... – повторила Ингрид, бессильно опуская лоб на ладони, и будто эхо прозвучало от двери:

– Не надо...

Ингрид поняла, что её бьёт дрожь. Она резко обернулась и увидела рыжеволосую девушку, назвавшую себя королевой. Раймон рывком отстранился, а Ингрид, оставшаяся без поддержки, едва не рухнула на пол. Ей мучительно хотелось чем-то прикрыться, но она смогла только натянуть на себя брошенную мантию как покрывало.

– Не надо... – Сильвара ещё секунду стояла, как громом поражённая, а затем рванулась внутрь и встала, заслоня собой Ингрид. – Что ты делаешь... Рэй?

Раймон смотрел на неё, будто не узнавая. Обе эльфийки видели, как ходят на его скулах желваки.

– Отойди, – сказал наместник ровно.

Сильвара покачала головой и на шаг отступила назад. Ей было страшно идти против того, кто всегда казался ей во много раз сильнее её самой, но стоять в стороне она попросту не могла.

– Силь, отойди, – повторил Раймон. – Всё нормально. Таков наш договор.

Сильвара бросила растерянный взгляд на сидевшую на полу Ингрид. Она видела и слёзы, бегущие по щекам эльфийки, и то, как бьёт её крупная дрожь.

– Зачем?.. – повторила Сильвара растерянно, поворачиваясь к Раймону.

– Мне нужно есть! – рявкнул Раймон первое объяснение, что пришло ему в голову, хотя прекрасно знал, что голод тут ни при чём. Его жажда была другого рода, и утолить её он не мог. С каждой слезой, пробежавшей по лицу Ингрид, она становилась лишь сильнее.

Сильвара растерянно покачала головой.

– Я никогда не отказывала...

Раймон выругался и схватил её за запястье.

Сильвара пискнула и замерла, будто испуганный зверёк.

– Сильвара, – сказал Раймон отдельно, почти по слогам. – Пожалуйста. Уйди. Я поговорю с тобой потом.

Сильвара хотела покачать головой, но поняла, что не может. Ноги сами несли её прочь.

Дверь закрылась у неё за спиной, а Раймон снова обернулся к Ингрид.

Без всякого наслаждения Раймон закончил начатое, затем выпил то, что причиталось, и привычно позвал слуг. Какое-то время он сидел в полумраке, а затем встал и отправился на поиски королевы – Раймон и в самом деле чувствовал, что должен что-то объяснить. В спальне Сильвары не было, как и в библиотеке. Зато из окна Раймон разглядел две фигурки, торопливо седлавшие виверн. Вернее, седлала только одна, другая уже сидела верхом.

Раймон нахмурился. И Свеа и Сильвара явно собирались покинуть башню без охраны, а это грозило обернуться новыми проблемами.

Он торопливо спустился вниз и настиг обоих, когда Свеа уже поставила ногу в стремя.

– Вы далеко? – спросил он, ещё не понимая истинного смысла происходящего.

– Силь, поднимайся, – Свеа махнула Сильваре рукой.

Раймон в недоумении проследил за тем, как виверна уходит вверх, и снова посмотрел на Свеа.

– Как это понимать?

– Мы уходим, Раймон. Думаю, нам пора вернуться домой.

– Домой... – произнёс Раймон растеряно. – Я думал, мы собираемся сделать это вместе.

Свеа покачала головой, поставила ногу в стремя и запрыгнула в седло.

– Планы изменились, – сказала она. – Я не обещала, что буду терпеть всё.

– Свеа...

– Я устала, Раймон. Отпусти меня.

Раймон покачал головой. Оглянулся на башню и снова на Свеа.

– У меня ещё есть дела. Я прилечу к тебе, и мы поговорим. Хорошо?

– Нет, – губы Свеа на миг сжались в плотную черту. – Не приезжай. У тебя есть всё, Раймон. Королевство. Титул. Дом, – последнее слово прозвучало особенно зло. – И послушная кукла, которая сосёт твой член. Позволь мне получить хотя бы покой.

Ответить Раймон не успел, потому что виверна взмыла в небо и скрылась среди облаков.

Глава 30. Зима

День ото дня зима подходила всё ближе к стенам башни Золотого Дракона. Метель заметала скалистые отроги и покатые берега, смотревшие в океан.

Никогда ещё Раймон не видел такой зимы – холодной. Пустой. Беспросветной.

Темнело едва за полдень, и мысль о том, чтобы скрываться от солнца, давно уже не приходила ему в голову. Он думал, что должен радоваться климату, столь расположенному к вампирам, но вместо этого горло почти непрерывно давила тоска.

Прошло уже полгода с тех пор, как Свеа уехала, забрав с собой Сильвару. Вопрос о праве наместника на власть после отъезда королевы возник только раз – и когда головы недовольных на три дня украсили ворота башни – был закрыт напроочь.

Однако власть не доставляла вампиру ни капли радости. Он чувствовал себя одновременно вернувшимся в прошлое и одиноким,

чужим. Всё здесь было почти так, как в те давние времена, когда он ещё умел быть счастливым. И каждый камень дышал равнодушием и пустотой.

Раймон подолгу вглядывался в горизонт, пытаясь представить, как он летит на виверне по голубому простору неба, а звонкий голос Ингрид смеётся совсем рядом, отделённый порывами свежего ветра.

Картинка тускнела и выцветала с каждым днём. Он уже почти не помнил неба, которое жило в нём восемь десятков лет и осколками смотрело на него из голубых глаз Свеа. Не помнил он и голоса Ингрид, который восемь десятков лет преследовал его по ночам.

Раймон оказался будто бы запечатанным в глухой чёрный мешок, сквозь который не проникали ни звуки, ни цвета.

Поначалу беспросветность серых дней скрашивало ожидание чего-то нового, что неизменно должна принести ему победа над прошлым. Он с упоением ждал встреч с Ингрид, каждый раз ожидая, что та, наконец, признает эту победу, попросит прощения и посмотрит на него с той странной нежностью, которая окрашивала их отношения в детстве.

С каждой встречей надежда таяла, пока не стала, наконец, такой же зыбкой, как потухшие миражи.

Они не говорили.

Стоило Ингрид появиться в комнате, чёрная злоба, давно поселившаяся в груди полуэльфа, рвалась на свободу, протягивала свои щупальца и с упоением брала своё. Он почти не мог ей управлять. Он хотел причинить Ингрид боль. Он хотел уничтожить её. Ингрид оставалась слишком чистой даже теперь. Она казалась кусочком белого облака рядом с ним, полностью поглощенным тьмой. Всё, что происходило кругом, казалось, не коснулось её. За восемь десятков лет она осталась такой же ранимой и чуткой. Ко всем, кроме Раймона.

И он выпускал на волю эту злобу, будто со стороны наблюдая за тем, как она уничтожает их обоих, но понимая лишь то, что он может уничтожить Ингрид.

Иногда Раймон с ужасом осознавал, что и это, настоящее лицо Ингрид, утончается с каждым днём, теряя цвет и сливаясь с общим кошмаром, поглотившим всё.

Только теперь, когда тьма была всюду утром и вечером, отступая лишь на недолгие два часа вокруг полудня, Раймон понял, что больше не может.

Он в первый раз попытался заговорить.

Он всё равно не сдержался и взял Ингрид, яростно и беспощадно, но потом, опустошив её тело, не позвал слуг, оставив Хранительницу в своей постели.

Проснувшись утром, он встретил испуганный и холодный взгляд синих глаз.

– Инг... – произнёс Раймон и тут же понял, что впервые за полгода говорит имя любимой вслух. Он прокашлялся и поправил себя, – Ингрид.

Взгляд Ингрид стал ещё более испуганным.

Раймон замолчал. Он не знал, что может сказать теперь – когда багровые синяки от его рук красовались, на бледных обнажённых плечах той, к чьим ногам он хотел положить свою жизнь.

Он мог попросить прощения, но тут же память подсказывала, что не Ингрид должна прощать.

Тогда он мог сказать, что прощает – но это было бы ложью. Он ненавидел красивое, изломанное существо, сидящее на постели рядом с ним. Ненавидел не за то, что Ингрид не выбрала его сторону много лет назад. Ненавидел за то, что она выбрала её теперь, когда все отвернулись от него, а Раймон мог дать ей спасение от собственной злости или окончательно погубить. Ненавидел за то, что даже теперь, в его доме, Ингрид не принадлежала ему и, как понимал Раймон всё яснее, не будет принадлежать уже никогда.

Он не знал, в какой именно момент понял, что весь его крестовый поход окончен, и на самом деле он проиграл. Проиграл, потому что победа его не нужна ни врагам, ни друзьям. И, что самое горькое, не нужна ему самому.

В тот день он отпустил Ингрид, а ещё через три дня повторил попытку.

– Я не хочу так, – сказал наместник, прежде чем начать свой ритуал. В этот раз он не применял магии крови и не использовал силы. Он просто хотел поговорить.

Но Ингрид заплакала. И при виде этих слёз новая волна ярости взметнулась к самому горлу.

Уже потом, баюкая в руках обмякшее тело, он пытался понять, откуда столько ярости на ту, кто не способен причинить ему вреда – и не мог.

На третий раз Ингрид ответила. Её губы дрожали, а ресницы трепетали, будто крылышки стрекозы.

– Отпусти, – прошептала она.

Раймон отвернулся и долго смотрел на белые хлопья снега, медленно кружившиеся за окном.

– Тебе некуда идти, – сказал он спокойно.

И снова Ингрид заплакала.

– Отпусти меня... – прошептала Ингрид почти беззвучно.

Ярости больше не было. Не было ничего. Будто всё внутри заметало этим снегом.

– Я должен уехать, – сказал наместник, не обращая внимания на слёзы эльфийки, корчившейся у него на руках. – Ты хочешь поехать со мной?

Их взгляды на миг встретились. Ингрид трясло. Она не могла говорить. И всё же в широко распахнутых глазах Раймон читал ответ, который повторялся снова и снова: «Нет».

В тот день он снова не сдержался и взял Ингрид, а затем оставил лежать, но уже в одиночестве.

Путь в Гленаргост занял около двух часов. Ледяной ветер бил в лицо и бросал в наездника хлопья колючего будто льдинки снега. Боль казалась приятной. Она прорезала проклятый мешок и заставляла чувствовать, а иногда и видеть что-то помимо темноты.

Виверна опустилась на землю у особняка, путь в который Раймон отыскивал бы самой тёмной ночью. В окнах горел свет – кто-то не спал.

На самом деле, свет горел всего в двух окнах – на кухне и в библиотеке.

Он вошёл молча, не спрашивая приглашения и не дожидаясь прислуги, как входил в этот дом всегда. На ощупь нашёл дорогу в темноте коридора и распахнул дверь.

Свет ударил в лицо, и на миг Раймон ослеп. Ему показалось, что даже при свете десятков свечей в башне Золотого Дракона не было так светло.

А ещё тут было тепло. В углу комнаты мягко потрескивал камин, но Раймону показалось, что это было совсем другое тепло, которого не даст ни один огонь.

Свеа сидела на диване с книгой в руках и пыталась читать. На коленях её лежала растрепанная голова Силь развалившейся поперёк дивана. Эльфийка что-то щебетала, но едва дверь открылась, замолкла.

Раймон встретился с ней взглядом и уловил в глазах Сильвары страх – нарастающий и расползающийся из самой глубины. Сильвара торопливо села, и Раймону показалось, что она вжимается головой в спинку дивана.

Свеа тоже подняла глаза от книги и посмотрела на наместника. В комнате стремительно холодало.

– Силь, ты не хочешь спать? – спросила Свеа негромко, захлопывая книгу.

Сильвара кивнула и двинулась к двери, но замерла, будто бы не зная, как миновать широкоплечую фигуру наместника, застывшую в проходе. Секунду Раймон смотрел на неё, не зная, почему та замерла, а затем медленно отступил.

Стараясь не касаться наместника, Сильвара шмыгнула в коридор и захлопнула за собой дверь.

– У вас всё хорошо? – спросил Раймон.

На миг он уловил и в глазах Свеа... нет, не страх. Он плохо мог представить, чтобы что-то напугало командора. Он уловил в них напряжение, и этого было достаточно, чтобы Раймону захотелось кричать.

– Очень хорошо, – сказала Свеа спокойно. – Зачем ты пришёл?

– Нет! – Раймон рванулся к ней, вздёрнул за плечи, заставляя встать, и тут же тонкие сухие пальцы перехватили его руки, отжимая их в сторону.

– Не делай так, – сказала Свеа спокойно.

– Почему ты ушла? – Раймон убрал руки.

– Потому что не хотела быть частью того, во что ты превратил свою жизнь.

Она смотрела прямо, но напряжение из её взгляда никуда не делось.

– Ты сама...

– Я сама сказала, что ты не должен жить прошлым. Не должен жить прошлым, Раймон! Разве ты следуешь этому совету?

– Я больше не живу ради неё. Как ты и хотела!

Свеа покачала головой.

– Теперь ты живёшь, чтобы унижать её. Она – всё ещё смысл твоей жизни, Раймон. Извини, но я не так безнадежна, как ты, и не собираюсь гоняться за призраками.

Раймон молчал. Взгляд Свеа стал ещё более колким, и она отошла назад, чтобы облокотиться о край камина.

– Ты всю жизнь хотел завоевать их любовь. Когда был рядом с ними. Когда был рядом со мной. Когда остался один. Я думала, если ты увидишь, что это невозможно, ты одумаешься... Но всё бестолку. Ты по-прежнему живёшь в своём чёртовом детском мирке. Только теперь тебе не нужна их любовь. Тебе хватает собственной ненависти. Ты разрушаешь всё, что напоминает тебе о прошлом. Как далеко ты зайдешь? Может, стоит убить меня, чтобы не вспоминать тех двух недель в позорной яме?

– Может! – Раймон скользнул вперёд, выпуская клыки. Руки его крепко сжали плечи Свеа, но та и не думала сопротивляться. На губах её появилась незнакомая злая улыбка.

– У меня есть идея получше, сир. Заставь меня ползать перед тобой на коленях. Ведь тебе это нравится... Нравится так же, как и ей.

Руки Раймона разжались и упали вниз. Свеа увидела, как гаснет злоба в чёрных глазах, сменяясь какой-то детской растерянностью.

– Свеа... – прошептал Раймон тихо.

– В чём дело? Не знаешь, что бы приказать?

– Зачем ты так... – Раймон попытался поймать её ладонь, но она неожиданно легко выскользнула из пальцев наместника.

– Нет, зачем ты так! – ярость в голосе Свеа была настолько непривычной, что Раймон отступил на шаг назад. – Ты думаешь, что ты причиняешь боль ей, своему наваждению, своей светлой мечте и огромной любви, но ты причиняешь боль мне и себе. Ты убиваешь себя, а я должна смотреть на это и терпеть. Должна молча наблюдать, как тот, кого... – она замолкла и отвернулась. Наступила тишина, и только тихо потрескивали в камине дрова. – Тот, – сказала Свеа тихо и неожиданно спокойно, – кого по какому-то вселенскому недоразумению я люблю... убивает себя.

Раймон обхватил плечи руками. Внезапно он снова ощутил холод, пронизывающий до костей.

– Прости... – прошептал он.

Свеа вскинула голову.

– На кой-чёрт мне сдались все эти «прости»? Сделай хоть что-то до конца, Раймон. Реши, чего ты хочешь. Сдохнуть, упиваясь своей злобой, или жить... Жить со мной. Потому что два в одном ты не получишь. И ждать, пока ты насладишься своим безумием, я тоже не хочу. Я сказала тебе не приходить, но ты пришёл... Что ж. На сегодня я тебя прощаю. Но завтра ночью я хочу знать, здесь ты или там. Если ты не придёшь, ты больше не войдёшь в этот дом. Никогда.

Эпилог

Часы пробили три. Свеа захлопнула книгу. Ночь подходила к концу, и Силь давно уже дремала у неё на коленях. Она не знала о вчерашнем разговоре. И хорошо, потому что Раймон так и не пришёл.

Свеа отложила книгу на стол и осторожно убрала с колен голову девушки. Поднялась, взяла её на руки и понесла в спальню.

С тех пор, как Свеа вернулась из Долины Цветов, при ней снова жило несколько слуг. Затворничество показалось ей невероятно глупым, да и ситуация при дворе изменилась. Атрей никогда не жаловал командора, а в последнее время находиться подле него было всё тяжелее.

Теперь же император сменился. Как и все, Свеа не питала особых надежд на самостоятельность Алукарда. Его привёл к власти Данаг, но наверняка за новым императором стоял кто-то ещё, кто не желал демонстрировать своё участие настолько явно. И, тем не менее, атмосфера при дворе стала немного лучше, и Свеа начала видеть некий смысл в выходах в свет.

Апатия, владевшая ею долгие годы, постепенно спадала. То, что делал Раймон, было глупо и жестоко. Жестоко не только к врагам, но и к ней. И именно это отрезвляло.

Она пока не спешила искать новых миньонов, однако уже взяла новую кухарку и пару лакеев, чтобы сделать долгое время пустовавший дом более обжитым.

Опустив Сильвару на кровать, Свеа вышла, пересекла коридор и открыла собственную дверь. Купальня была не натоплена, и она

решила отложить ванну на утро. Просто сняла камзол и повесила его на спинку стула. Затем принялась медленно снимать рубашку.

Состояние было странным. Ей не было всё равно, и всё же она внутренне примирилась с тем, что Раймон так и не придёт. Она медленно развязала жабо и встряхнула головой, убирая с плеч волосы, запутавшиеся в кружевах.

В следующую секунду Свеа замерла, ощутив на плечах тяжесть чужих пальцев.

Первым желанием было отодвинуться, избежать прикосновения незнакомца, и когда она услышала над ухом тихое «Прости» – это желание всё ещё ею владело. Свеа заставила себя расслабиться и чуть откинулась назад, запрокидывая голову и опуская её на плечо Раймона.

– Продолжай.

– Продолжать что?

– Ты, кажется, начал объяснять, почему я ждала тебя всю ночь.

Раймон с силой стиснул тонкие плечи и уткнулся носом в волосы Свеа. Они пахли корицей, как когда-то давно.

– Прости. Я всё-таки пришёл.

Свеа покачала головой.

– Что ты сделал с ней? Убил?

Раймон вздрогнул и попытался поймать взгляд Свеа, но та и не думала поворачиваться к нему.

– Ничего. Пока.

– Хорошо. Привези её мне.

– Зачем?

– Так нужно, Раймон. Я так хочу.

Раймон не ответил. Только глубже зарылся носом в чуть колючие волосы.

– Прости, – повторил он.

– За что ещё?

– За то, что пришёл только сейчас. Не год, не два и не десять лет назад.

Свеа вздохнула.

– Ты был прав. В глубине души я не хотела чтобы ты пришёл ко мне, неся её в своём сердце.

– А теперь?

– А теперь... – Свеа развернулась и, поймав двумя ладонями лицо Раймона, повернула его к себе, – теперь твоё сердце пусто. В нём тьма, но я не боюсь тьмы. Я заполню его любовью.

Раймон грустно улыбнулся.

– Оно твоё. Делай что хочешь.

– Только оно? – Свеа опустила одну руку, а другой скользнула по щеке Раймона, очерчивая скулу.

– Всё, что у меня есть. Больше не будет ни мести, ни одержимости, ни стремления вверх... Только ты.

– Мне жаль, что у тебя не будет мечты.

Раймон пожал плечами.

– Может быть, – сказал он, отводя глаза чуть в сторону, – может, она ещё появится, как ты думаешь, Свеа?

Свеа улыбнулась без особой радости. Она не ответила. Только коснулась поцелуем губ Раймона и тут обнаружила, что руки наместника уже расстёгивают её рубашку. Она с улыбкой наблюдала за происходящим, а затем оторвала руки партнёра от себя и снова поймала его взгляд.

– Ты уверен, что заслужил? – спросила она с улыбкой и, к её удивлению, Раймон так же спокойно покачал головой.

– Я уверен, что не заслужил.

Вопреки словам, он подтолкнул Свеа к постели, и та позволила уронить себя на спину. Она спокойно наблюдала, как руки Раймона продолжают избавлять её от одежды. Потом губы наместника скользнули по её груди. Раймон целовал её не торопясь, давая насладиться каждым прикосновением, и Свеа чувствовала, как медленно нарастает внутри желание большего.

– Горячо, – выдохнула она, прикрывая глаза.

Наконец Раймон послушался, неторопливо и мягко вошёл в неё и принялся двигаться, раскачиваться взад вперёд. Когда пальцы Свеа с силой вцепились в его спину, он сделал ещё несколько движений, и вышел из неё.

Отодвинулся и положил голову Свеа на живот.

– Раймон... – позвала Свеа.

Раймон покачал головой.

– Не важно.

Он положил руку на бедро Свеа и добавил:

– Тепло...

Свеа усмехнулась и подумала про себя, как это странно, что два абсолютно холодных существа так легко могут согреть друг друга.